

БОЛЬШИЕ *и* КНИГИ

Джеральд
Даррелл

ПЕРЕГРУЖЕННЫЙ
КОВЧЕГ
ГОНЧИЕ БАФУТА
ЗООПАРК
В МОЕМ БАГАЖЕ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Джеральд Даррелл

**Перегруженный ковчег. Гончие
Бафута. Зоопарк в моем багаже**

«Азбука-Аттикус»

1953, 1954, 1960

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Перегруженный ковчег. Гончие Бафута. Зоопарк в моем багаже / Д. Даррелл — «Азбука-Аттикус», 1953, 1954, 1960 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-21253-4

Имя Джеральда Даррелла известно во всем мире. Писатель, натуралист, путешественник, создатель уникального зоопарка на острове Джерси, на базе которого организован Фонд сохранения диких животных. Даррелл написал более тридцати книг, и почти все они переведены на многие языки, им снято несколько десятков фильмов. В настоящем издании представлены три книги Даррелла, в которых рассказывается о его путешествиях по тропическим лесам Западной Африки. Уникальная коллекция животных, собранная Дарреллом во время третьей экспедиции в Африку, послужила основой для его знаменитого зоопарка. Увлекательно, с любовью и искрящимся юмором Даррелл повествует о поведении и повадках птиц и зверей, обитающих в джунглях, рассказывает о хитростях охоты за ними и особенностях содержания маленьких пленников в неволе, заставляет переживать за их судьбу и вместе с автором восхищаться богатством и разнообразием мира природы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21253-4

© Даррелл Д., 1953, 1954, 1960

© Азбука-Аттикус, 1953, 1954, 1960

Содержание

Перегруженный ковчег	7
Предисловие	8
Введение	9
Часть первая	13
Глава I	13
Глава II	19
Глава III	24
Глава IV	32
Глава V	41
Глава VI	48
Глава VII	58
Часть вторая	66
Глава VIII	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джеральд Даррелл Перегруженный ковчег. Гончие Бафута. Зоопарк в моем багаже

Gerald Durrell

THE OVERLOADED ARK

Copyright © 1953, Gerald Durrell

Published by arrangement with Andrew Nurnberg Literary Agency

THE BAFUT BEAGLES

Copyright © 1954, Gerald Durrell

A ZOO IN MY LUGGAGE

Copyright © 1960, Gerald Durrell

Published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Л. Л. Жданов (наследники), перевод, 2022

© Э. И. Кабалевская (наследник), перевод, 2022

© И. М. Лившин (наследники), перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство ИНОСТРАНКА®

Перегруженный ковчег

Перевод И. Ливина

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга рассказывает о шестимесячной экскурсии, совершенной мной и моим компаньоном вглубь больших тропических лесов Камеруна в Западной Африке. Поездка наша вызвана была двумя причинами: во-первых, мы хотели поймать и привезти живыми наиболее интересных животных, птиц и ящериц, обитающих в этом районе; во-вторых, мы оба давно уже мечтали увидеть Африку. Не Африку белых людей, с шоссейными дорогами, многочисленными барами и скорыми поездами, грохочущими по местности, лишенной под благодетельным влиянием цивилизации и флоры и фауны. Мы хотели увидеть один из немногочисленных оставшихся на континенте уголков, избегнувших пока подобной участи и сохранившихся примерно в таком же состоянии, в каком находилась Африка в период ее открытия европейцами.

Это была первая наша поездка за экспонатами. Джон Иелланд интересовался птицами, меня интересовали млекопитающие и пресмыкающиеся. Вместе мы составили план и собрали необходимые средства для поездки. Подобные поездки, если только зоологические сады не берут на себя их финансирование, требуют больших денег. Нас зоологические сады снабдили списками животных, наиболее интересующих их в районе предполагаемого путешествия, так что мы заранее знали, к поимке каких животных следует стремиться в первую очередь.

Много написано о ловле диких зверей, и в большинстве случаев описания эти дают искаженную картину происходящего. Охотнику не приходится двадцать раз на день рисковать жизнью при встречах с враждебными племенами и дикими зверями; с другой стороны, не приходится сидеть целый день в кресле в ожидании, пока «черные» сами выполняют всю работу. Ловля диких зверей связана с известным риском, но доля этого риска сильно преувеличена. В девяти случаях из десяти опасности, с которыми мы сталкивались, возникали по собственной нашей вине. Без помощи местных жителей, родившихся в лесах и прекрасно в них ориентирующихся, трудно поймать нужных зверей; но когда зверь пойман, дело коллекционера сохранить его живым и здоровым.

Девяносто процентов времени уходит на содержание пойманных экземпляров и лишь десять процентов – на розыски зверей, укрывшихся в лесах и не желающих быть пойманными. Вполне естественно, однако, что, когда пишутся книги о подобных путешествиях, авторы подробнее рассказывают о ярких, запоминающихся эпизодах, чем о скучной, повседневной, будничной работе. В конце концов, не доставляет большого удовольствия писать о чистке обезьяньих клеток, лечении животных от поноса и тому подобных вещах, которыми ежедневно приходится заниматься. Именно поэтому последующие страницы содержат по преимуществу описания наиболее интересных эпизодов нашего путешествия. Из этого отнюдь не следует, что нам не пришлось пережить и скучные, тягостные дни, до отказа заполненные грязными клетками и больными зверями. Временами мы удивлялись, зачем вообще затеяли эту поездку.

В заключение я хочу снять с моего спутника обвинение в том, что он является соучастником опубликования этой истории. По моей вине перенес он много тяжелых испытаний в тропиках, теперь ему предстоит еще раз пострадать в печати; не сомневаюсь, что и это он вынесет с обычным своим спокойствием. Когда я сказал, что пишу книгу о нашей поездке, Джон ответил мне серьезно: «Послушай меня, старина, не делай этого...»

Введение

Судно пробивалось сквозь утренний туман по спокойному, ровному океану. Едва различимые возбуждающие запахи доносились к нам с невидимого берега – запахи цветов, сырой растительности, пальмового масла, тысячи других опьяняющих запахов, поднятых с земли восходящим солнцем – бледным, влажным сиянием света, слабо мерцающим в тумане. Поднимаясь выше и выше, солнце жаром своих лучей разрывало пелену тумана, висевшего над водой и над берегом. Ключья тумана, медленно поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, открывая взору залив и очертания береговой линии. Впервые я увидел Африку.

По переливающейся в лучах утреннего солнца воде было разбросано несколько маленьких островков, каждый из которых настолько перегружен растительностью, что казалось удивительным, почему он не опрокидывается под тяжестью огромной шапки листьев. Позади островков поднимался берег, покрытый непрерывной густой стеной леса; вдаль, в утренней позолоте, смутно вырисовывался величественный горный массив Камерун. После мягких пастельных тонов пейзажей Англии краски открывшегося ландшафта выглядели слишком яркими, почти кричащими, поражая глаз своей резкостью и силой. Над островками летали стайки серых попугаев, к нам доносились издаваемые ими пронзительные крики и свист. За кормой нашего судна два коричневых коршуна лихорадочно кружили в поисках чего-либо съедобного. Из редящей паутины тумана в небе неожиданно появился охотящийся за рыбами орел, крупный, грациозный, сверкающий черно-белым оперением. Земля и залив все более освобождались от рассеивающегося тумана; все явственнее ощущался магический запах берега, запах этот становился сильнее, богаче, опьянял наше воображение картинами огромных лесов, заросших тростником болот и широких таинственных рек, мирно текущих под балдахином листвы гигантских деревьев.

Высадившись на берег, мы почувствовали себя в мире грез, но были грубо возвращены в мир действительности: в течение получаса нам пришлось объяснять таможенным чиновникам назначение нашего необычного багажа. Наконец по грунтовой дороге мы направились в Викторию. По обе стороны дороги бежали живые изгороди кустов гибискуса, покрытых цветами; попадались участки желтой, с едким запахом мимозы. Мы остановились на неделю в гостинице – небольшом белом домике, расположенном на холме, и продолжали знакомиться со всем окружающим. У нас было много всяких дел, и в любом другом месте мы утомились бы очень быстро. Здесь же мы отвечали на многочисленные вопросы, регистрировали бесконечные бумаги, покупали множество различных предметов, обедали со многими приятными людьми, купались в океане, делали тысячи других вещей – и все это в состоянии какого-то необыкновенного экстаза. Куда бы мы ни пошли – всюду видели что-то новое, необычное. Город раскинулся на берегу залива, весь в пальмах, шуршащих пышной листвой, в живых изгородях, усыпанных цветами. В каждом саду, на каждом участке виднелись ровные ряды лилий, создававших впечатление ярких огней на тонких зеленых подсвечниках. Город был очарователен, тем не менее мы с нетерпением ожидали начала нашей поездки по стране. И этот день настал.

Мы заказали грузовик к половине восьмого утра, рассчитывая быстро погрузить в него вещи и в половине девятого быть уже в пути. Было ясно, что мы новички в Африке. В десять часов мы нервно расхаживали по веранде гостиницы вокруг груды багажа, курили, ругались и пристально глядели на дорогу в ожидании обещанной машины. В одиннадцать часов на горизонте показалось облако пыли, в середине которого, подобно жуку, захваченному порывом ветра, мчался грузовик. Он со скрипом затормозил внизу, и водитель выскочил из кабины. Я заметил в кузове человек двенадцать пассажиров, мирно беседовавших друг с другом; там же находились козы, цыплята, мешки с ямсом, бутылки с пальмовым вином и другие дорож-

ные принадлежности. Я быстро спустился к шоферу и убедился, что в Камеруне лучше не выяснять причины опоздания машин. Мне были названы по меньшей мере шесть различных, противоречащих друг другу причин, каждая из которых представлялась убедительной лишь самому шоферу. Благоразумно отказавшись от этой темы, я заинтересовался людьми в кузове грузовика. Оказалось, что это жена шофера, кузина жены, отец механика, теща механика и т. д. После продолжительной, шумной и бестолковой перебранки пассажиры были высажены из машины со всеми хозяйственными предметами и домашним скотом. Затем шофер подогнал машину для погрузки; в связи с тем, что он при этом два раза наехал на живую изгородь и крепко задел стену гостиницы, мое доверие к его профессиональным способностям значительно уменьшилось. Имущество наше было погружено в машину с такой ужасающей быстротой и небрежностью, что я принялся гадать, какая его часть доедет до Мамфе неповрежденной. Позднее выяснилось, что пострадали лишь наиболее необходимые и труднозаменяемые вещи.

Джон не принимал участия в моей беседе с шофером и в изучении генеалогии пассажиров грузовика. Позднее, когда страсти улеглись, он подошел к машине и обнаружил что-то чрезвычайно забавное. Над лобовым стеклом большими неровными белыми буквами было выведено: «Счастливого пути. Виктория – Кумба». Джону показалось смешным, что грузовик с такой милой надписью мог опоздать на три с половиной часа. Только значительно позже мы поняли, какой насмешкой звучала надпись на машине. Выехали мы в двенадцать часов и пронеслись по улицам Виктории, поднимая тучи пыли и распугивая цыплят; мотор мужественно гудел, стремясь оправдать доброе имя машины.

Почти сразу же после выезда из Виктории дорога мягкими петлями идет на подъем среди бесконечных пальмовых плантаций. Так мы проехали около десяти миль, куря сигареты и с нетерпением ожидая появления настоящего леса. Вдруг мотор чихнул, выправился, снова чихнул и медленно, как бы извиняясь, заглох. Машина плавно остановилась.

– Стоянка номер один, – сказал Джон, глядя на тянущиеся по обе стороны дороги бесконечные ровные ряды пальм, листья которых тихо шептались на легком ветру.

Все собрались около мотора, кричали наперебой и, обжигая пальцы, показывали друг другу, в каком месте обнаружена неисправность. Примерно через полчаса разобранный мотор валялся на дороге, а четыре человека лежали под машиной и громко разговаривали. Я начал всерьез беспокоиться, что эта скучная пальмовая роща действительно окажется нашей первой стоянкой. Я предложил Джону пойти пока пешком. Он посмотрел на разбросанные части мотора, на торчащие из-под машины черные ноги и вздохнул:

– Да, думаю, что можно идти. Если все будет благополучно, машина догонит нас раньше, чем мы дойдем до Мамфе.

Мы пошли, но по-прежнему нам было очень скучно. В листве пальм почти не водились птицы, мало было и насекомых в запыленной придорожной поросли. Вскоре грузовик нас догнал, члены его экипажа радостно улыбались, громко выражая свой восторг.

– Боюсь, – сказал Джон, – что их уверенность в собственных технических познаниях основана на недоразумении.

Когда через пять миль машина снова остановилась, я склонен был с ним согласиться. Третья наша остановка произошла после того, как машина миновала последнюю плантацию и добралась до настоящей лесной местности, поэтому мы с удовольствием покинули грузовик и медленно пошли по дороге.

Голоса наших механиков-любителей остались позади, после первого поворота над нами нависла таинственная тишина леса. Впервые оказались мы в тропическом лесу; продвигаясь вперед, мы упивались видами и звуками, зачарованные, одурманенные обилием красок и впечатлений. С одной стороны дороги был овраг, заросший подлеском, с другой – круто поднимался склон холма. По обе стороны росли громадные деревья с широко расставленными корнями-подпорками, покрытые растениями-паразитами, папоротником и мохом. Все

это переплетено лианами, которые своими петлями, кольцами и сложными спиралями проникали от подножия до самой вершины деревьев. Достигнув вершины, лианы вертикально спускаются обратно к земле. Кое-где на месте срубленных или упавших гигантских деревьев в лесу открывались окна, и здесь молодая поросль буйно вырастала над телом поваленного великана; всюду висели белые и желтые цветы выюнков, в большом количестве виднелись и другие звездообразные ярко-розовые цветы.

В этом цветущем саду беспрерывно порхали нектарницы, отливая металлическим блеском в свете солнечных лучей; иногда они на мгновение останавливались перед цветами, поддерживая равновесие дрожащими пестрыми крылышками. На поваленных деревьях, выделяясь на фоне зелени коралловой белизны, располагались стайки карликовых зимородков, маленьких, как крапивник, сверкающих лазурно-голубым, оранжевым и светло-коричневым оперением, с темно-красными клювиками и лапками. Стаи птиц-носорогов, заведя нас, прерывали трапезу на вершинах деревьев, перелетали дорогу, хлопая большими, взъерошенными крыльями со звуком, напоминающим огромные кузнечные мехи, и громко, пронзительно кричали.

Мы пересекли несколько деревянных мостов, перекинутых через мелкие быстрые речки с чистым белым песчаным дном. По берегам, во влажных, прохладных местах, куда с трудом проникали солнечные лучи, отдыхало множество бабочек. При нашем приближении они поднялись и начали порхать, создавая своей золотисто-голубой, зеленой, желтой и оранжевой окраской при переходах от света к тени картину фантастического калейдоскопа.

Время от времени мы проезжали поселки – группы разбросанных вдоль дороги хижин, окруженных небольшими участками маниока и одинокими пизангами, оборванные листья которых уныло свисали под лучами солнца. Своры захлебывавшихся от лая дворняг преследовали грузовик, дети с раздутыми животами стояли в канавах и, сверкая белыми зубами, энергично размахивали пальмовыми листьями. В одной деревне мы купили за полшиллинга большую связку бананов и накинулись на эти изысканные фрукты с такой жадностью, что вскоре нам стало нехорошо. В Кумбу приехали в сумерках. Над головами, в густой листве, пронзительно кричали серые попугаи. Я достаточно ясно объяснил экипажу грузовика, что утром мы хотим выехать как можно раньше. Затем мы поужинали и, усталые, закрывшись сетками от москитов, легли спать.

К нашему удивлению, в восемь часов мы были уже в пути, и, как бы компенсируя невзгоды вчерашнего дня, машина мчалась, как птица. В полдень мы перекусили на обочине дороги под раскидистыми деревьями, отстояв свои сэндвичи от местных муравьев, запили завтрак теплым пивом. Между делом осмотрели окрестности с помощью полевых биноклей. Жизнь пернатых, как и вчера, казалась нам наиболее интересной: желтоголовые птицы-носороги с криками металась между вершинами деревьев, зимородки блестели на поваленных стволах, красивая ярко-коричневая и желтая кукушка с длинным клювом рассматривала нас во время нашего завтрака. Изящная кроваво-красная стрекоза пролетела над дорогой, колыхнулась в сторону и села на край моего стакана с пивом. Шесть больших муравьев медленно и методично ползли вверх по моей ноге, неожиданно к их компании по еле видимой ниточке сверху присоединилась маленькая зеленая гусеница.

К вечеру мы прибыли в Мамфе и разместились в больших, неуютных, гулких комнатах гостиницы. Здесь наблюдали, как бледно-розовые гекконы выползли из щелей и начали на потолке горячую охоту за насекомыми, привлеченными светом нашей лампы. Гекко почти незаметно подползали по белому потолку к отдыхающей моли или мухе, с неожиданной быстротой бросались вперед и кусали жертву. В следующий момент насекомое улетало, а гекко после короткой паузы для отдыха и размышлений направлялись на поиски новой цели.

В Мамфе мы запаслись продуктами и различными нужными вещами, после чего стали обсуждать дальнейшие планы. Джон хотел посетить деревню Бакебе, в двадцати пяти милях

от Мамфе, где, по рассказам местных жителей, водится много птиц. Я хотел ехать в Эшоби. Эта деревня находится севернее реки Кросс, на окраине почти необитаемого лесного района, простирающегося сплошным массивом на сотни миль к северу и вплотную примыкающего к безлюдным горам, в которых живут гориллы. Я чувствовал, что Эшоби – идеальное место для организации промежуточной базы, основную же базу Джон создаст в Бакебе. Занимаясь млекопитающими и пресмыкающимися, я мог также и ловить птиц для Джона; собирая в Бакебе птиц, Джон попутно мог поймать и каких-либо интересующих меня млекопитающих и пресмыкающихся. Этот план был принят, я начал искать носильщиков для перехода в Эшоби (дороги туда не было) и нанял грузовик, чтобы доставить Джона в облюбованную им деревню, расположенную, к счастью, при дороге.

Настало утро нашего расставания. Мы с Джоном завтракали под деревьями во дворе гостиницы, когда появились десять моих носильщиков. Вид их не предвещал ничего хорошего.

– Не думаю, что ты дойдешь до Эшоби в такой компании, – с сомнением проговорил Джон. – Скорее всего, ты будешь съеден ими, прежде чем вы успеете пройти полмили по лесу.

Один из носильщиков широко зевнул, обнажив крупные острые зубы. Предположение Джона стало казаться мне довольно реальным. В это время подошел парикмахер, чтобы подстричь меня перед уходом в Эшоби. Мысль о том, что перед уходом в лес следует подстричься, была высказана Джоном, и я счел ее вполне разумной.

Я сел, парикмахер почтительно накрыл меня простыней и приступил к работе. Вдруг носильщики начали дружно прыгать, отряхиваться и громко ругаться. Я ничего не понимал, пока не почувствовал на ноге несколько острых укусов; посмотрев вниз, я увидел колонну муравьев, приготовившуюся к атаке. Подо мной переливалась сплошная черная масса. Я позвал на помощь, двое слуг подскочили ко мне, закатали брюки и начали снимать с ноги муравьев. В это время во дворе появился мальчик с двумя крошечными детенышами дрилы, тесно прижавшимися к нему. После непродолжительного, но шумного торга я купил обеих обезьянок. Муравьи успели уже добраться и до ног мальчугана, он бросил мне на колени обезьянок и поспешно убежал. Дрилы решили, что перемена владельца ничего хорошего им не сулит, и начали брыкаться, визжать и кусаться, как капризные дети. Создавшаяся ситуация заслуживает описания: носильщики прыгают, пытаясь избавиться от муравьев и очищая от них наш багаж, я умиряю дрилов, путаясь при этом в простыне парикмахера, а двое слуг продолжают снимать с меня муравьев. Парикмахер давно не испытывал, очевидно, подобного удовольствия: он любовался веселой сценой, время от времени давал советы, ругал одного из носильщиков или слуг и рассеянно щелкал ножницами над моей головой. Один раз, когда парикмахер показал носильщику, какой багаж следует взять, разгорелся такой жаркий спор, что я ожидал увидеть на земле свое отрезанное ухо.

Постепенно мы распределили багаж, и Джон проводил нас до ржавого подвесного моста через реку Кросс. По другую сторону реки были лес и Эшоби. Мы стояли, наблюдая, как носильщики один за другим переходили мост в ста футах выше уровня темной воды. Достигнув противоположного берега, они исчезали в многокрасочной чаще леса. Когда последний носильщик скрылся из виду и до нас уже едва доносились голоса из лесу, я повернулся к Джону:

– Ну, дорогой друг, я ухожу в неведомое. Встретимся месяца через три.

– Желаю удачи, – ответил Джон и добавил: – Полагаю, что она тебе понадобится.

Я прошел по шаткому скрипучему настилу моста, ящерицы убежали от меня по высушенным солнцем доскам. На другой стороне я оглянулся и помахал Джону рукой. За широкой рекой, на фоне больших деревьев, он казался мне карликом. Я повернулся и быстро пошел по лесной тропинке, стремясь догнать носильщиков.

После долгих месяцев ожидания и подготовки наступил наконец знаменательный день.

Часть первая Эшоби

Глава I Днем в лесу

Я понимал, что, когда появятся пойманные звери, мне придется уделять им много времени и я не сумею далеко уходить от базы. Поэтому я хотел использовать все возможности для скорейшего выхода в лес и, пока расчищалась площадка для нашего лагеря, сообщил в Эшоби о своем желании встретиться с вождем. Вождь, сопровождаемый четырьмя членами совета, прибыл в тот момент, когда я с нарастающим раздражением наблюдал за тщетными попытками пяти человек установить мою палатку.

Вождем оказался маленький, шуплый, смущенный человек, одетый в красно-желтую мантию, с оранжевым беретом на голове; он прижимал к груди крупную и очень рассерженную чем-то утку. Члены совета с елейными лицами и хитрыми глазами провели вождя мимо разбросанного в беспорядке снаряжения и подтолкнули ко мне. Он откашлялся, крепче прижал к себе утку и начал речь. Говорить ему, однако, было нелегко, утка окончательно вышла из терпения, захлопала крыльями перед лицом вождя и стала громко кричать грубым и жалобным голосом. Утка была большая и сильная, в один момент мне даже показалось, что она сейчас поднимется в воздух и унесет с собой вождя. Однако он устоял на месте и благополучно закончил речь. Берет его съехал при этом набок. По окончании речи вождь с облегчением сунул мне в руки утку, которую я немедленно передал Пайосу – своему помощнику-камерунцу.

Последовал продолжительный обмен любезностями между вождем и мной (в качестве переводчика выступал Пайос). Я объяснил цель своего появления в Эшоби и показал вождю и его спутникам рисунки и фотографии различных зверей; собеседники мои были очарованы, они тянулись к рисункам своими темными пальцами, смеялись, кивали головами, громко и одобрительно вскрикивали при виде каждого нового рисунка. Мы быстро договорились, я получил от вождя обещание прислать в качестве проводников лучших охотников деревни. В заключение беседы я подарил вождю две пачки сигарет, и он, довольный, побежал к деревне. Вскоре вождя нагнали члены совета и, не обращая внимания на слабые протесты, ловко освободили его от большей части моего дара.

На следующее утро в лагере появились двое охотников, присланные вождем. Я пригласил их к палатке и, заканчивая свой завтрак, внимательно их осмотрел. Первый охотник – низенький, коренастый, со скошенным лбом и выступающими вперед зубами. Его толстое тело было покрыто зеленой накидкой, щедро осыпанной большими оранжевыми и красными цветами. Второй, очень высокий и худой, картинно изогнулся и чертил ногой узоры в пыли. Накидка его представляла искусное сочетание пурпурных и белых пятен на розовом фоне.

- Доброе утро, маса, – сказал маленький, обнажив зубы.
- Доброе утро, маса, – повторил высокий, тоже улыбаясь.
- Доброе утро. Вас направил сюда вождь?
- Да, сэр, – ответили они одновременно.
- Как вас зовут?
- Сэр?
- Пайос, стоявший за моей спиной, перевел вопрос.
- Элиас, сэр, – ответил сиплым голосом маленький.

– Андрая, сэ, – ответил высокий, пошатнувшись от неожиданности и опершись на плечо своего коллеги.

Я обратился к Пайосу:

– Спроси, хотят ли они стать моими охотниками. Получать они будут по шиллингу и шесть пенсов в день и, кроме того, подарок за каждого пойманного зверя. Если попадется очень нужный мне зверь, подарок будет большой. За остальных зверей подарки будут меньше.

Пайос внимательно выслушал меня, склонив голову набок, затем повернулся и повторил мою речь на ломаном английском языке.

– Вы согласны? – спросил он в заключение.

– Мы согласны, – дружно ответили охотники.

– Они согласны, сэ, – обратился ко мне помощник, хотя в этом и не было уже необходимости.

Я показал охотникам рисунки, вызвавшие у них такой же бурный восторг, как накануне у вождя и его спутников. Они объясняли мне, где можно встретить того или иного зверя. С безошибочной точностью опознавали они каждое изображенное на рисунке животное. Среди прочих я достал рисунок верблюда, передал его охотникам и с невозмутимым видом спросил, где поблизости водится этот зверь. Они долго рассматривали рисунок, поговорили между собой и наконец признались, что ничего подобного они в жизни не встречали. Я приободрился, так как опасался услышать, что большие стада этих животных можно обнаружить в полумиле от деревни. Приказав вернуться на следующее утро, я дал им несколько сигарет и долго, томимый тяжелыми предчувствиями, провожал взглядом коротенькую, переваливающуюся с боку на бок фигурку Элиаса в ярком одеянии и осторожно шагавшего рядом Андрая. В жизни не встречал я двух человек, менее похожих на охотников; чем больше думал я о них, тем меньше верил в их умение и способности. Я был очень приятно разочарован, так как в действительности они оказались превосходными охотниками. Элиас обладал большим мужеством, Андрая быстро ориентировался в сложной обстановке.

С ними должен был я провести много дней в лесу; немало и ночей провели мы, крадась по зарослям при слабом свете факелов в поисках маленьких обитателей леса. В радиусе двадцати миль вокруг деревни моим спутникам были знакомы каждая тропинка, ручеек, водопад, почти каждый куст. Они легко пробирались через самые густые заросли, ни звуком не выдавая своего присутствия, в то время как я, неуклюжий, запыхавшийся, ковылял позади с шумом работающего бульдозера. Они учили меня находить след и идти по нему, и, когда в первый раз я попытался сделать это самостоятельно, я заблудился через десять минут. Они показывали, как находить в лесу вкусные плоды, как отличать их от несъедобных, какие ветки можно жевать для утоления жажды, не опасаясь отравиться.

Тропический лес – отнюдь не такое жаркое, зловонное, опасное место, каким изображают его некоторые писатели; он и не настолько густой и заросший, чтобы быть непроходимым. Густые заросли встречаются только на ранее обрабатывавшихся и затем заброшенных участках, где гигантские деревья вырублены, солнечный свет проникает глубоко вниз и в результате молодая растительность быстро распространяется по свободному пространству, поднимаясь навстречу солнцу. В больших лесах растения только двумя способами могут пробиться к свету: или они растут в высоту, голые, без ветвей, подобные шестам, пока не достигнут листья на вершинах окружающих деревьев, или они ползут, обвивая и переплетая стволы лесных великанов, постепенно добираясь до верхних ветвей и дневного света.

Когда попадаешь в лес, он кажется после дневного света темным, мрачным, прохладным. Свет просачивается сквозь тысячи листьев и приобретает зеленоватый оттенок, придающий всему окружающему призрачный сказочный характер. Множество опавших листьев покрывает почву толстым слоем, мягким, как ковер, издающим приятный запах земли. Кругом стоят гигантские деревья, опирающиеся на большие изогнутые корни-подпорки; толстые ровные

стволы вздымаются вверх на сотни футов, верхние ветви и листва сливаются в бесконечную зеленую лесную крышу. Между взрослыми деревьями растут внизу и молодые деревья – слабая, тонкая поросль, выбившаяся из-под слоя опавших листьев, длинные, стройные стволы с горстью бледно-зеленых листьев на верхушке. Они стоят в вечном полумраке, готовые устремиться ввысь, навстречу живительным солнечным лучам. Пробираясь по лесу между стволами молодых деревьев, можно обнаружить извилистые, едва различимые тропинки. Это дороги, по которым передвигаются лесные обитатели.

Не зная обычаев и повадок лесных жителей, в больших тропических лесах только случайно можно обнаружить живые существа. Непрерывно раздается лишь резкий, пронзительный звон цикад, да маленькая птичка, стыдливо укрываясь в чаще, сопровождает нас, время от времени окликая мягким жалобным вопрошающим «у-у-у-и-и...». Много раз подкрадывался я к этой неуловимой птичке, слышал ее голос всего в нескольких футах, но ни разу не довелось мне ее увидеть.

В отдельных местах, где тропинки расширились, сплошная крыша наверху разрывалась и сквозь сетку листьев виднелись обрывки синего неба. Солнце прорывалось в эти щели, окрашивая золотом листья и покрывая лес сотнями переливающихся пестрых бликов, в которых порхали бабочки. Две разновидности этих лесных бабочек особенно мне понравились, и я искал их при каждом своем выходе в лес. Первая – маленькие, чистые, белые, изящные бабочки, похожие на снежинки, с красивым своеобразным полетом. Они вздымались в воздух, подобно захваченным вихрем семенам чертополоха, а затем медленно опускались на землю, напоминая своими пируэтами миниатюрных балерин. На отдельных тропинках, обычно около ручьев, можно встретить двадцать или тридцать этих восхитительных насекомых, неподвижно сидящих у края воды. Потревоженные, они поднимаются, медленно кружатся, поворачиваются, скользят по воздуху, снижаются, подобно облаку пепла на зеленом фоне леса. Затем они возвращаются на старое место, низко скользя над водой и отражаясь в ее темном зеркале.

Вторая разновидность – большие красивые бабочки – встречается значительно реже первой. Их длинные, довольно узкие крылья имеют густой ярко-красный цвет. Полет у них быстрый, но блуждающий; внезапно в полумраке появляется из-за кустов яркое, дразнящее пламя, мерцает и вспыхивает в разных местах и так же неожиданно, подобно задutoй свече, снова исчезает. Лес после этого казался мне еще более мрачным.

Наиболее примечательная особенность тропических лесов – бесчисленные маленькие ручьи, мелкие и чистые, извивающиеся сложными, запутанными узорами. Они огибают гладкие коричневые камни, петляют в белоснежных песчаных берегах, деловито размывают землю под раскинувшимися корнями деревьев и, мерцая и плескаясь, исчезают в темной глубине леса. Вода журчит и пенится около миниатюрных водопадов, выдалбливает в песчанике глубокие тихие заводи, в которых водятся голубые и красные рыбы, розовые крабы, маленькие пестрые лягушки. В сухие периоды ручьи становятся главными артериями для лесных зверей, источниками не только питья, но и еды, так как здесь собираются и хищники и их жертвы. Песчаные берега покрываются густой сетью следов; среди мелких частых узоров птичьих следов лесной малиновки, каменки, жирных зеленых голубей иногда попадаются крупные отчетливые следы карликового коростеля. На мягкой почве у берегов видны большие участки между корнями деревьев, вскопанные охотящимися за клубнями и крупными улитками кабанами, в вязком иле можно обнаружить длинные узкие следы кабанов и свиней и вплетенные между ними крошечные отпечатки ног поросят.

Таков был лес, показанный мне Элиасом и Андраей, и я не нашел в нем ничего страшного, опасного. Лес был очарователен. Под сенью высоких деревьев с пологом колышущейся листвы царили глубокое молчание и удивительная мирная безмятежность.

День нашего первого выхода в лес надолго останется в моей памяти: я увидел столько зверей, сколько в дальнейшем мне не приходилось видеть за такой короткий промежуток вре-

мени. Природа поистине была очень милостива ко мне в этот день. Я велел моим проводникам пройти со мной по лесу на пять-шесть миль от деревни. После этого, как я им беззаботно объяснил, мы опишем по лесу полную окружность с деревней в качестве центра круга. Много раз в течение дня я горько раскаивался в своем легкомыслии, но, чувствуя, что от выполнения намеченного плана во многом зависит мой престиж, я упрямо держался за него и вернулся в лагерь поздней ночью, совершенно разбитый и обессиленный.

Вышли мы ранним утром. В это время в лагере уже слышались неопишуемые крики и шум: человек двадцать жителей деревни приступили к строительству помещений для животных.

Мы прошли полосу обработанных участков, окружающих деревню; между кустами маниока и масличными пальмами кое-где виднелись огромные красные муравейники. Я с интересом рассматривал эти массивные крутостенные сооружения с многочисленными отверстиями, которыми, кроме законных хозяев, пользуются также и различные другие живые существа. Некоторые муравейники достигают десяти футов высоты и двадцати пяти футов по диаметру основания, стены их словно зацементированы. Этими беглыми наблюдениями пришлось пока и ограничиться. Муравейники находятся рядом с деревней, и ими можно будет заняться тогда, когда в моем лагере появится уже много животных и я не смогу от него далеко уходить. Мы пошли дальше; вскоре тропинка пересекла небольшой тихий ручеек, вода которого показалась нам ледяной. Мы выкарабкались на другой берег, вошли в лес, продираясь сквозь низкие заросли, и остановились, чтобы дать глазам время привыкнуть к полумраку.

Почти три мили прошли мы по ровной, слабо пересеченной местности, когда Элиас, шедший впереди, застыл на месте и поднял руку. Мы напряженно ожидали, прислушиваясь; Элиас бесшумно подошел ко мне и шепнул:

- Обезьяны, сэр, вот на той большой ветви.
- Какие обезьяны? – спросил я, тщетно напрягая зрение.
- Черные с белыми пятнами на морде.

«Белоносые гвеноны», – подумал я с досадой, так как при всем желании ничего не мог обнаружить.

- Видите, сэр?
- Ничего не вижу.
- Сэр, идите сюда, с этого места хорошо видно.

Мы подошли к указанному Элиасом месту, стараясь не шуметь в зарослях. Я вспомнил наконец о бинокле, достал его и быстро навел на вершины деревьев. Я смотрел на море колышущихся листьев и злился, больше всего потому, что два моих охотника легко видели то, что было недоступно мне даже с помощью бинокля. Но в конце концов и я заметил на скрытой под массой листвы большой темной ветви восхитительную процессию. Впереди, с изогнутым хвостом, внимательно оглядываясь по сторонам, шествовал старый самец. Весь он был черный как уголь, и только легкий зеленый отлив меха на спине придавал обезьяне слабо выраженную пятнистую окраску. Грудь у обезьяны была белая, на маленькой черной морде у носа тоже выделялось большое, белое как снег пятно. Длинные волосы на голове вожака стояли торчком, и весь он, медленно передвигаясь по ветви, был очень похож на пугало. По пятам за ним двигались две самки, обе меньше его, обе очень осторожные, так как с ними были детеныши. На груди у первой висела крохотная обезьянка величиной с новорожденного котенка. Малютка обхватила мать и крепко вцепилась длинными лапками в мех на ее спине. Второй детеныш был старше, двигался за своей матерью самостоятельно, со страхом поглядывал на открывающуюся под ним пропасть и выпускал жалобные, пискливые звуки. Я восторгался детенышами и, наблюдая за ними, решил, что достану маленького белоногого гвенона, даже если мне придется затратить на это остаток моей жизни.

– Маса будет стрелять? – услышал я хриплый шепот Элиаса; опустив бинокль, я увидел, что он протягивает мне ружье. В первый момент я даже возмутился, услышав, что мне предлагают стрелять в таких милых зверьков с забавными хохолками и клоунскими белыми носами. Позднее я понял, что не сумею объяснить спутникам свои соображения: в лесах Камеруна сантименты и чувства являются привилегией сытых. Мясо здесь попадает редко, каждый кусок его ценится на вес золота, поэтому эстетические чувства отходят на задний план и уступают место требованиям голодного желудка.

– Нет, Элиас, я не буду стрелять. – Сказав это, я снова поднял бинокль, но обезьяны уже исчезли.

– Элиас!

– Сэр?

– Объявите в деревне, что я заплачу пять шиллингов за пойманного детеныша такой обезьяны.

– Хорошо, сэр, – отозвался Элиас, заметно повеселев.

Мы продолжали двигаться по извилистой тропинке и вышли к берегам небольшого ручья, журчавшего в мелком русле. Сырые, заболоченные берега его были покрыты зарослями широколистных растений, зеленых и сочных. Мы пошли вдоль ручья, растительность доходила мне до пояса. Вдруг Элиас подпрыгнул и закричал:

– Стреляйте, маса, стреляйте!

Я не мог ничего разобрать в возникшей впереди суматохе, не знал, куда и в кого стрелять. Андрая прыгал в зарослях, как длинноногий кузнечик, и пронзительно кричал. Судя по шуму, в кустах пряталось какое-то крупное животное; кустарник, однако, был настолько густым, что там мог укрыться кто угодно, от леопарда до гориллы, и я не знал, что произойдет дальше. Внезапно кусты раздвинулись, и я с изумлением увидел двух крупных кабанов, мчавшихся зигзагами между деревьями. Животные были ярко-оранжевого цвета, с длинными белыми кисточками на ушах и развевающейся полоской белых волос вдоль спины. Более красивых и интересных кабанов мне еще не приходилось встречать, и я смотрел им вслед с разинутым ртом. С поразительной быстротой они скрылись в лесу. Элиас и Андрая после всего случившегося вряд ли слишком высоко оценили мои охотничьи способности.

– Хорошие свиньи, – с тоской сказал Элиас, прислушиваясь к затихающему шуму убегающих животных.

– Прекрасное мясо, – грустно поддержал Андрая. – Прекрасное мясо и для европейцев, – продолжал он, с упреком глядя на меня и подчеркивая, что разочарование его не является чисто эгоистическим.

– Это ружье не годится для кабанов, – поспешно объяснил я, – в Эшоби я возьму более сильное ружье.

– А то ружье сильное?

– Да, очень сильное, из него можно убить кабана, тигра, даже слона, – безудержно хвастал я.

– Это правда, сэр?

– Правда. Когда-нибудь мы придем в лес и убьем много кабанов.

– Да, сэр, – дружно ответили охотники.

Мы продолжили путь, охотники предвкушали обещанную жареную свинину, а я с удовольствием вспоминал великолепных животных и надеялся, что мой авторитет пока сохранен.

Много часов спустя, когда я уже еле передвигал ноги, произошла наша третья и последняя в этот день встреча. Мы вышли к участку леса, почва которого казалась вспаханной. Слой листьев на земле был разрыт, камни и ветки перевернуты, молодые растения согнуты и изжеваны. Оба охотника осмотрели следы, Элиас подошел ко мне и прошептал магическое слово «соомбо». Так камерунцы называют дрילה, обезьяну, забавляющую посетителей зоопарков

своим сверкающим голым задом и злобными гримасами. Дрилы всегда привлекали меня в зоопарке тем, что с подкупающей искренностью показывали наиболее непристойные части своего тела, приводя в ужас посетителей. Если верить Элиасу, перед нами находилось целое стадо дрилов, и я не хотел упустить возможность увидеть их в естественном состоянии; мы начали энергично продвигаться по лесу в направлении доносившегося до нашего слуха рычания и раздраженных пронзительных криков. В течение часа мы преследовали стадо, карабкаясь и спотыкаясь, иногда даже ползли на четвереньках; один раз, несмотря на все мое отвращение, пришлось проползти на животе около ста ярдов по болоту. Но при всех наших стараниях стадо мы не догнали, единственной наградой было то, что мы на мгновение увидели мелькнувшую в кустах серую фигуру. Наконец мы сдались, растянулись на земле и, измученные, закурили, прислушиваясь к шуму уходившего стада.

Мы продолжали путь по нашему кольцевому маршруту и уже в темноте подошли к крайним хижинам деревни. Грязный, исцарапанный, смертельно усталый, я был все же в приподнятом настроении, так как намеченный план был выполнен. Вокруг яркого костра у одной из хижин собралось в кружок несколько человек. Мальчуган, внезапно заметив мою оборванную белую фигуру, с криком спрятался в хижине. Взрослые встали и поздоровались со мной.

– Здравствуйте, маса, здравствуйте!

– Добрый вечер, маса... Вы вернулись?

Мягкие голоса, зубы, сверкающие при свете костра, приятный запах горящего дерева.

– Отдохнем здесь немного, Элиас, – предложил я и с наслаждением присел к костру. Земля была еще теплой от дневного солнца. Я чувствовал, как исчезала боль в ногах и блаженное тепло разливалось по телу.

– Маса был в лесу? – спросил старший из находившейся у костра группы.

– Да, мы были в лесу, – с важностью ответил Элиас и разразился потоком слов на родном языке, жестами показывая проделанный нами по лесу путь.

Раздались дружные возгласы изумления, последовали новые вопросы. Элиас повернулся ко мне:

– Я сказал им, маса, что мы прошли очень большой путь. Маса очень сильный... – добавил он, полагая, что мне следует польстить.

Я улыбнулся так скромно, как только мог.

Элиас шутливо спросил:

– Маса нравится в лесу?

– Очень нравится, – твердо ответил я.

Все рассмеялись при мысли о том, что белому человеку нравится в лесу.

– Маса хочет сегодня ночью снова идти в лес, – сказал Элиас, в глазах его лучился смех.

– Да, я могу сегодня ночью идти в лес, – поддержал я. – Я охотник, а не женщина.

Эта остроумная шутка была встречена взрывом смеха.

– Правда, правда, – сказал Элиас. – Маса говорит правду.

– Маса настоящий мужчина, – подтвердил с улыбкой Андрая.

Я раздал сигареты; мы сидели на корточках у костра, сосредоточенно курили, говорили о различных животных, пока не появилась роса. Распрощавшись, мы пошли по деревенской улице, вдыхая запахи пальмового масла, пизанга и маниока – ужина жителей деревни. В хижинах мерцали огни, сидящие у входа обитатели хижин тепло приветствовали нас.

– Вы уже пришли, маса?

– Здравствуйте, маса, здравствуйте!

– Спокойной ночи, сэр!

Жизнь казалась мне чудесной.

Глава II

Мелкие животные

Прежде чем весть обо мне распространилась по окрестным селениям и местные охотники направились в лесные заросли на ловлю зверей для сумасшедшего, покупающего их, прежде чем немногочисленные посещения охотников с добычей перешли в сплошной поток, совершенно захлестнувший меня, я имел возможность совершить несколько вылазок вглубь леса. При этих вылазках я не столько стремился к поимке зверей, сколько искал наиболее подходящие места для установки капканов, выбирал дуплистые деревья, из которых впоследствии можно было бы выкурить интересных зверьков, основательно знакомился с окружающими Эшоби лесами. Не зная хорошо местность, почти невозможно поймать нужных животных: каждая разновидность, каждая группа животных имеет свои излюбленные участки леса, знание которых для охотника совершенно обязательно. Иногда, по счастливой случайности, нам удавалось поймать какого-либо зверя и во время таких прогулок. Одна из них, которую я совершил вдвоем с Элиасом, надолго сохранилась в моей памяти.

Андря, как оказалось, был большим ипохондриком: малейшая боль или небольшой жар загоняли его в дальний темный угол хижины, где он корчился и стонал, словно находился на грани смерти, что страшно пугало трех его жен. В один из таких дней я договорился с Элиасом, что мы пойдем в лес вдвоем. Скоро я начал жалеть о своей затее, так как послеполуденный зной донимал нас сильнее обычного. В лагерном моем зверинце все было тихо: птицы с полужакрытыми глазами неподвижно сидели на своих жердочках, крысы и дикобразы дремали на подстилках из банановых листьев, даже обычно резвые обезьяны стали сонными и тихими. Кругом все спало, у меня тоже было большое искушение погрузиться в сон. В воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения, листья безжизненно свисали с деревьев. Одурачивающая, обессиливающая духота делает человека ленивым и вялым. Вместе с жарой наступает тягостная, унылая тишина: не слышно даже пения птиц, лишь издалека, из прохладных глубин леса, доносится слабый звон цикад.

Большим усилием воли заставил я себя подготовиться в путь; в одну сумку я положил сети, холщовые мешки для птиц или змей, сигареты и спички. В другой сумке находились патроны, запасная коробка спичек, свеча и различные колбочки и банки для всякой мелочи – пауков, скорпионов и т. п. Я закончил чистить ружье, когда к палатке подошел Элиас; пот градом катился по его улыбающемуся лицу, всю его одежду составляла грязная тряпка, повязанная вокруг бедер. Он имел при себе копье и неизменный тесак.

– Маса, я пришел, – приветствовал он меня. – Маса готов?

– Да, Элиас, идем. Сегодня очень жарко, правда?

– Слишком много солнца, – согласился Элиас, закидывая сумки себе за спину.

Пройдя по узкой красноземной тропинке, перейдя ручей, холодная вода которого доставала нам лишь до лодыжек, миновав подлесок, мы вступили в величественную, сумрачную, наполненную неповторимым ароматом лесную чащу. Жара, преследовавшая меня в лагере, сменилась освежающей прохладой, полумрак давал возможность смотреть на все широко раскрытыми глазами, не щурясь от яркого солнечного света. Элиас легко и свободно шел впереди по почти неразличимой тропинке, босые ноги его бесшумно ступали по листовному ковру. Время от времени слышен был стук тесака, которым Элиас обрубал ветку, слишком низко нависшую над тропой. Большие затруднения при лесных походах доставляло мне обилие впечатлений по обе стороны тропы; я не успевал смотреть себе под ноги и все время спотыкался. Яркий цветок в листве у вершины дерева заставлял меня смотреть вверх до боли в шее, упавшее дерево, лежавшее в стороне от нашего пути и покрытое разноцветными поганками, также привлекало мое внимание; я озирался по сторонам, желая сразу все увидеть, и

непрерывно оступался и спотыкался. В этот день, однако, у меня не было определенной цели, поэтому мы скоро свернули с дороги и стали исследовать каждое укрытие, переворачивать каждую сгнившую колоду в надежде отыскать скорпиона, лягушку или какого-нибудь более крупного зверька. Эти поиски замедляли скорость нашего движения по лесу.

Примерно в двух милях от лагеря мы вышли к берегу очередного ручейка, который пенился и бурлил между большими камнями, заросшими густыми пучками ярко-зеленого моха и перистого папоротника. В каждой расселине росли дикие бегонии с раскинутыми по скале темно-зелеными листьями и склонившимися к воде тонкими веточками бледно-желтых цветов. Около часа бродили мы между камнями, собирая всякую мелюзгу: нам попадались испещренные пятнами жабы, большие серые лягушки с нелепыми остекленевшими глазами и длинными, узкими лапками, крупные жуки, звонко стрекотавшие, когда мы брали их в руки. В пышной растительности по берегам ручья встречалось множество больших улиток величиной и весом с крупное яблоко, старательно откладывавших в грудах влажных мертвых листьев крошечные перламутровые яички. Под маленьким камнем я обнаружил красивую зеленую и светло-желтую лягушку; это навело нас на мысль передвигать каждый камешек. Элиас, находившийся впереди, приподнял большой камень и испуганно подпрыгнул:

– Маса, змея... плохое животное...

Я подбежал к Элиасу. В сырой впадине, оставленной камнем, лежала странная змея. С первого взгляда мне показалось, что у нее нет головы, толщина змеи была совершенно одинаковой на протяжении всех двух футов ее длины. Глянцево-черная окраска ее была беспорядочно испещрена ярко-красными и желтыми полосами. Пристально вглядываясь, я постепенно различал на одном конце туловища голову змеи. В нескольких дюймах от этой головы находилось круглое отверстие, глубоко уходившее в землю. Не желая упускать столь любопытное пополнение моей коллекции пресмыкающихся, я осторожно подкатил палкой небольшой камень и прикрыл им вход в нору. Элиас благоразумно стоял сзади и стонал:

– Маса, оно вас укусит! Осторожнее, маса, это дурное животное!

Змея не двигалась и только часто высывала и убирала язык. Преградив ей путь к бегству, я почувствовал себя увереннее.

– Маса, это очень ядовитое животное.

– Замолчи, Элиас, и принеси мне быстренько большой мешок и еще одну палку.

– Хорошо, сэр, – хмуро ответил Элиас и пошел выполнять мое поручение.

Змея по-прежнему лежала совершенно неподвижно и только внимательно следила за мной; я держал палку наготове, опасаясь внезапного ее броска. Я был уверен, что передо мной не ядовитая змея, но не хотел, чтобы пострадала ее роскошная расцветка. Элиас принес холщовый мешок и длинную палку. Осторожно подвел я горловину мешка к голове змеи и слегка дотронулся палкой до ее хвоста. Я ждал, что змея будет сопротивляться моим попыткам загнать ее в мешок, но все случившееся явилось для меня полной неожиданностью. Почувствовав прикосновение палки, змея собралась в клубок, развернулась, как пружина, и оказалась в мешке. Я никогда еще не встречал такое сговорчивое пресмыкающееся. Очутившись в мешке, оно успокоилось, и нам осталось только завязать мешок.

Элиас ахнул от удивления и сказал:

– Эта змея ничего не боится. Мне кажется, что она полюбила вас. – И в дальнейшем, когда мы продолжали переворачивать камни, он часто вспоминал и смеялся своей шутке.

Эта змея – *Calabaria reinhardtii* – оказалась мелким родственником семейства крупных змей-удавов. Голова и хвост ее оканчиваются одинаково, и, поскольку все туловище покрыто небольшими круглыми ровными чешуйками, трудно определить, где у змеи начало и где конец. Маленькие глаза змеи почти не различимы, так как они такого же размера, цвета и формы, как и окружающие их чешуйки. Цветные полосы и пятна на черном туловище разбросаны без всякой системы, и с первого взгляда трудно понять, каким концом змея обращена к зрителю.

Змея эта совершенно безобидное существо, которое значительную часть времени проводит, зарывшись в сырую землю; питается она мелкой добычей, пригодной для ее слабых челюстей. Если взять ее в руки – она свертывается в клубок и прыгает. Она никогда не пыталась кусать, сжимать или давить протянутую ей руку, что обязательно делают даже детеныши более крупных представителей удавов.

Calabaria reinhardtii была первым нашим трофеем в этот день, и мы продолжали путь в приподнятом настроении. Но хотя мы и ворочали каждый камень, который в силах были повернуть, мы не нашли другой такой экземпляр. В конце концов, собрав мешки и банки, мы пошли дальше, оставив берега ручья в таком состоянии, в каком они были бы после нашествия большого стада дрилов или лесных кабанов. Нашей конечной целью была небольшая поляна милях в пяти от деревни; Элиас нашел ее несколько дней назад и сказал мне, что, по его мнению, там должны быть животные... какие животные, он не стал уточнять. Оказалось, что Элиас обозначил путь не так хорошо, как он обычно это делал; вскоре мы остановились, и Элиас нехотя признался, что не знает точно, где мы сейчас находимся, в каком направлении от нас деревня и в каком – поляна. Я сел на большую колоду и отказался идти дальше до тех пор, пока Элиас меня не уверит, что нашел правильный путь.

– Я подожду здесь, а ты ищи пока тропу. Когда найдешь ее, вернешься за мной.

– Хорошо, сэр, – радостно отозвался Элиас и скрылся между деревьями.

В течение нескольких минут слышал я стук тесака, которым он делал зарубки, отмечая путь; постепенно стук этот становился слабее и наконец совсем затих. Я закурил сигарету и осмотрелся по сторонам. Неожиданно из-под колоды, на которой я сидел, послышался звон цикады. Стараясь не шелохнуться, я пристально всматривался в направлении звука. Цикады стали для меня в последнее время каким-то наваждением; обитают они во всех уголках леса, день и ночь слышны их звонкие трели, но до сих пор мне не удалось увидеть хотя бы одну из них. Теперь, очевидно, цикада пела на расстоянии фута от меня, и я очень хотел ее найти. Я тщательно исследовал ствол колоды, зеленый губчатый мох на нем, мелкие кучки темно-красных и желтых поганок, выросших в трещинах и щелях, мертвые лианы, врезавшиеся в кору дерева и продолжающие обвивать труп поверженного великана. Отчетливо виднелась проложенная муравьями извилистая дорожка, у небольшого отверстия неподвижно притаился черный паук, но цикады я так и не видел. Слегка повернув голову, я заметил в глубине моха что-то блестящее. Всмотревшись, я увидел насекомое: туловище его, длиной около двух дюймов, покрыто было сложным серебристо-зеленым красивым узором и совершенно сливалось с зеленым мохом и серой корой дерева. Обнаружил я цикаду только потому, что случайный солнечный луч заискрился на ее больших крыльях; этот отблеск, подобный солнечному зайчику, и привлек мое внимание. Я осторожно поднес руку к насекомому и схватил его. Цикада захлопала крыльями, которые, как бумага, шуршали по моим пальцам, затем в отчаянии издала долгий пронзительный крик. Я внимательно рассматривал цикаду, осторожно держа ее в руке. У нее были большие выпуклые глаза, серебристо-зеленое тело было твердо, как орех. Крылья ее напоминали лист слюды, если рассматривать их на свет, видна была частая сетка жилок, сложных и красивых, как самые искусные витражи. Между лапками в специальном желобке находился длинный и тонкий хоботок цикады. Этим хрупким инструментом цикада прокалывает кору деревьев и добывает древесный сок. Закончив осмотр, я развернул ладонь руки. С минуту цикада беспомощно размахивала своими красивыми крылышками, затем она вспорхнула и улетела. Я не пытался сохранить цикаду, так как знал, что это хрупкое насекомое не доживет в маленькой сетчатой клетке на диете из воды и меда до нашего возвращения в Англию. Скоро вернулся Элиас, заявивший, что теперь он установил наше местонахождение и знает хорошо дорогу.

Мы снова вышли на тропинку и продолжали путь к намеченной поляне. Такие поляны образуются на отдельных участках леса, где слой почвы слишком тонок и не удерживает могу-

чие корни больших деревьев. Эти поляны заросли низкими вьющимися растениями, для тонких корней которых достаточно нескольких дюймов почвы, покрывающей выходящую здесь к поверхности скальную основу африканских лесов. Подобные поляны густо поросли травой; в трещинах скал, на нанесенном дождями тонком слое земли, растут крошечные, чахлые деревца. Со всех сторон поляны окружены густыми лесами; если почвенный слой немного утолщается – семена крупных деревьев развиваются в нем и деревья отбирают эти участки у своих низкорослых соперников.

Деревья постепенно начали редеть, стало значительно светлее, и мы оказались в густых, низких зарослях на опушке леса. Мы проложили себе путь сквозь покрытую цветами плотную завесу и, шагая по колено в траве, вышли на поляну. Она расстилалась перед нами, подобно большому лугу, золотисто-зеленая под лучами солнца, тихая и пустынная, резко очерченная в своих границах величественной стеной леса.

Мы прилегли на теплую траву и закурили, купаясь в ласковых солнечных лучах. Постепенно до нас стали доходить признаки жизни обитателей поляны: звонкое стрекотание больших яркокрылых кузнечиков; пронзительные призывы древесных лягушек с берегов крохотного ручейка, извивающегося в траве; то мягкое, то сиплое воркованье маленького голубя, сидевшего над нами в кустах. С дальнего конца поляны донеслись и эхо отразило чьи-то громкие и беспечные крики: «Карроу... карро-о-у... ко-оу-у...»

Снова и снова повторялись эти громкие крики. Я навел бинокль на деревья дальней опушки леса и стал тщательно их осматривать. Вскоре я увидел трех больших блестящих зеленых птиц с длинными, тяжелыми хвостами и изогнутыми хохолками. Поднявшись, они стремительно пересекли поляну и опустились на деревья на противоположной стороне, повторив при посадке свои громкие, вызывающие крики. Не переставая кричать, они, как белки, прыгали с ветки на ветку и бегали по деревьям с поразительной легкостью и быстротой. Это были гигантские бананоеды, пожалуй самые красивые птицы в тропическом лесу. Я часто слышал их пронзительные крики в лесу, но увидел их сегодня впервые. Ловкость и подвижность этих птиц изумили меня: они прыгали и бегали по ветвям, останавливаясь на мгновение, чтобы клюнуть и проглотить какой-нибудь плод или огласить лес своими криками. Перелетая с дерева на дерево, они широким веером распускали хвосты; переливы зеленого и золотисто-желтого цветов в сиянии солнечных лучей поражали глаз красотой и богатством красок.

– Элиас, ты видишь этих птиц?

– Да, сэр.

– Я дам десять шиллингов тому, кто доставит мне такую птицу живой.

– Правда, сэр?

– Правда. Ты попробуешь ее поймать?

– Да, сэр... десять шиллингов... – Он долго еще что-то бормотал, лежа на спине и докуривая сигарету.

Я следил, как сверкающие красками птицы, весело переключаясь, постепенно исчезли в чаще леса; на поляне снова воцарилась тишина.

Мы приступили к работе. Распустив частые, длинные сети, мы подвесили их широким полукругом, плотно прижав к земле нижнюю часть. Сети были натянуты очень слабо, так что попавший в них небольшой зверек быстро запутался бы в их широких складках. Затем мы очистили от травы и растительности полосу шириной в два фута, соединявшую полукругом свободные концы установленных сетей. Получилась полная окружность, одну ее половину составляли натянутые сети, другую – расчищенная нами полоса. Срезанные кустарники и траву мы сложили по внутреннему краю полосы и забросали их сверху сырыми листьями. Всю эту кучу мы слегка полили керосином и подожгли. Сырые листья не давали сухой траве разгореться, куча медленно тлела и выделяла клубы едкого дыма, стлавшегося по направлению к сетям. Но наше терпеливое ожидание не увенчалось успехом. Из дыма с возбужденным стрекотом

выскочили лишь несколько крупных кузнечиков. Погасив огонь, мы установили сети в другом месте и повторили всю процедуру с самого начала. И снова сети остались пустыми. Наши глаза болели от дыма, мы были обожжены огнем и солнцем. Шесть раз мы расставляли сети, зажигали и тушили огонь, не получив никакой награды за свои труды.

Я уже начал было сомневаться в справедливости рекомендации Элиаса, но на седьмой попытке счастье нам улыбнулось. Едва мы подожгли траву, как один участок сетей начал дрожать и колебаться. Я помчался туда и увидел крупного серого зверька с длинным чешуйчатым хвостом, запутавшегося в складках сетей. Это была мешетчатая крыса величиной с котенка, серый ее мех кишел похожими на тараканов насекомыми – постоянными спутниками этих крыс.

– Элиас, я поймал интересного зверька, – закричал я. Но Элиас был увлечен чем-то у противоположного края нашего сооружения и не расслышал меня. С трудом удалось мне спрятать крысу в плотный мешок, избежав при этом ее укуса. Затем я помчался к другому краю сетей. Элиас барахтался на земле, сердито и громко ворча.

– Что случилось, Элиас?

– Крысы, сэр, – ответил он возбужденно. – Они быстро бегают и больно кусаются. Осторожнее, сэр, они вас укусят.

По траве металось множество жирных лоснящихся крыс. Убегая от дыма, они в то же время ловко ускользали от расставленных сетей. Крысы имели равномерную оливково-зеленую окраску, только носы у них были ржаво-красного цвета. Маленькие зверьки носились у нас под ногами, убегали в траву и выбегали оттуда обратно, их лапки находились в безостановочном движении, длинные белые усы возбужденно топорщились. Крысы никого и ничего не боялись и кусались как черти. Когда Элиас, опустившись на колени, попытался вытащить одну крысу из травы, другая пробежала по его ноге, забралась под набедренную повязку и куснула Элиаса в бедро. Спрыгнув на землю, она мгновенно исчезла в траве.

– А-а-а!.. – дико закричал Элиас. – Она меня укусила, это очень скверные животные.

В этот момент другая крыса впилась зубами в большой палец моей правой руки, и мне было уже не до Элиаса. В конце концов мы поймали десяток крыс. Когда мы вышли из дыма, у нас был вид людей, только что переживших горячую схватку с леопардом. Моя рука сильно болела от полученных пяти укусов, все лицо было расцарапано кустами. По ногам Элиаса текла кровь, у него было два укуса на ногах и один на колене. В тропиках кровотечение происходит очень обильно: из самой маленькой царапины кровь льет, как из поврежденной артерии. Выступивший от жары и напряженной работы пот залил открытые укусы и царапины, которые теперь начали страшно болеть. Я убедился, что за поимку крыс мы заплатили слишком дорогую цену.

Перед возвращением в лагерь было решено произвести еще одну попытку. Скудную работу по расстановке сетей и разведению огня мы выполнили с удовольствием, поскольку трофеи, как это всегда бывает, значительно улучшили наше настроение. Давно известно, что нет ничего более удручающего, чем повторение одной и той же работы без получения желаемых результатов. Разведя огонь, мы перебежали к сетям и стали с нетерпением вглядываться в траву.

Первыми выбежали две красивые, ярко окрашенные ящерицы, решившие, очевидно, что поляна горит. Одну из них я поймал сачком для бабочек, вторую Элиас хотел ударить палкой, но промахнулся, и она исчезла в кустах.

– Элиас, ты упустил ее?

– Она убежала в кусты, сэр, – уныло ответил Элиас.

– Почему ты ее не поймал? – сердито спросил я, размахивая перед носом Элиаса пойманной ящерицей. – Что, у тебя рук нет, что ли?

Элиас испуганно отскочил в сторону:

– Маса, это плохая ящерица. Если она вас укусит, вы умрете.

– Чепуха, – ответил я и вложил мизинец между зубами ящерицы. Укус чувствовался не сильнее легкого щипка. – Видишь? Это самая безобидная ящерица.

Я поместил ящерицу в мешок, и мы вернулись к сетям, в которых запутались три крысы и черная злая землеройка. Крысы имели бледно-коричневую окраску, покрытую продольными полосами круглых ярко-кремовых пятен. Когда мы подняли крыс за хвосты, они повисли в воздухе расслабленно и спокойно, и мы упаковали их в мешок без всяких затруднений. Позднее я обнаружил, что эти робкие, застенчивые зверьки поддаются дрессировке лучше всех других лесных крыс: через два дня после поимки они уже безбоязненно забираются на ладонь руки, чтобы схватить предлагаемую им пищу.

Землеройка, напротив, обладала таким же черным характером, как и цвет ее меха. Хотя длина ее и не превышала трех дюймов, она свирепо рвалась в сетях, а когда мы захотели ее освободить, бросилась на нас, очерив рот и гневно раздувая ноздри. Когда нам удалось распутать сети, землеройка села на задние лапы, собралась в комок и, вызывая вскрикивая, приготовилась к бою. С большим трудом мы загнали ее в ящик, наполненный сухой травой, но и там она продолжала сердито ворчать. Я не собирался долго держать ее, так как это крошечное существо вряд ли выдержало бы долгий и утомительный путь в Англию. Но я хотел оставить землеройку на несколько дней в лагере, чтобы изучить ее привычки и рассмотреть ее на близком расстоянии. Тот факт, что я иногда с большими трудностями ловил животное, держал несколько дней в лагере, а затем выпускал на волю, был в глазах африканцев убедительным доказательством моего слабоумия.

Солнце склонялось к краю поляны, когда мы упаковали снаряжение и всех наших пленников и отправились в обратный путь. Снова над нашими головами появилась сплошная крыша золотисто-зеленых листьев. Ночь застигла нас в лесу, и скоро стало темно, как в подземелье. Я с трудом ковылял, спотыкался о корни, стучался головой о ветки под аккомпанемент многочисленных соболеваний Элиаса. Когда мы вышли к полям около деревни, оказалось, что сумерки только переходят в настоящую тропическую ночь. Пара попугаев с криком и свистом пролетела высоко над нами по направлению к лесу. Разбросанные по небу облака были еще окрашены золотистыми, розовыми и зелеными отблесками. Огни лагеря приветливо мигали нам, я уже чувствовал какой-то вкусный запах. Но я быстро вспомнил, что, прежде чем помыться и поесть, мне придется разместить и накормить всех наших сегодняшних пленников. Перенес я это разочарование сравнительно спокойно.

Глава III

Более крупные животные

Количество более крупных животных в лесах Камеруна также очень велико. К ним относятся все животные величиной от домашней кошки до слона. Поимка их, как правило, значительно легче и связана с меньшими трудностями, чем поимка мелких животных. Объясняется это прежде всего тем, что более крупного зверя легче обнаружить. Для мыши или белки не требуются слишком густые заросли, чтобы спрятаться от охотника; для такого животного, как, например, антилопа-дукер, нужно уже солидное укрытие. Кроме того, маленькие зверьки имеют неприятную манеру пролезать сквозь ячейки сетей; если же в сетях окажется крупное животное, можно не сомневаться, что оно уже никуда не уйдет.

Однажды утром Элиас и Андрия появились в лагере необычно рано. Лежа в полумраке палатки, я слышал, как они шепотом обсуждали с Пайосом, стоит ли меня так рано будить. Пайос в этом отношении был большой педант; потребовалось много времени, чтобы втолковать ему, что вновь прибывающие животные не могут ждать, пока я закончу свои дела. Если кто-либо приходил с добычей, когда я брился, ел или чистил ружье, Пайос величественно прика-

зывал ему обождавать. Бедная жертва, вытерпевшая не слишком нежное обращение при пленении, находившаяся зачастую целый день без еды и питья, перенесшая длительное путешествие под палящими лучами солнца в малокомфортабельном мешке или корзине, могла умереть во время этого дополнительного ожидания. В особенности это касалось птиц. Я долго не мог убедить птицеловов в том, что, если они поймали птицу ночью и не принесли мне ее на следующее же утро, шансы на то, что птица выживет, очень незначительны. На такое мое объяснение всегда следовал одинаковый ответ:

– Это сильная птица, маса, она не умрет.

Учитывая такие настроения охотников, я неоднократно объяснял Пайосу, что животные не могут ждать и, в какое бы время ни принесли пленника – во время обеда или в середине ночи, – охотника следует немедленно привести ко мне. После многочисленных внушений я решил, что эта истина Пайосом усвоена твердо: поэтому я вышел из себя, услышав, что он не пускает ко мне Элиаса и Андраю. Я предположил, судя по доносившимся ко мне обрывкам разговора, что он снова забыл мои инструкции. По-видимому, Элиас и Андрая ночью ушли в лес, поймали там какое-нибудь интересное животное и спешили теперь продать его мне, пока оно не сдохло в их руках, а Пайос твердо решил не допускать их ко мне раньше установленного часа – половины седьмого. Рассердившись, я громко окликнул Пайоса. Он появился с чашкой чаю, что несколько умиротворило меня.

– Доброе утро, сэр.

– Доброе утро. – Я взял чашку. – Что там за шум? Что-нибудь принесли?

– Нет, сэр. Элиас и Андрая хотят позвать вас в лес.

– В такой час? Почему так рано?

– Они говорят, – с сомнением в голосе ответил Пайос, – что нашли далеко отсюда отверстие в земле.

– Отверстие в земле... ты имеешь в виду пещеру?

– Да, сэр.

Новость была хорошей. Я давно хотел осмотреть какие-нибудь пещеры в районе Эшоби, просил охотников провести меня к ним, но до сих пор они ничего не находили. Я выскочил из постели и в своем полосатом красно-голубом халате вышел из палатки.

– Доброе утро, Элиас... Андрая.

– Доброе утро, сэр, – ответили они, как обычно, одновременно.

– Что вы рассказываете о пещере? – спросил я, допивая чай и с наслаждением вдыхая бодрящий утренний воздух. Элиас и Андрая с трудом оторвали очарованные взоры от моего халата.

– Вчера я был в лесу, маса, – начал Элиас, – и нашел такую пещеру, какая вам нужна. Я слышал, как в пещере кто-то ходил.

– А кто там ходил, ты не видел?

– Нет, сэр, не видел, – ответил Элиас, ковыряя ногой землю. Я понял, что Элиас не рискнул заглянуть в пещеру, опасаясь встречи со злыми духами, или, как их называют местные жители, ю-ю.

– Ну хорошо, что нам теперь нужно сделать?

– Маса, нужно взять четырех человек и идти в лес. Мы возьмем с собой сети и поймаем зверя.

– Хорошо, идите в деревню и найдите нескольких охотников. Через час приходите все сюда, слышите?

– Мы слышим, сэр.

Мои проводники отправились в деревню.

Я попросил быстрее приготовить завтрак. Расстроенный Пайос побежал на кухню и излил свой гнев, обругав ни в чем не повинного повара.

Через час мы уже поднимались по зеленому, заросшему лесом склону холма между выступавшими корнями деревьев. Кроме Элиаса и Андраи, было еще трое: ловкий, с лисьим лицом человек, которого все называли Плотником, очевидно по его специальности; живой, приятный юноша, которого звали Ником; высокий изможденный человек по имени Томас. Сзади нас шел Даниель – мальчик, несший съестные припасы для всей нашей экспедиции. Все мы были в хорошем настроении, охотники громко переговаривались, жестикулировали, смеялись, не забывая отмечать на деревьях дорогу своими тесаками.

Примерно с полмили мы непрерывно поднимались в гору, затем дорога выровнялась и идти стало легче. Иногда нам попадались деревья с окружностью ствола примерно в шесть дюймов, ровные и гладкие, как жерди, исчезающие своими стволами в густом пологе листьев над нашими головами. Кора их была усыпана множеством крошечных бледных цветов – красивых глазков, росших на тоненьких, с четверть дюйма, стебельках. Цветы были величиной с ноготь мизинца и так плотно прилегали друг к другу, что совершенно закрывали значительные участки коры. В прозрачном, напоминавшем подводный мир освещении, царившем в лесу, эти покрытые цветами стволы сияли на темном фоне, как высокие ровные колонны из драгоценных камней. В одном месте мы увидели шесть таких деревьев, которые стояли вокруг кучи валунов, покрытых зеленым бархатным мохом и желтыми цветами бегонии. После нескольких часов ходьбы по тропическому лесу глаз начинает уставать от бесконечного однообразия гладких, ровных стволов и редкой выющейся растительности подлеска; наткнувшись на картину, подобную описанной, фантастическую по своим очертаниям и окраске, человек снова чувствует интерес к лесу и его красоте.

Невдалеке от тропы, по которой мы шли, я заметил огромный гниющий ствол дерева длиной футов в сто пятьдесят. Несмотря на то что дерево это свалилось очень давно, можно было проследить, как оно при падении разорвало и пригнуло более мелкую растительность, как верхние его ветви с листьями описали кривую и образовали прореху в зеленом потолке, открыв для обозрения снизу кусочек неба. Вырвавшиеся из земли черные изогнутые корни напоминали хищно растопыренную ладонь огромной руки. В середине этой ладони виднелось небольшое черное отверстие – вход в пустотелую внутренность ствола. Я обратил на это отверстие внимание Элиаса, и он тщательно его осмотрел.

– В стволе может находиться какой-нибудь зверь?

– Иногда там, возможно, кто-нибудь бывает, – осторожно ответил он.

– Хорошо, давайте посмотрим.

Андрая, Плотник и мрачный Томас пошли к вершине дерева, Ник, Элиас и я начали осматривать отверстие у основания. Вход имел в диаметре около восьми футов, так что человек свободно мог в него войти. Элиас и Ник, громко пригнувшись и фыркая, проползли несколько футов вглубь ствола. Я чувствовал только запах гнилого дерева и сырой земли.

– Эге, – воскликнул Элиас, с шумом втягивая ноздрями воздух, – мне кажется, что внутри сидит катар. Как ты думаешь, Ник?

– Мне тоже так кажется, – согласился Ник, ожесточенно фыркая.

Я снова втянул в себя воздух и снова ничего не почувствовал.

– Что это за катар? – спросил я Элиаса.

– Крупное животное, сэр. У него на спине кожа как у змеи. Иногда оно делает так... – И он свернулся в клубок, пытаясь изобразить таинственное животное.

– Как же нам его достать? – спросил я.

Элиас вылез из ствола, окликнул Плотника, находившегося у противоположного конца дерева, и о чем-то быстро переговорил с ним на языке баньянги. Затем, обернувшись ко мне, он спросил, есть ли у нас фонарь. Даниель быстро достал из сумки карманный фонарь и передал его Элиасу. С фонарем в зубах Элиас опустил на четвереньки и снова исчез в стволе дерева. Я не считал момент подходящим для напоминания о том, что некоторые змеи предпочи-

тают именно такие укромные места. Я не понимал, что Элиас собирался делать при встрече с животным в узком туннеле, где с трудом можно было повернуться.

Внезапно футах в двадцати от входа мы услышали сильные удары изнутри по стволу и сдавленные крики.

– Что случилось? – возбужденно воскликнул Ник. Из глубины отверстия донесся поток слов на баньянги.

– Что он говорит? – спросил я Ника, и мне явственно представилась ядовитая змея, нападающая на беззащитного Элиаса.

– Элиас видит зверя, сэр. Он хочет, чтобы Плотник развел небольшой огонь у другого конца ствола, тогда дым выгонит зверя и Элиас его поймает.

– Хорошо. Пойди и скажи об этом Плотнику.

– Иду. У вас есть спички, сэр?

Я отдал спички, и Ник побежал к противоположному концу дерева. Я заполз в ствол и с трудом разглядел далеко в глубине слабый свет моего фонарика.

– Все в порядке, Элиас?

– Да, сэр, я его вижу, – взволнованно отозвался Элиас.

– Что там за зверь?

– Катар, сэр, и у него на спине детеныш.

– Я могу посмотреть?

– Нет, сэр, это невозможно, здесь слишком тесно, – крикнул Элиас и закашлялся. Облако едкого дыма заполнило ствол, закрыло от меня фонарик, проникло в мои легкие. Слышался непрерывный громкий кашель Элиаса. Я быстро вылез, вытирая слезившиеся глаза.

– Андрая! – закричал я изо всех сил. – Слишком много дыма... Элиас и зверь задохнутся в дереве... вытащи огонь, сделай его меньше, слышишь?

– Да, сэр, слышу, – донеслось в ответ.

Я снова вполз в заполненное дымом отверстие.

– Как дела, Элиас?

– Я его поймал, сэр, я его поймал! – радостно ответил Элиас в промежутках между приступами кашля.

– Вынеси его, – я стоял на четвереньках, пытаюсь что-либо разглядеть сквозь дым, – вынеси его быстрее...

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем в отверстии появились черные мозолистые ноги Элиаса. Он вылез, задыхаясь и кашляя, совершенно голый, и радостно улыбнулся мне: трофей его был завернут в набедренную повязку.

– Я завернул его в мою одежду, сэр, я боялся, чтобы детеныш не упал.

– Это животное быстро бежит? – спросил я, взяв из его рук сверток и отходя немного в сторону.

– Нет, сэр.

– Оно кусается?

– Нет, сэр.

Успокоенный этими ответами, я положил сверток на землю и развернул его. Перед моими глазами предстал совершенно необычный зверь. С первого взгляда мне показалось, что на тряпке находится большая коричневая еловая шишка, соединенная с другой шишкой, темно-серой и меньшего размера. Затем я понял, что это самка трехрогого панголина, или чешуйчатого муравьеда, свернувшаяся в клубок, с крошечным детенышем, прицепившимся к ее спине.

– Катар, сэр, – с гордостью объявил Элиас.

– Хороший зверь, – согласился я.

С трудом отделил я детеныша от спины матери и осмотрел его. В отличие от матери он нас не боялся, спокойно сидел у меня на ладони и близоруко глядел на меня маленькими

влажными глазами. От конца его длинного носа до кончика чешуйчатого хвоста было около десяти дюймов, его спина, голова, ноги и хвост покрыты были маленькими, еще очень мягкими листообразными серыми чешуйками. Брюшко, подбородок, обращенные к телу части ног и грустная морда были покрыты беловатым, довольно грубым мехом, нижняя часть хвоста была совершенно голой. Морда его была очень длинной, он все время старался просунуть между моими пальцами свой мокрый вытянутый нос. Толстые маленькие задние лапы имели миниатюрные аккуратные коготки; на передних лапах находились большие кривые когти с маленькими коготками по бокам. Этими передними когтями детеныш с силой вцепился в мою руку, стремясь одновременно на всякий случай обвить хвостом мою кисть. Однако он был еще очень слаб, и при каждой попытке хвост его соскальзывал с моей руки. Самка отличалась от детеныша значительно более жесткой и темной чешуей, когти на ее лапах были обломаны и не оканчивались так изящно, как у маленького панголина. Насколько я мог судить (хотя она скромно отказывалась развернуться), в самке было около трех футов длины. Свернувшись, она напоминала размерами и формой футбольный мяч.

Охотники, конечно, шумно радовались нашему успеху. Но я припомнил все, что читал о панголине, и был настроен довольно мрачно. Панголины питаются муравьями, зубов они не имеют, у них очень длинный, похожий на змеиный, язык и обильное количество клейкой слюны. Большими передними лапами они разрывают муравейники и быстро обшаривают языком все его закоулки. При каждом таком заходе к языку прилипает некоторое количество муравьев. Как обычно бывает с животными, питающимися ограниченным ассортиментом, муравьеды совершенно не приспособлены к заменителям и поэтому очень плохо переносят неволю. Но как бы то ни было, это были первые мои муравьеды, и я намерен был сделать все возможное, чтобы сохранить их живыми. Я водворил детеныша обратно на спину матери, он вцепился в нее большими передними лапами и прикрепился хвостом к выемке между двумя чешуйками. Закрепившись таким образом, он просунул между передними лапами свой длинный нос и заснул. Мы спрятали обоих панголинов в мешок и продолжили свой путь.

После часа ходьбы мы подошли к пещере, о которой мне рассказал утром Элиас. Крутой склон холма был усеян большими скалами, часть которых наполовину ушла в землю, а другая часть почти исчезла под плотной завесой папоротников, бегонии и густого моха. Под одной из скал виднелась щель шириной около трех футов и высотой около двенадцати дюймов. Показав мне ее, Элиас торжественно произнес:

- Пещера, сэр.
- Это и есть пещера? – спросил я, с сомнением рассматривая отверстие.
- Да, сэр. Здесь узкий вход, но внутри достаточно просторно. Маса хочет зажечь фонарь?
- Хорошо, – смиренно согласился я.

Мои спутники расчистили от растительности вход в пещеру, после чего, лежа на животе, я просунул голову в нору. Действительно, внутренность пещеры имела размер небольшой комнаты; в дальнем углу пол круто опускался книзу, вглубь холма. В пещере был чистый прохладный воздух, каменистый пол был слегка усыпан белым песком. Я выбрался наружу.

– Кто-нибудь должен войти с фонарем в пещеру, тогда мы последуем за ним, – твердо проговорил я. Но никто из охотников не выразил желания первым проникнуть в пещеру. Я выбрал Даниеля, как самого маленького ростом.

- Даниель, возьми фонарь и залезь в нору. Я и Андрая пойдем за тобой.

И Даниель и Андрая не были согласны с моим предложением.

- Маса, там в пещере спрятался зверь, – захныкал Даниель.

– Что?

– Он меня схватит!

- Ты разве не охотник? – спросил я. – Если ты охотник, как может зверь схватить тебя?

Ты схватишь зверя, не так ли?

– Я боюсь, – просто ответил Даниель.

– Элиас, послушай, есть ли кто-нибудь в пещере.

Каждый по очереди засовывал в пещеру свою лохматую голову, но никто ничего внутри не услышал.

– Видишь? – обратился я к Даниелю. – Теперь ты влезешь в нору. Не бойся, мы тебя не оставим, Андрая и я пойдем сразу за тобой.

С видом осужденного, поднимающегося на эшафот, Даниель опустил на землю и залез в пещеру.

– Теперь иди ты, Андрая.

Потребовалось некоторое время, прежде чем шесть с половиной футов Андрай оказались в пещере. Мы слышали, как он ругал Даниеля сперва за то, что тот сидел у самого входа (для Даниеля это был выход), а потом за то, что он ослепил ему глаза фонарем. Постепенно Андрая исчез в норе, и я последовал за ним. Когда моя голова и плечи были уже в пещере, раздались громкие крики и меня больно ударили по голове сачком. Свет фонаря ослепил меня, и я не мог разобратъ, что происходит в пещере.

– Маса, маса! – орал Даниель, снова стукнув меня сачком. – Большой удав, большая змея... назад, сэр, назад!

– Замолчи сейчас же! – крикнул я. – И перестань колотить меня этой дурацкой палкой.

Даниель, дрожа всем телом, присел на корточки; я вполз в пещеру, присел рядом с ним и взял у него из рук фонарь. Посветив кругом, я увидел и сидящего около меня Андрая.

– Андрая, в какой стороне удав?

– Я его не видел, сэр. Даниель сказал, что видел его там... – И он махнул своей длинной рукой в сторону глубокого прохода перед нами.

– Ты видел удава? – спросил я Даниеля.

– Да, сэр, я видел его вот там. У него полосатая шкура.

Мы притаились в тишине, нарушаемой только стуком зубов Даниеля. Внезапно я услышал в пещере какие-то новые звуки; по повороту головы Андрай я почувствовал, что и он обратил на них внимание. Это были неясные то свистящие, то мурлыкающие звуки, доносившиеся к нам из темноты.

– Андрая, ты слышишь? Что это такое?

– Не знаю, сэр, – озадаченно ответил Андрая.

Доносившиеся из темноты звуки казались зловещими и страшными. В пещере было очень холодно, и мы все дрожали. Я понимал, что, если не предпринять срочные меры, Даниель в следующую минуту припишет эти звуки злым духам ю-ю и бросится на меня, чтобы освободить себе выход из пещеры. Подняв фонарь, я приказал охотникам оставаться на месте и направился к тому месту, где пол пещеры начинал опускаться. Это решение было не слишком разумным, так как встреча в темноте с удавом неизвестных размеров, когда единственный слабый источник света находился у меня в руке, не сулила мне ничего хорошего. Подойдя к краю, я осветил фонарем большую впадину, из которой доносились странные звуки. В первый момент мне показалось, что пол нижней пещеры сорвался с места и начал надвигаться на меня, сопровождаемый порывами ветра и сверхъестественным завыванием. У меня мелькнула была страшная мысль, что злые духи ю-ю действительно существуют и я стану сейчас жертвой их ярости. Но затем я понял, что вся эта черная масса состоит из сотен маленьких летучих мышей. Они держались кучно, как пчелиный рой; сотни этих существ, подобно мохнатому движущемуся коврику, плотно закрыли каменистый потолок нижней пещеры. Со странным писком кружили они вокруг меня, притягиваемые и отталкиваемые светом фонарика, воздух непрерывно колебался от взмахов множества крыльев. Осветив фонарем нижнюю пещеру, я не обнаружил никаких признаков удава.

– Андрая! – крикнул я. – Это не удав, это летучие мыши...

Ободренные этим сообщением, Андрая и Даниель присоединились ко мне и с удивлением осмотрели заполненную летучими мышами пещеру. Андрая выразил свое изумление возгласом, Даниель ничего не сказал, но перестал стучать зубами.

– Ну, в какой стороне теперь находится большой удав? – обратился я к Даниелю. Он захихикал, Андрая тоже громко рассмеялся.

– Хорошо, но чтобы больше не было таких глупостей, слышишь? А сейчас сбегай быстро к Элиасу и возьми у него веревку и сеть.

Даниель направился к выходу.

– Маса хочет поймать этих животных? – спросил меня Андрая, пока мы ждали возвращения Даниеля.

– Нет, я не хочу этих маленьких мышей, я хочу поймать более крупного зверька. Внизу мы его найдем, правда?

– С помощью Всевышнего мы найдем! – набожно ответил Андрая, пристально вглядываясь вглубь пещеры.

Чтобы попасть в нижнюю пещеру, мы должны были спуститься футов на пятнадцать по крутому каменистому откосу. Сделать это можно было только с помощью веревки, и я искал, куда бы закрепить ее верхний конец. Ничего подходящего мне найти не удалось. Когда Даниель вернулся с веревками, пришлось снова отправить его наружу с приказанием привязать конец веревки к стволу какого-нибудь дерева. После этого мы закрыли проход между двумя пещерами сетью, оставили Даниеля следить за попадающими в сеть летучими мышами и начали спускаться вниз. С первого взгляда склон показался нам гладким, при ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось, что поверхность его была испещрена маленькими продольными ложбинками и напоминала уменьшенное во много раз вспаханное поле. Гребни между ложбинками были остры, как лезвие бритвы. Окровавленные и ободренные, достигли мы наконец песчаного дна пещеры. Здесь было столько летучих мышей, что воздух дрожал от их криков и взмахов многих крыльев. Передав фонарь Андрае, я взял сачок и после нескольких попыток поймал им четырех летучих мышей. Они мне нужны были в качестве музейных экспонатов, так как сохранить этих маленьких насекомоядных и доставить их живыми в Англию мне бы, конечно, не удалось. Размах крыльев этих мышей около восьми дюймов, у них жирное, покрытое мехом туловище величиной с грецкий орех. Больше всего поразили меня их головы, которые я рассматривал при свете фонаря. Большие, похожие на лепестки цветов уши, казавшиеся прозрачными при свете фонаря, отчетливо выделялись на голове. На носу у них не было никакой растительности, бугры, канавки и наросты на их мордочках создавали впечатление замысловатого барельефа, похожего на миниатюрный герб тюдоровской Англии. Выпуклые маленькие глазки блестели, в приоткрытых ртах выделялись яркие белые зубы.

Затем мы начали искать более крупных представителей летучих мышей, питающихся не насекомыми, а плодами, так называемых летучих лисиц. Поиски наши не увенчались успехом, мы вскоре отправили Даниеля с сетями наружу, а через некоторое время и сами последовали за ним. Когда я выполз, щурясь и моргая от яркого света, Плотник бросился помогать мне подняться на ноги.

– Добрый день! – сказал он таким тоном, словно я вернулся из далекого путешествия.

– Ты думал, что меня схватили злые духи, Плотник?

– Нет, сэр, но иногда в этом месте можно встретить хищных зверей.

– А злых духов?

– Иногда и злых духов, – согласился он.

Появился Андрая, исцарапанный и грязный; мы присели отдохнуть и погреться немного на солнце после холодной пещеры.

– А где Элиас? – спросил я, заметив его отсутствие.

– Он пошел в лес искать другую пещеру, – ответил Плотник.

– Разве здесь есть еще и другая пещера? – сразу заинтересовался я.

– Возможно, Элиас что-нибудь и найдет, – уклончиво ответил Плотник.

Сомнения Плотника не оправдались. Элиас вернулся и сообщил, что на расстоянии полумили есть пещера, значительно больше только что исследованной нами, и что в ней тоже много летучих мышей. Мы вскочили и быстро пошли за Элиасом.

Вторая пещера действительно оказалась крупнее первой; она находилась в глубине большого высокого холма, и вход в нее был почти совершенно закрыт растительностью. Длина пещеры достигала семидесяти ярдов, высота ее составляла по меньшей мере тридцать футов. Потолок был покрыт густым колыхающимся слоем летучих мышей, оглашавших пещеру громким, пронзительным писком; это были летучие мыши, питающиеся плодами. Обрадовавшись, я поздравил Элиаса со счастливой находкой. Вскоре выяснилось, однако, что поймать летучую мышь в этой пещере отнюдь не просто. Наши сачки не доставали до высокого потолка, вход в пещеру был слишком велик, и мы не могли перекрыть его сетью. После продолжительных размышлений мы составили наконец план действий. Двое охотников отправились в лес и срубили там по молодому деревцу длиной около двадцати футов; деревца эти очистили от сучьев, оставив только на самой верхушке по несколько веток с листьями. Мы закрыли сетью часть входа, после чего я велел охотникам приготовить небольшие мягкие сумки. Подойдя затем к входу, я направил свое ружье горизонтально вглубь пещеры и выстрелил одновременно из обоих стволов. Оглушительный шум выстрелов и перекаты эха вызвали в пещере страшный переполох. Все летучие мыши, а их было внутри не меньше пятисот, сорвались с места и с криками начали метаться по пещере. Хлопанье их крыльев напоминало громкий шум разбивающихся о береговые скалы морских волн. Убедившись, что потолок не обрушился от выстрелов, мы ворвались в пещеру. Летучие мыши тучами носились по пещере, почти касались нас, обдавая ветром, вызываемым взмахами крыльев.

Мы принялись за работу и начали энергично размахивать срубленными жердями. Попытки задеть ими летучих мышей не удавались, так как они легко ускользали от палок. Выбрав место, где мышей было особенно много, мы добивались того, что неочищенные от веток верхушки наших жердей сбивали на пол несколько зверьков. Отбросив жерди, мы кидались к ним, прежде чем они успевали снова подняться в воздух. Полученные ими удары, нанесенные ветками и листьями, не были слишком сильными, но их было достаточно, чтобы на несколько секунд заставить мышей сесть на пол. Но и в этом положении они проявляли исключительное проворство, и нам с большим трудом удалось, спасаясь от их острых и длинных зубов, загнать несколько летучих мышей в приготовленные для этой цели мешки.

В течение сорока пяти минут мы непрерывно преследовали летучих мышей и поймали двадцать пять зверьков. К этому времени некоторые мыши покинули пещеру и повисли на окрестных деревьях, подобно дрожащим черным плодам. Оставшиеся в пещере успели понять, что, вернувшись к куполу пещеры, они будут недостижимы для нас. Я решил, что для начала мне хватит и двадцати пяти экземпляров, и дал команду прекратить охоту. Выйдя из пещеры, мы присели отдохнуть, закурили и стали смотреть, как повисшие на деревьях летучие мыши одна за другой отрывались от ветвей и исчезали в темноте пещеры, присоединяясь к своим возбужденным соплеменникам. Вероятно, за столетия жизни колонии летучих мышей в этой пещере впервые им пришлось испытать такие неприятности, как сегодня. Вероятно также, что пройдет еще много времени, прежде чем что-либо подобное повторится. Учитывая это, можно считать, что летучие мыши ведут на редкость счастливую жизнь. Целыми днями спят они в темной, прохладной и безопасной пещере. Вечером, проголодавшись, они большими группами выскакивают наружу, летают в лучах заходящего солнца над позолоченными вершинами деревьев, садятся на ветки и, пока темнота окутывает лес, наслаждаются прекрасными спелыми плодами. С рассветом они возвращаются в пещеру, насытившиеся, с пятнами засохшего фруктового сока на шкурке, спорят и ссорятся из-за лучших мест на потолке и постепенно засыпают;

солнце снова поднимается над деревьями, под его благодатными лучами вырастает новый урожай плодов для следующего ночного пиршества.

Когда мы уходили, деревья уже отбрасывали на землю длинные тени. Я в последний раз взглянул на пещеру. В стене обрыва зияло черное отверстие, откуда уже вылетали первые группы летучих мышей и взмывали высоко в воздух. Сначала редкие, эти группы становились все многочисленнее и постепенно слились в сплошной поток, казавшийся на далеком расстоянии струйкой дыма. Спотыкаясь в сгущавшейся темноте леса, мы слышали высоко над нашими головами звонкие крики отправившихся на поиски пищи летучих мышей.

Глава IV

Ночью в лесу

В результате проведенных нами на охоте дней и исключительной старательности жителей окрестных деревень клетки в моем лагере скоро оказались переполненными, и я стал целые дни уделять уходу за животными. Я мог располагать для прогулок лишь тем временем, которое оставалось у меня после окончания дневной работы, поэтому мы начали охотиться ночью при свете фонарей. Из Англии я привез четыре больших фонаря, к ним я добавил еще четыре фонаря, приобретенные в Камеруне. Обеспеченные таким обилием света, мы бродили по лесу обычно с двенадцати до трех часов ночи и поймали в эти часы множество таких ночных животных, которых мы вряд ли обнаружили бы в другое время суток.

Лес ночью резко отличается от леса при дневном освещении. Все живое бодрствует, то и дело где-нибудь на дереве сверкают чьи-то раскаленные глаза, из зарослей все время доносятся шорохи и крики. Свет фонаря часто падает на раскачивающиеся, подергивающиеся лианы – в ста пятидесяти футах над нашими головами какое-нибудь животное задело их в своем движении. С шумом падают на землю спелые плоды и сухие ветки. Цикады, которые как будто не спят ни днем ни ночью, оглашают лес своим звоном, время от времени невидимая большая птица громко выкрикивает прокатывающееся по лесу «карр... каррр... карр». Обычными для ночного леса звуками являются крики *Dendrohyrax dorsalis*. Вначале мягкий пронзительный свист разделяется правильными частыми интервалами, затем интервалы становятся все короче, пока все не сливается в непрерывный громкий и резкий свист. Совершенно неожиданно, в момент, когда свист кажется нестерпимо пронзительным, он резко обрывается, и воздух доносит лишь звуки замирающего эха. В лесу также очень много лягушек и жаб. С наступлением темноты начинаются безумолчные крики, кваканье, свист, треск и щебет. Все это доносится отовсюду – начиная с вершин высочайших деревьев и кончая маленькими расщелинами под скалами на берегах многочисленных ручьев.

При ночной охоте расстояния в лесу представляются по меньшей мере в два раза большими, чем днем. Мы движемся под огромной шуршащей крышей, и за пределами круга света, отбрасываемого фонарями, стоит непроницаемая черная стена. Только в маленьком радиусе от источника света можно различать цвета. При свете фонаря многое выглядит иначе, чем днем; листья и трава, например, приобретают воздушный, золотисто-зеленый оттенок. Создается впечатление, что мы бродим в глубинах подводного мира, где в течение тысячелетий не бывает солнечного света. Жалкий свет наших фонарей показывает нам участки чудовищных, извивающихся корней и блеклую окраску листьев. Серебристые мотыльки, подобно стайкам крошечных рыбок, группками порхают вокруг фонаря и исчезают во мраке. Воздух в лесу тяжелый и сырой; поднимая фонарь вверх, можно заметить, как слабые струйки тумана обвиваются вокруг ветвей и лиан, просачиваются через сплетение стволов и веток. Все представления о формах и размерах оказываются ошибочными, высокие стройные деревья кажутся бесформенными обрубками, корни их извиваются и петляют при нашем приближении, словно

стремясь скрыться в темноте; иногда я готов был принять их за живые существа. Все вокруг было таинственно, очаровательно и страшно.

Первый ночной поход, который я совершил с Андраей и Элиасом, мы начали рано, так как Элиас хотел повести нас к берегам большого ручья, находившегося далеко от лагеря. Он уверял меня, что там можно поймать речного зверя. Я не знал, что имел в виду Элиас, так как название это местные охотники применяют очень широко, относя его в равной мере как к гиппопотаму, так и к лягушке. От Элиаса я мог узнать только, что это «очень хороший зверь» и что я буду рад, если мы его поймаем. Мы прошли около мили по тропинке, ведущей к лесу, и оставили уже позади последнюю банановую плантацию, когда Элиас внезапно остановился, и я, не удержавшись, налетел на него. Элиас направил фонарь к верхушке небольшого, футов на сорок, дерева. Он обошел дерево кругом, светя фонарем из разных положений и что-то бормоча про себя.

– В чем дело, Элиас? – спросил я хриплым шепотом.

– Кролик, сэр, – последовал странный ответ.

– Кролик... ты в этом уверен, Элиас?

– Да, сэр, конечно кролик. Он забрался на дерево; видите его глаза за тем сучком?

Разглядывая при свете фонаря верхушку дерева, я лихорадочно ворошил в своей памяти все сведения о фауне Камеруна. Я был уверен, что ни разу в описаниях местной фауны не встречались кролики; больше того, я был убежден, что ни в одной части света кролики не лазают по деревьям. Каким же образом кролик, если он даже и появился в Камеруне, мог забраться на верхушку этого дерева? Разглядев две рубиново-красные точки, я направил на них фонарь и увидел «кролика». Высоко над нами на ветке спокойно сидела и облизывала свои усики жирная серая крыса.

– Элиас, это крыса, а не кролик.

Я был доволен, что мои зоологические познания не оказались опровергнутыми. Я боялся, что открытие лазающих по деревьям кроликов вызовет в зоологической науке большое волнение.

– Крыса, сэр? Мы зовем ее кроликом.

– Можем мы ее поймать, как ты думаешь?

– Да, сэр. Вы и Андрая обождете внизу, а я поднимусь на дерево.

Мы навели фонари на крысу, а Элиас исчез в темноте. Вскоре легкое покачивание дерева дало нам знать, что Элиас полез по стволу. Крыса встревоженно посмотрела вниз, отбежала к краю ветки, на которой она сидела, и снова посмотрела вниз.

Голова Элиаса показалась среди листьев в полосе света от фонарей под той самой веткой, где сидела крыса.

– В какой стороне, сэр? – спросил Элиас, щурясь от света.

– Выше, с левой стороны.

Пока мы выкрикивали указания, крыса быстро соскользнула по лиане и опустилась на ветку футах в пятнадцати ниже Элиаса.

– Она убежала, Элиас! – закричал Андрая. – Она теперь под тобой!

Медленно, прислушиваясь к нашим указаниям, Элиас спустился до ветки, на которой находилась крыса. Зверек в это время спокойно облизывался, заканчивая свой туалет. Элиас начал осторожно продвигаться по ветке, готовясь схватить крысу. Та искоса следила за ним, подождала, пока он подкрался ближе, и вдруг стремительным броском метнулась в воздух. Мы проводили ее взглядами и увидели, как она скрылась в мелком кустарнике. В это время сверху послышался треск, испуганный возглас, затем мы услышали глухой стук падения тяжелого тела. Подняв фонари, мы обнаружили исчезновение Элиаса; мы нашли его в кустах у подножия дерева, он потирал ушибленную ногу и жалобно стонал. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Элиас отделался легкими царапинами; успокоив его, мы продолжили путь.

Некоторое время мы оживленно обсуждали вопрос о различии между кроликами и крысами. Вскоре у меня под ногами захрустел белый песок. Взглянув вверх, я понял, что мы вышли из лесу, над нами было ясное ночное небо, темнота тропической ночи подчеркивалась миганием и мерцанием многочисленных звезд. Я и не заметил, что мы шли уже по берегу речки; коричневые воды бесшумно текли здесь между ровными берегами. Речка медленно и тихо, как большая змея, проползала мимо нас. Мы покинули песчаный берег и вошли в густые высокие заросли, постепенно переходившие в лес. В этих зарослях мы и остановились.

– Здесь можно поймать речного зверя, сэр, – шепнул Элиас, и Андрая поддержал его:

– Нам только нужно тихо-тихо двигаться, и мы его поймаем.

Итак, мы начали тихо-тихо двигаться по пышным зарослям, освещая себе путь фонарем. Я на мгновение задержался, чтобы снять с листа лягушку и положить ее в банку, как вдруг Элиас кинул мне свой фонарь и нырнул в кусты. Пытаясь поймать брошенный им фонарь, я уронил свой, который ударился о камень и погас. Фонарь Элиаса я все же не сумел поймать, он упал на землю и тоже перестал светить. У нас остался только тусклый фонарик Андрай со старой отсыревшей батареей. Элиас боролся в кустах с каким-то, очевидно очень сильным, животным. Я взял фонарь у Андрай и при слабом его свете увидел, как Элиас барахтается в кустах, держа в руках красивую, с белыми крапинками и полосками на шкуре, яростно брыкающуюся антилопу.

– Я держу ее, сэр! – кричал Элиас, отплевывая листья. – Принесите быстрее фонарь, сэр, это очень сильное животное.

Бросившись к нему на помощь, я споткнулся о камень и упал, выронив фонарик из руки. Последний наш источник света тоже угас. Я сел и принялся лихорадочно обшаривать траву в поисках фонаря, подгоняемый отчаянными криками Элиаса. Но когда мои пальцы уже нащупали фонарь, наступила неожиданная тишина. После нескольких попыток я включил свет и навел его на Элиаса, который скорбно сидел и вытирал себе лицо.

– Она убежала, сэр. Мне очень жаль, сэр, но это животное сильнее человека. Смотрите, как оно ранило меня своим копытом.

На груди Элиаса была длинная, глубокая царапина, из которой сочилась кровь. Эта рана была нанесена острым копытом маленькой антилопы.

– Ничего, мы поймаем ее в другой раз, – успокаивал я Элиаса, смазывая йодом его рану.

Когда мы разыскали остальные два фонаря, выяснилось, что обе лампочки разбились при падении. Запасных лампочек у нас при себе не было, и единственным источником света являлся третий фонарь, который едва горел и грозил угаснуть в любую минуту. Нам не оставалось ничего другого, как отменить охоту и немедленно возвращаться в лагерь, пока у нас еще действовал хоть один фонарь. Удрученные, отправились мы в обратный путь, стараясь идти как можно быстрее.

Когда мы подошли к полям, окружающим деревню, Элиас остановился и показал рукой на сухой сук, низко нависший над тропой. Он был совершенно голый, на нем сохранился только один высохший листок.

– В чем дело?

– Здесь, на сухой ветке, сэр.

– Я ничего здесь не вижу.

Встревоженный нашим шепотом, сухой лист высунул головку из-под крыла, бегло взглянул на нас, взмыл в воздух и скрылся в темноте.

– Птица, сэр, – объяснил Элиас.

Это была в общем очень неудачная, но вместе с тем и очень интересная ночь. После первой вылазки я понял, на что можно рассчитывать ночью в лесу. То обстоятельство, что птицы спят так близко к земле, удивило меня – в лесу достаточно высоких деревьев, где птицы могут облюбовать себе место для отдыха. Подумав немного, я понял причину такого, на пер-

вый взгляд странного, поведения птиц. Усевшись на краю длинной тонкой веточки, птица чувствует себя в безопасности, ибо любой зверь, пытаясь до нее добраться, согнет или просто обломит ветку. Поэтому не имеет большого значения, находится ли тонкая, длинная изолированная ветка на высоте ста или на высоте пяти футов над землей. Расспросив Элиаса, я узнал, что ночью часто можно встретить спящих на нижних ветвях деревьев птиц. Таких птиц легко можно обнаружить и в непосредственной близости к деревне и к нашему лагерю.

На следующую ночь, захватив большие мягкие сумки, мы вышли на охоту. Я вооружился на этот раз длинным сачком для ловли бабочек. Невдалеке от лагеря мы обнаружили сидящего на тонкой ветке футах в пяти над землей бюльбюля – почти неразличимый на фоне листьев комок серого пуха. Пока мои спутники освещали фонарями дерево, я подвел сачок к птице и сделал стремительный рывок. Несчастный бюльбюль, вероятно, в жизни не испытывал еще такого ужасного пробуждения; взволнованно чирикавая, он слетел с ветки и исчез во мраке ночи. Оказалось, что размахистое движение сачком снизу вверх было ошибочным. Вскоре мы увидели мирно дремавшего на ветке карликового зимородка. На этот раз я опускал сачок сверху, довел его до земли, и через минуту зимородок оказался уже в сумке. Попадая в мягкий мешок, птицы лежат в нем свободно и расслабленно, во время передвижения не размахивают крылышками, так что нам удавалось доставлять их в лагерь совершенно невредимыми.

Я был увлечен новым методом пополнения моей коллекции птиц, который казался мне наиболее совершенным. Более трех часов посвятили мы охоте за птицами и поймали за это время пять птиц: зимородка, двух лесных малиновок, пестро-голубого голубя и бюльбюля. В дальнейшем, если в течение дня мне приходилось много работать и я не уходил на ночь в лес, мы бродили вечерами по часу в окрестностях деревни и редко возвращались в лагерь с пустыми руками.

Элиас болезненно переживал неудачу нашей первой ночной охоты. Через несколько дней он снова предложил мне отправиться ночью к речке, сообщив в качестве дополнительной приманки, что знает в том районе несколько пещер. В один из дней около восьми часов вечера мы направились в лес, намереваясь посвятить охоте всю ночь. Охота наша началась неудачно. Пройдя несколько миль по лесу, мы натолкнулись на остов огромного дерева. Оно засохло, но, как это часто бывает с лесными великанами, продолжало стоять до тех пор, пока дожди, сырость и насекомые не выдолбили всю его середину, оставив одну лишь пустую оболочку. Когда тяжесть массы сухих ветвей на вершине оказалась слишком велика, ствол переломился футах в тридцати от земли и рухнул вниз. Основание осталось стоять на своих корнях-подпорках наподобие фабричной трубы и выглядело весьма живописно. Примерно на половине высоты этого обрубка виднелось большое отверстие; направив на него фонари, мы поймали в глубине его блеск чьих-то глаз.

После короткого обсуждения Андрия и я продолжали освещать отверстие фонарями, а Элиас обошел ствол в поисках возможности забраться по нему вверх. Скоро он вернулся и сообщил, что первый нижний выступ на стволе находится слишком высоко для его маленького роста и что лезть на дерево придется Андрае. Андрия скрылся за деревом, вскоре легкий шум и приглушенные восклицания дали нам знать, что Андрия начал подъем. Элиас и я придвинулись ближе к дереву, не опуская фонарей. Андрия проделал уже две трети пути, когда в отверстии показалась крупная виверра. Черная маска ее морды была обращена к нам, я успел разглядеть серое с черными пятнами туловище. Затем виверра снова скрылась в дупле. Величиной она была с небольшую шотландскую овчарку.

– Осторожнее, Андрия, это лесная кошка, – шепотом предупредил своего приятеля Элиас.

Но Андрия был слишком занят и ничего не ответил: карабкаться на дерево, цепляясь за кору пальцами, – занятие не из легких. Не успел он добраться до отверстия, как виверра снова показалась на его краю и метнулась в воздух. Рассчитала свой прыжок она очень точно и через

мгновение коснулась всеми четырьмя лапами груди Элиаса, потерявшего от неожиданности равновесие и упавшего на спину. Когда виверра коснулась груди Элиаса, я увидел, как раскрылась ее пасть, и услышал щелканье челюстей. Зубы зверька не вонзились в лицо Элиаса только потому, что последний в это время начал опрокидываться на спину. Второй попытки не последовало, зверек соскочил с распростертого тела Элиаса, на миг задержавшись, взглянул на меня и двумя быстрыми прыжками скрылся в лесу. Элиас поднялся и уныло посмотрел на меня.

– Я думаю, кто-то привел к этому месту ю-ю. В прошлый раз мы упустили речного зверя, сегодня – лесную кошку...

– Будь счастлив, что твое лицо сегодня не пострадало! – прервал я его, находясь под впечатлением неожиданного проявления свирепости со стороны виверры – животного, которое я считал робким и застенчивым. В это время сверху донесся приглушенный крик. Мы осветили Андрая, прижавшегося к дереву, подобно огромному черному пауку.

– Что случилось? – Вопрос вырвался одновременно у меня и у Элиаса.

– Внутри есть еще кто-то, – крикнул пронзительно Андрая, – я слышу шум в дупле.

С трудом достав из-под набедренной повязки фонарь, он осветил им внутренность дупла. Раздался теперь уже радостный крик:

– Здесь в дупле детеныш лесной кошки!

Долгое время проделывал он самые невообразимые движения, стремясь одновременно удержаться на дереве, осветить фонарем дупло и схватить одной рукой маленького зверька. В конце концов это ему удалось, в свете фонаря появилась рука, державшая за хвост фыркающего извивающегося детеныша виверры. В тот самый момент, когда Андрая торжествующе закричал:

– Смотрите на него, смотрите! – зверек укусил его в запястье.

Я уже знал, что Андрая совершенно не переносил боли; при малейшей занозе на ноге он начинал ковылять с таким видом, словно ему предстоит немедленно ампутировать обе ноги. Острые зубы виверры подействовали на него, как уколы раскаленными булавками. Испустив душераздирающий крик, он выпустил фонарь, зверька и перестал держаться за дерево. Через секунду Андрая, виверра и фонарь шлепнулись на землю.

Для меня до сих пор остается загадкой, как Андрая остался жив при падении. Фонарь разбился вдребезги, виверра, ударившись головой об один из твердых как сталь корней, умерла через несколько минут после падения, Андрая же остался совершенно невредим.

– Злые духи преследуют нас здесь! – повторил свою прежнюю мысль Элиас.

Были ли это злые духи или нет, я не знаю, но больше в эту ночь с нами ничего дурного не произошло. Наоборот, все складывалось на редкость удачно. Через некоторое время после нашей встречи с виверрой мы подошли к берегам широкого ручья глубиной около трех футов. Темно-коричневая вода казалась непроницаемой, и даже свет наших фонарей не проникал дальше ее поверхности. Нам пришлось двигаться в воде вверх по ручью около полумили, пока мы не нашли на противоположном берегу подходящую тропинку. Поверхность воды была ровной и спокойной, но внизу мы чувствовали движение подводных струй; вода казалась нам ледяной. Мы шли посередине ручья настолько быстро, насколько это позволяли глубина и скорость течения. Постепенно я начал замечать, что в воде мы движемся не одни; вокруг нас, извиваясь и высываясь из воды, находились десятки коричневых ужей. Они с любопытством кружили около нас, над поверхностью торчали их головы со сверкающими при свете фонарей крошечными глазками. Андрая заметил наших спутников почти одновременно со мной, но реагировал на их появление совсем иначе. Пронзительно вскрикнув, он выронил из рук сумку и попытался выбежать на берег. От неожиданности он, очевидно, забыл, что находится по пояс в воде и что всякая попытка бежать обречена на неудачу. Сила течения выбила его из равновесия, и он с громким всплеском опрокинулся в воду, распугав находившихся поблизости ужей. Течение протащило Андрая на несколько ярдов вниз по ручью, пока ему не удалось

снова встать на ноги. Любимая его накидка, которую он бережно нес на голове, превратилась в размокшую массу.

– В чем дело? – обернулся шедший впереди Элиас и посмотрел на Андрая, который барахтался в это время в воде, как раненый кит. Элиас, очевидно, еще не заметил ужей.

– Змеи, Элиас! – быстро проговорил Андрая. – В этой воде много змей. Почему мы не выходим на берег?

– Змеи? – переспросил Элиас, освещая фонарем ровную поверхность ручья.

– Правда, Элиас, – подтвердил я, – но это ужи. Андрая слишком их боится.

– Ты глупец, Андрая! – разгневанно воскликнул Элиас. – Разве ты не знаешь, что они тебя не укусят, когда маса здесь?

– Я забыл об этом, – смиренно признался Андрая.

– Что все это значит? – спросил я с удивлением. – Почему змея не укусит Андрая в моем присутствии?

Пока Андрая искал в воде брошенную сумку, Элиас объяснил мне:

– Если черный человек входит в воду один, хищные звери, например змеи, чувствуют его, подкрадываются и кусают. Но если черный входит в воду с белым человеком, звери чувствуют это и не подходят близко.

– И это происходит только в воде?

– Да, сэр.

Это было очень интересное сообщение, и я решил запомнить его на будущее. Андрая к тому времени собрал все брошенные вещи. По моему предложению мы выключили фонари, так как я надеялся на возвращение ужей и хотел поймать одного из них. Мои спутники согласились без особого энтузиазма. Около получаса стояли мы в воде при абсолютной темноте, затем по условленному сигналу одновременно включили фонари. Вода кишела ужами, рисовавшими серебристые узоры на водной глади. Схватив сеть, я поднес ее к ближайшему ужу. После некоторых усилий мне удалось поймать в сеть шипящего и извивающегося ужа и перебросить его в мешок. Воодушевленные таким примером, Элиас и Андрая присоединились ко мне, и за короткое время мы выловили до двадцати ужей. Оставшиеся на свободе змеи стали осторожнее, при каждом нашем движении они ныряли в темную глубину ручья. Мы прекратили охоту и продолжили путь вверх по течению.

Я не знаю, чем этот ручей так привлекал ужей, но нигде и никогда я не встречал их в таком количестве. Быть может, здесь происходило спаривание ужей, быть может, обилие пищи притягивало их сюда – нам так и не удалось понять, в чем дело. Через несколько недель мы снова оказались ночью на том же участке того же ручья и не видели ни одного ужа. В африканских лесах часто приходится сталкиваться с подобными загадками, но, к сожалению, не хватает времени, чтобы заниматься разрешением их. Я успевал только замечать отдельные непонятные явления и гадать о возможных их причинах и источниках. При ловле зверей больше всего раздражает именно эта невозможность из-за отсутствия времени основательно исследовать непонятные, загадочные явления, хотя такие исследования сами по себе чрезвычайно интересны и увлекательны.

Мы дошли наконец до места первой нашей встречи с речным зверем, однако самые тщательные поиски в зарослях невысокого кустарника не привели к ее повторению. Потеряв всякую надежду что-нибудь здесь найти, мы пошли вдоль песчаного берега к крутому обрыву, где, по утверждению Элиаса, было несколько пещер. Когда мы обходили побелевший ствол лежавшего на берегу дерева, я заметил впереди какие-то отблески.

– Что это такое, Элиас? – показал я.

– Огонь, сэр, – последовал ответ.

– Огонь? В таком месте?

– Да, сэр, вероятно, какой-нибудь охотник ночует здесь.

Подойдя ближе, мы увидели, что мое внимание привлекли догорающие угольки небольшого костра. Рядом с костром находился маленький шалаш из ветвей и лиан.

– Кто-нибудь есть здесь? – крикнул Элиас.

В глубине шалаша послышался шорох, и у входа появилась черная заспанная физиономия.

– Кто здесь? – спросил владелец шалаша. Я заметил, как рука его потянулась к лежавшему рядом ружью. Мы быстро осветили себя фонарями, чтобы успокоить его подозрения.

– Ага, – облегченно вздохнул он, – и белый человек здесь? А что делает ночью в лесу белый человек? – спросил незнакомец, и я понял по его тону и выражению лица, что он еще не уверен, имеет ли дело с людьми или со злыми духами.

– Мы охотимся за животными, – сказал Элиас.

Я раздул угольки в небольшое пламя, присел к костру и достал сигареты. Незнакомец взял одну сигарету, но рука его по-прежнему не отпускала ружье.

– Элиас! – обратился я. – Принеси немного дров, разведи сильный огонь, пусть этот человек убедится, что я действительно белый человек, а не злой дух.

Элиас и Андрия расхохотались, на лице незнакомца появилась улыбка, и он опустил ружье. Мы развели большой костер, сели у огня и закурили. Элиас объяснил незнакомцу, кто мы такие, что делаем в лесу и откуда пришли. Наш собеседник оказался бродячим охотником. Такие охотники живут в лесах, убивают животных и сушат их мясо. Набрав достаточное количество мяса, они отправляются в ближайший городок, продают его на базаре, на вырученные деньги покупают порох и различные нужные им предметы и возвращаются в лес. Нашему собеседнику улыбнулось счастье, и он убил четырех больших дрилов. Мы осмотрели их разделанные туши, высушенные на дыму. Самый большой дрил при жизни был великолепным представителем своего племени, на его высохшей руке, странно похожей на руку мумии, выделялись узлы мощных мышц. Кисти рук и череп дрила имели удивительное сходство с человеческими. Мы со своей стороны рассказали охотнику о своих успехах и показали ему ужей, что, впрочем, не вызвало у него большого восхищения. Перед уходом я подарил охотнику четыре сигареты и получил в виде ответного дара ногу дрила; при этом охотник уверял меня, что мясо дрила одинаково вкусно и для черных и для белых людей. Я пробовал это блюдо в тушеном виде и должен признать, что мясо дрила действительно очень сочное и обладает приятным и тонким вкусом.

Вскоре мы добрались до пещер. Отверстия их находились на откосе скалы, густо заросли мохом и папоротником и были закрыты лианами, свисавшими с росших на вершине скалы деревьев. У покрытого кустарником подножия откоса лежало множество беспорядочно разбросанных камней. Самая большая пещера соответствовала по размерам маленькой комнате, от нее уходили вглубь несколько низких, узких проходов. Они были слишком тесны для нас, даже ползком нельзя было через них пробраться. Оставалось только освещать их фонарями в тщетной надежде что-нибудь увидеть.

Мы разделились, и каждый из нас получил для обследования участок обрыва. Мне удалось обнаружить другую пещеру с таким же лабиринтом узких туннелей. Пока я освещал их один за другим, какое-то животное выскочило из кустов и скрылось в одной из соседних пещер. Я поспешил к входу, не очень, впрочем, надеясь поймать зверя, укрывшегося уже в обширном и запутанном лабиринте. Нагнувшись, я осветил пещеру и обнаружил, что она не имеет другого выхода; футах в восьми от входа виднелась глухая стена. Пол пещеры был покрыт камешками различных размеров, угловатые, неровные стены имели много расщелин и бугров. Я не видел зверя, но предполагал, что он в пещере, так как другого выхода из нее не было. Андрия и Элиас были недалеко от меня, но я не хотел звать их на помощь, так как крик мог напугать зверя. Обвязав мешок вокруг шеи, я взял фонарь в зубы, лег на землю и начал ползком продвигаться в пещеру. Это наиболее древний и испытанный способ передвижения охотников, подкрадываю-

щихся к дичи, но я нашел его наиболее мучительным из всех известных мне способов. Камни, обильно устилавшие пол пещеры, имели острые зазубренные края. Я даже подумал, не подбросили ли их специально для того, чтобы доставить охотникам как можно больше неприятностей.

Я упрямо продолжал ползти, пока не достиг небольшого полукруглого зала в конце прохода. К моему разочарованию, от этого зала круто книзу вел новый, ранее мной не замеченный проход. В этом проходе раздались вдруг странные звуки – сначала резкий шелестящий шорох, а затем, после небольшой паузы, два глухих удара. После этого снова все стихло. Я продолжал ползти вперед, и странные звуки повторялись в том же порядке. Припомнив описания всех живущих в Камеруне животных, я не нашел среди них ни одного, пребывание которого в пещере я мог бы предположить на основании услышанного. Я полз по проходу с удвоенной осторожностью и вскоре добрался до другого зала, несколько меньших размеров, чем первый. Пока я освещал фонарем это помещение, пытаюсь отыскать виновника шума, снова послышался странный шелест, что-то прыгнуло мне на руку, выбив из нее фонарь, и я почувствовал острую жгучую боль в пальцах. Схватив фонарь, я поспешно выбрался из пещеры, сел и принялся рассматривать раненую руку. На тыльной части кисти было много маленьких кровоточащих ранок и несколько глубоких ссадин, причинявших мне сильную боль. Можно было предположить, что я с размаху ударил рукой по ветке кустарника, утыканной острыми колючками. Но теперь я догадался, что в пещере спряталось одно из наиболее распространенных в Камеруне животных – африканский дикобраз. Мне было досадно, что я не догадался об этом с самого начала.

Я снова вполз в пещеру, освещая себе фонарем путь. Скоро я увидел дикобраза, стоявшего боком ко мне. Иглы на его спине ошетились, пышный большой хвост непрерывно находился в движении, иглы на хвосте громко шуршали. Время от времени дикобраз подпрыгивал и раздраженно стучал о землю задними лапами, как это обычно делает вспугнутый кролик. Дикобраз был величиной с кошку, хотя точно это трудно было установить – со взъерошенными иглами он выглядел значительно крупнее. Он еще не успел развернуться в пещере и стоял хвостом к выходу, с гневом и страхом поглядывая на меня через плечо влажными черными глазами. Он был весь черный, только у самого края спины иглы отливали светлой, почти белой окраской. Длинный хвост, который взвился дугой над спиной, был почти полностью лишен меха и игл. Только на кончике хвоста находился забавный пучок тупых светлых игл. Кончик хвоста похож был на длинный плотный колос пшеницы. Этот пучок игл на хвосте и производил странный шуршащий звук, который я впервые услышал в пещере; иногда дикобраз напрягал хвост, и пустотелые безобидные иглы на его конце с резким щелкающим звуком стукались друг о друга. Дикобраз весь сжался и приготовился к обороне.

Я начал обдумывать, что делать дальше. Ловить дикобраза лучше вдвоем, чем одному, но, если бы даже Элиас или Андрия оказались в пещере, они ничем не могли бы мне помочь; в том узком проходе, где находился зверь, с трудом мог развернуться только один человек. Я решил попытаться взять дикобраза собственными силами. Обмотав одну руку мешком и расстелив второй мешок на земле, чтобы положить в него пойманного зверя, я стал осторожно подползать к дикобразу. Он шуршал хвостом, топал лапами, издавал резкие, пронзительные крики. Выбрав удобный момент, я быстрым движением схватил дикобраза за хвост, который казался мне наиболее уязвимой и доступной частью его тела. Немедленно я получил сильный удар по руке, иглы прошли через намотанный на руку мешок с такой легкостью, словно он был изготовлен не из ткани, а из бумаги. Несмотря на боль в руке, я не выпустил дикобраза и продолжал подтаскивать его к себе. Я знал, что, если я выпущу дикобраза, он не даст мне вторично провести тот же маневр. Медленно отползал я к выходу, подтягивая за собой упиравшегося дикобраза, пока мы не оказались в маленьком зале в конце первого прохода. Здесь было больше возможностей развернуться, и я попытался накрыть мешком голову дикобраза. Он оказал упорное сопротивление и, выбрав удобный момент, ударил меня в грудь. Иглы прокололи

тонкую рубашку и с силой впились в мое тело. Ограниченность помещения давала дикобразу большое преимущество: при любом движении он задевал меня своими иглами, мне негде было укрыться от его ударов. Нужно было снова ползти по следующему проходу и выбраться на свежий воздух. В прежнем порядке продолжили мы путь. Оставшиеся футы казались мне милями. Когда мы наконец выбрались из пещеры, дикобраз сделал неожиданный резкий рывок, пытаясь высвободиться, но я вцепился в него мертвой хваткой.

С трудом встав на ноги, я поднял дикобраза в воздух, где он не мог уже ударить меня или ранить себя каким-нибудь способом. Он спокойно повис у меня в руке, совершенно утратив прежний боевой пыл.

– Андрая, Элиас, бегите сюда быстрее, я поймал зверя! – крикнул я.

Они прибежали, освещая себе фонариками путь. Увидев мой трофей, оба удивились.

– Это чук-чук, – сказал Элиас. – Где вы его нашли?

– В этой пещере. Но он меня сильно поцарапал. Положите его в мешок, у меня уже устала рука.

Элиас достал большой мешок, и я осторожно опустил в него дикобраза. Это была первая моя встреча с дикобразом, и, поймав его собственными руками, без чьей-либо помощи, я чувствовал себя героем.

Африканский дикобраз, или, как его называют местные жители, чук-чук, встречается в Камеруне довольно часто. Его можно найти в любом уголке страны и в самой различной местности. Значительная часть слабо выраженных извивающихся тропинок в лесах проложена в результате ночных прогулок этих грызунов. Как я узнал позднее, дикобразы могут везде устраивать себе убежище, но больше всего они предпочитают пещеры, в особенности пещеры с узким входом, расположенные под массивными скалами. Почти в каждой пещере можно найти следы их пребывания: отпечатки лап на песчаном полу, несколько выпавших игл, недоеденные плоды.

В одной пещере я нашел орех, недавно сорванный с пальмы; это доказывало, что дикобраз проделал за ночь очень длинный путь, так как до ближайшей плантации, где он мог добыть этот орех, было не менее шести миль. В другой пещере я нашел доказательства того, что дикобразы забавляются примерно так же, как это делают в Англии выдры. В этой пещере одна каменная стена спускалась к полу под углом в сорок пять градусов. Этот склон был отполирован телами дикобразов. Судя по следам на песке, дикобразы забирались на верхушку ската, съезжали по нему вниз, снова взбирались наверх и снова съезжали вниз. Этой веселой игрой в пещере занимались, по-видимому, уже многие поколения дикобразов, так как поверхность склона блестела как стекло. Местное название дикобраза происходит, очевидно, от английского жаргонного словечка «чук», подразумевающего колючку, шип и в особенности медицинский шприц. В английском жаргоне множественное число существительных образуется путем простого повторения, поэтому дикобраз и получил в Камеруне название «чук-чук». Я нашел это название очень подходящим, так как после первой встречи с дикобразом я был весь исцарапан и у меня все болело. Через два дня дикобраз стал совсем ручным и подходил к двери клетки, чтобы взять пищу из моих рук. Но он еще ошетикивался, дергал хвостом и топал ногами, когда я пытался коснуться его рукой. Позже он стал подходить к решетке и позволял мне щекотать ему уши и чесывать подбородок, но только при том условии, чтобы нас разделяла решетка.

Покулив и описав в самых лестных для меня красках историю пленения дикобраза, я предложил идти дальше. Вскоре мы захватили новый трофей, что также доставило мне большую радость. Хотя это и не был такой интересный зверь, как дикобраз, тем не менее он тоже был мне очень нужен. На ветке футов в десяти от земли я заметил при свете фонаря двух спящих хамелеонов. Они лежали почти рядом, большие глаза их были закрыты, ноги подобраны, туловища отливали бледной и обманчивой серебристо-зеленой окраской. Мы обломили ветку

и стряхнули хамелеонов в мешок, прежде чем они проснулись и успели понять, что произошло. Я предполагал, судя по тому, что они спали на одной ветке, что это самец и самка в период спаривания. Оказалось, что я был прав, через несколько недель самка отложила на дно клетки пять белых яиц, очень похожих по размерам на воробышье.

Запратав в мешок хамелеонов, я почувствовал такое воодушевление, что, ни на минуту не задумываясь, вступил бы в единоборство с леопардом, если бы он повстречался мне на пути. К счастью для меня, эти большие кошки в Камеруне исключительно осторожны. В одном месте наши фонари неожиданно осветили двух маленьких галаго. В Камеруне встречаются три вида галаго, и два из них, насколько мне было известно, не были еще представлены в зоологических садах Англии. Точно определить вид, к которому принадлежит животное, сидящее на высоте двадцати футов и освещенное слабым светом фонаря, было невозможно, поэтому я решил преследовать со всей энергией и решительностью любую обезьяну, хотя бы отдаленно напоминающую галаго. Так мы поступили и с замеченной нами парой, которая карабкалась по лианам, поглядывая на нас огромными, сверкающими, как крупные рубины, глазами. Поимка галаго явно была не под силу одному человеку, поэтому, оставив Андраю с фонарем, я и Элиас с разных сторон подошли к дереву, вскарабкались на него и начали приближаться к обезьянам. Они очень походили на пару маленьких пушистых котят, с поразительной грацией и ловкостью прыгавших по лианам. Постепенно мы подобрались к обезьянам, и я приготовил свой сачок.

После дикобраза и двух хамелеонов я рассматривал предстоящее приключение как детскую игру. В тот момент, когда я кинулся к галаго и попытался их поймать, с головокружительной быстротой произошли три события: моя рука коснулась чего-то длинного, тонкого и холодного, начавшего скользить и извиваться, сачок выпал из моей руки и полетел на землю, галаго испугались произведенного мною шума, прыгнули и исчезли в темноте.

Я замер на месте, не рискуя двигаться по ветвям, так как не знал ни точного местонахождения змеи, ни того, какого она вида.

– Андрая! – крикнул я вниз. – Посвети мне сюда. Здесь змея, и она меня укусит, если я ее не увижу.

Андрая отозвался на крик, навел фонарь на ветку, и я увидел змею. Она свернулась кольцом на пучке веток и листьев на расстоянии фута от моей руки. Задняя часть ее тела обвилась вокруг ветви, но передняя часть была свободна, прогнулась вперед и, очевидно, была готова к боевым действиям. Змея была тонкая, с коричневой кожей и темными пятнами на ней, с короткой тупой головой, на которой выделялась пара больших глаз. Длина змеи, вероятно, достигала двух футов. Мы настороженно рассматривали друг друга. Ловить ее мне было нечем, лихорадочные поиски в карманах дали мне лишь короткий кусок бечевки. Связав из бечевки скользящий узел, я отломил большую ветку и прикрепил к ней свой самодельный силок. В это время змея решила расстаться со мной и начала быстро скользить по ветвям. Держась ногами и одной рукой за ветви, я трижды тщетно пытался накинуть силок на тонкую шею змеи. Лишь четвертая попытка увенчалась успехом, и я крепко стянул узел; змея зашипела и свернулась в клубок вокруг узла. Привязав к рукоятке силка платок, чтобы легче найти его на земле, я предупредил Андраю и бросил силок со змеей вниз. Когда я спустился, змея находилась уже в мешке. Я был очень расстроен исчезновением галаго. В дальнейшем мне больше ни разу не доводилось встречать их в лесу.

Глава V

Ископаемое кусается

Привлекательность работы зверолова в значительной степени определяется неожиданностью складывающихся обстоятельств, невозможностью заранее предсказать результат каждого выхода в лес, каждой встречи с животными. Отправляясь утром в лес с единственной

целью наловить летучих мышей, я возвращался вечером с огромным удавом в сетях, с сумками, заполненными птицами, и с большим количеством гигантских тысяченожек в карманах. Затратив несколько недель на бесплодные поиски в лесу редкой разновидности белок и решив наконец остаться на один день в лагере и отдохнуть, я увидел двух представителей этой разновидности, беззаботно играющих в ветвях деревьев над моей палаткой. Желая застраховать себя от всяких случайностей, я брал с собой в лес двадцать помощников, вооруженных всевозможными принадлежностями для поимки любых животных, от слона до мухи, и в течение дня мы ничего не находили. У меня, например, было твердое убеждение, что какое-либо животное предпочитает определенный тип местности: скажем, лесные поляны. Рассказы и сообщения путешественников единодушно подтверждают этот факт. И вот я начинаю тщательно обследовать все поляны на расстоянии многих миль, расставляю капканы, прокуриваю поляны дымом, буквально прочесываю местность. Мне попадаются многочисленные разновидности крыс, мышей, кузнечиков, змей и ящериц, но только не то животное, которое мне нужно. Зная, однако, что встретить его можно только на лесных полянах, я продолжаю поиски. Обследовав территорию, дважды превосходящую по размерам площадь аргентинской пампы, я прекращаю поиски и через неделю нахожу это животное в густом лесу милях в двадцати от ближайшей поляны. В подобных курьезах есть, конечно, много раздражающего, утомительного, но, как я уже говорил, и много интересного и захватывающего; отправляясь в лес, никогда нельзя предвидеть, вернешься в лагерь с пустыми руками или с несколькими нужными драгоценными экземплярами.

В Камеруне, как и в других странах, имеется множество интересных животных, и по крайней мере половина из них ни разу еще не была представлена в живом виде в Англии. Некоторые виды животных никогда не переходили даже границы лесов Камеруна. Есть и такие редкие звери, о которых знают лишь по двум-трем шкуркам в различных музеях мира; об образе жизни и привычках этих зверей совершенно ничего не известно. О некоторых зверях ученые знают только то, что они действительно существуют в природе. Таких зверей, разумеется, мы мечтали поймать в первую очередь. Представления об образе жизни и привычках зверей можно получить двумя способами: либо наблюдая за ними на воле, либо изучая их жизнь в заточении. Поскольку подавляющее большинство зоологов лишено возможности выезжать в различные уголки земного шара и наблюдать за живущими на свободе зверями, приходится в основном пользоваться вторым способом – вылавливать зверей и отправлять их к месту жительства зоологов. В связи с этим я считал более важным поймать зверя, еще не попадавшего в плен живьем, даже если этот зверь величиной не больше мыши, чем ловить более крупных, но хорошо известных животных. К сожалению, охотники, кроме всего прочего, связаны также и финансовыми соображениями, а более крупные, представительные животные оплачиваются значительно выше.

Больше всего я хотел поймать ангвантибо – маленького, исключительно редкого лемура, который живет только в лесах Камеруна. Специальное задание на его поимку я получил от Лондонского зоологического общества, не имевшего еще такого экземпляра, представляющего огромный интерес для натуралистов и анатомов. У меня был при себе только один экземпляр рисунка этого уникального зверька. С каждым днем этот рисунок становился все более грязным и засаленным, так как я показывал его каждому приходившему ко мне охотнику и умолял его поймать и принести мне этого лемура. Неделя проходила за неделей, никаких сведений о лемуре я не получал, и настроение мое заметно ухудшилось. Я значительно повысил цену за поимку зверька, но и это не дало никаких результатов. Было известно, что ангвантибо ведет ночной образ жизни, поэтому при каждом ночном выходе я просил Элиаса и Андраю показывать мне участки леса, особенно густо заросшие лианами и другими выющимися растениями, надеясь случайно обнаружить нужную мне обезьяну. Во время одного из этих тщетных поисков лемура мы встретили другого, почти такого же редкого и интересного зверя.

Однажды ночью мы прошли по лесу несколько миль, много раз взбираясь на заросшие лианами деревья, но не обнаружили ни одного живого существа. В самом мрачном настроении мы сели отдохнуть и покурить. Элиас предложил дойти до протекающей неподалеку речки и поискать детенышей крокодила. Решив, что после такой неудачной охоты даже маленький крокодил представит для нас некоторую ценность, я принял предложение Элиаса. В эту ночь нас было четверо: к постоянному нашему составу присоединился молодой парень по имени Амос, на которого мы нагроулили все сети, сумки и мешки. После нескольких ночных вылазок я убедился, что у меня и моих помощников во время охоты руки должны быть свободны. Амос оказался для нас довольно странным спутником. Казалось, он совершенно не понимал цели наших ночных прогулок, и я никак не мог ему втолковать, что поймать или даже просто увидеть зверей можно лишь при условии соблюдения полнейшей тишины. Он часто спотыкался, с грохотом ронял жестяные банки, с шумом раздвигал кустарник и при каждом удобном случае цеплялся за ветки различными частями своего груза. Мы тратили больше времени на высвобождение Амоса из кустов, чем на поиски зверей.

Речка текла по гранитному дну, неровности которого образовали большое количество водопадов и заводей. Кое-где вода пробивалась сквозь скалы, русло делилось на три и более протоков с каменистыми островками посередине. На тех участках, где речка текла спокойно, вода наносила на берег белый песок, блестящий при свете фонарей, как слоновая кость. Вырезав себе палки с развилиной на конце, мы спустились в воду и пошли вверх по течению. Через полчаса мы заметили на узком песчаном берегу два свирепо сверкающих глаза. Мы осторожно приблизились и увидели маленького крокодила длиной около восемнадцати дюймов. Он лежал на песке, приподняв голову, и настороженно следил за нашим приближением. Слепив его светом фонарей и подойдя к нему вплотную, мы палками прижали его голову к земле. После продолжительных переговоров с Амосом, который упорно отказывался подойти к нам со своей амуницией, мы благополучно положили крокодила в коробку. Со значительно улучшившимся настроением мы направились дальше и скоро увидели высокие, футов до двадцати, скалы, между которыми с шумом неслись вспененные воды реки. Влажная поверхность скал заросла папоротником и бегонией. С большими предосторожностями стали мы подниматься вверх. На полпути, пробираясь по узкому выступу над обрывом, я заметил притаившуюся под пучком папоротников толстую и красивую жабу. Она учащенно дышала и равнодушно смотрела на меня; преобладающим у нее был яркий горчично-желтый цвет. Такой жабы у меня еще не было, и я решил присоединить ее к своей коллекции. Сделать это, однако, было трудно, я стоял на узком уступе и руками держался за неровную бугристую поверхность скалы. Поверхность эта была влажной и скользкой, и мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы не сорваться с обрыва в бурные, пенящиеся между камнями воды реки. Взглянув вверх, я увидел, что Элиас уже достиг вершины и теперь, перегнувшись через край, фонарем освещает мне путь.

– Элиас! – крикнул я. – Здесь жаба, но я не могу ее схватить. Спусти мне конец своей повязки, я возьмусь за него и другой рукой поймаю жабу.

Элиас немедленно развязал набедренную повязку и протянул мне один ее конец. Она оказалась слишком короткой. Я обругал себя за то, что не догадался взять из лагеря веревку.

– Возьми повязку у Андраи и свяжи их вместе, – приказал я.

Наверху послышался оживленный спор. Очевидно, Андрая считал себя скромным человеком и не хотел остаться на вершине водопада совершенно обнаженным. Наконец сверху спустились повязки с большим узлом посередине. Схватившись за конец повязки, я получил возможность освободить одну руку и поймать жабу. Оказалось, однако, что, пока я был занят другими делами, жаба ускакала от меня по уступу на шесть футов. Держась за повязку, я последовал за ней. Жаба присела на самом краю уступа, и, двигаясь вслед за ней, я должен был полностью рассчитывать на прочность моей импровизированной веревки. Сделав резкое движение, я схватил жабу за заднюю лапу. Напуганный зловещей картиной бушующего под моими

ногами водопада, я инстинктивно взглянул вверх и увидел, что связывающий обе повязки узел начинает расходиться. В тот самый момент, когда я добрался до прежнего места, узел развязался. Андрая с грустью следил за тем, как его повязка упала в реку и закружилась в водовороте.

Когда мы достали платок Андрай и собрались на вершине, я осмотрел жабу. Можно понять мои чувства, когда выяснилось, что эта жаба – представительница наиболее распространенного в Камеруне вида, изменившая окраску в период беременности. Я выпустил ее, и она медленными, размеренными прыжками с удивленным выражением на морде усакала в кусты. Мы шли по берегу реки, klokotavshey и пенившейся между большими камнями, и искали крокодилов. Вскоре были пойманы еще два детеныша. Затем мы около часа шли по воде и ничего за это время не обнаружили. Амос успел уже устать и, шагая далеко позади нас, периодически издавал громкие жалобные стоны. Я понимал, что он адресовался не к нам, а просто вслух изливал свои чувства, тем не менее его стоны раздражали меня. Элиас и Андрая шли впереди, освещая путь фонарями, я нес все наши рогатины. Когда прошло, как мне показалось, несколько часов и нам не встретилось ни одно живое существо, я выкинул рогатины, по наивности полагая, что мы в любой момент сумеем их вырезать снова. Вскоре после этого Элиас остановился, навел куда-то фонарь и протянул ко мне свободную руку за рогатиной. Я ответил, что потерял ее.

Выразив справедливое возмущение, Элиас достал свой нож-мачете и осторожно начал двигаться вперед. Я вглядывался, пытаюсь понять, что он обнаружил, и заметил впереди на песчаном берегу что-то темное и длинное, напоминающее по очертаниям крокодила, блекло отсвечивавшее при свете фонаря. Элиас подкрался ближе, сделал быстрый бросок и попытался прижать лежавшего зверя к песку плоской поверхностью ножа. Это ему, однако, не удалось, зверь проскользнул между ногами Элиаса и, нырнув в воду, быстро поплыл в сторону Андрай. Тот бросился ему навстречу, но зверь проскочил мимо него и, похожий на миниатюрную торпеду, устремился в мою сторону. Я был убежден, что мы имеем дело с крокодилом, поэтому, когда животное приблизилось ко мне, я бросился на него, стремясь сверху схватить его голову. Зверь судорожно метнулся в сторону, я почувствовал, как его тело скользнуло по моей груди, руки мои не успели ухватиться за него, и он поплыл дальше. Теперь на пути зверя оставался только Амос. Андрая, Элиас и я наперебой кричали, объясняя, что ему нужно делать. Амос остановился и с разинутым ртом смотрел на плывущего зверя. Приблизившись к Амосу, не сделавшему ни малейшей попытки схватить его, зверь проплыл мимо него и спокойно направился дальше, поднимая легкую волну. Он успел доплыть до груды крупных камней на берегу, а Амос все еще стоял неподвижно и следил за ним.

– Почему ты его не схватил, дурень ты этакий? – закричал Элиас.

– Я его вижу, – уклоняясь от ответа на заданный вопрос, отозвался Амос, – он спрятался под тем камнем.

Втроем бросились мы к нему, поднимая вспененные волны. Амос показал нам скалу, под которой спрятался зверь. Скала находилась около воды, чуть выше поверхности воды виднелось отверстие, в котором скрылся зверь. Горя нетерпением скорее рассмотреть нору, Элиас и Андрая одновременно склонились к ней и стукнулись с размаху головами. После короткой перебранки Андрая снова наклонился и засунул руку в нору с целью определить, какова ее длина. Зверек, очевидно, приготовился к таким действиям, через мгновение Андрая с криком боли вытащил обратно окровавленную руку.

– Этот зверь кусает людей, – произнес Элиас с видом человека, сделавшего важное открытие.

С трудом удалось нам доказать Андрае, что именно ему, как самому высокому из нас, следует снова просунуть руку в нору и извлечь оттуда зверька. В ходе острой дискуссии Элиас и

Андрая взаимно обвинили друг друга в трусости и успешно доказали ошибочность подобного утверждения.

Андрая лег на живот в шести дюймах от воды и стал медленно вводить руку в нору, все время объясняя нам, как умно он это делает. Затем наступило короткое молчание, нарушавшееся только яростным сопением Андраи, старавшегося нащупать зверя. Вдруг раздался торжествующий крик, Андрая вскочил на ноги и выпрямился, держа зверька за хвост.

До последней минуты я был уверен, что мы имеем дело с очередным детенышем крокодила, поэтому, увидев в руке Андраи зверя, я был сильно удивлен. Андрая раскачивал за хвост крупную, с приглаженной шкуркой водяную землеройку. В страшном гневе она издавала из-под густых, пушистых усов свистящие, похожие на шипение змеи, звуки. Меньше всего рассчитывал я этой ночью на поимку такого зверя. С восторгом и изумлением смотрел я сейчас на это сказочное существо. Землеройке, однако, быстро надоело висеть на собственном хвосте, она слегка повернулась, грациозно подтянула свое мускулистое, гибкое тело и впилась зубами в большой палец Андраи. Гордый охотник взметнулся в воздух, разразился душераздирающими криками боли и стал дергать рукой, стараясь вырвать палец из зубов зверька. Элиас и я включились в борьбу, пытаюсь помочь Андрае, но землеройка как будто была очень довольна своим положением и время от времени только двигала челюстями, словно показывая, что она тоже принимает какое-то участие в борьбе. После длительных усилий, во время которых Андрая оглушил нас своими криками и обращениями за помощью к Всевышнему, нам удалось отцепить зверька и бросить его, извивающегося, свистящего, в мешок. Затем я осмотрел руку Андраи. Весь верхний сустав большого пальца был залит кровью; когда я смыл ее, оказалось, что зубы землеройки основательно искалечили палец. Укус дошел до кости, мясо висело лохмотьями, палец обильно кровоточил. Я решил немедленно возвращаться домой, отчасти из-за пальца Андраи, отчасти и потому, что хотел как можно скорее поместить моего нового пленника в хорошую удобную клетку. Мы быстрым шагом направились к деревне. Стоны Амоса и Андраи придавали нашему шествию вид похоронной процессии, а не триумфального возвращения охотников после удачной охоты.

Пока я переодевался в сухую одежду, Элиас сбегал в деревню и разбудил Плотника. Мы приступили к сооружению специальной клетки для драгоценного зверька. Бледно-зеленое небо уже начало окрашиваться предраассветным румянцем, когда мы заколотили последний гвоздь; я бережно раскрыл мешок и осторожно вытряхнул землеройку в ее новое жилище. С минуту она сидела неподвижно, медленно поводя пышными усами, затем быстро скользнула в темную спальню. Внутри слышался шорох расстеленных сухих банановых листьев, раздался глубокий вздох, после чего все умолкло. Водяная землеройка переносила заточение очень спокойно. Весь персонал лагеря был мобилизован на обслуживание пленника. Я направил слуг к ближайшей речке за рыбой, лягушками, ужами и крабами. Двух носильщиков я срочно откомандировал в Мамфе, поручив им достать пустую бочку, которую можно было бы переоборудовать в ванну для землеройки. Каждые пять минут я подходил к клетке, чтобы убедиться, что землеройка еще жива. Вскоре мне принесли полную корзину крабов, шесть лягушек, десять рыб и неподвижного ужа. Придвинув все это ближе к клетке, я начал кормить зверька.

Когда я постучал в дверцу спальни, землеройка выскочила в открытую часть клетки; впервые я получил возможность рассмотреть ее при солнечном свете. В длину она имела около двух футов, из которых больше половины приходилось на хвост. Эта сильная мускулистая часть тела зверька была приплюснута не сверху, как, например, у выдры, а с боков, как у головастика. Хвост был покрыт короткими лоснящимися волосами, и казалось, что он обтянут темной полированной кожей. Вся верхняя часть туловища была черной, лапы, живот, горло и грудь – белыми. У землеройки было маленькое коренастое тело и странно приплюснутая голова. Часть морды около носа казалась распухшей и увеличенной, на ней густо рос пучок жестких белых усов. Сверху голова зверька удивительно напоминала головку молотка. У землеройки

были маленькие изящные лапки из густого меха, на верхней части морды блестели крошечные бисеринки глаз.

Приоткрыв немного дверцу клетки, я бросил туда змею. Землеройка, приблизившись к ужу, настороженно ошетишила усы. Уж сделал слабое движение, землеройка фыркнула, быстро отскочила назад и издала резкий свист, который я уже слышал ночью. Убрав ужа, я бросил в клетку лягушку, результат получился такой же. Тогда я бросил в клетку рыбу, служившую, по прежним описаниям, единственной пищей для водяной землеройки, и снова зверек отказался от еды. Землеройка уже начинала уставать от такой игры и поглядывала в сторону спальни, когда я бросил внутрь большого краба. Зверек приблизился к крабу, обнюхал его и, прежде чем краб успел приготовить к обороне свои клешни, перевернул его на спину и почти разорвал пополам одним укусом в живот. Выполнив это, землеройка приступила к трапезе, громко хрустя зубами и шевеля усами. В течение получаса она уничтожила четырех крабов. Таким образом, проблема питания на некоторое время была благополучно решена.

На следующий день, спотыкаясь под тяжестью огромной бочки из-под керосина, из Мамфе вернулись посланные туда носильщики. Бочку разрезали по высоте надвое, очистили ее от ржавчины и кипятили в ней в течение двадцати четырех часов воду, чтобы совершенно отбить запах керосина. Убрав на время из клетки землеройку, мы пристроили ко дну клетки выдвижную дверцу. После этого клетка была установлена на очищенной половине бочки. Выдвигая и задвигая дверцу, я имел возможность выпускать землеройку из клетки в бассейн и впускать обратно. Зверьку это пришлось по вкусу, каждую ночь он громко свистел и урчал в бассейне, преследуя очередного краба. Я обратил внимание на то, что вода в бассейне очень быстро портится. Приходилось менять ее по три раза в день, к большому неудовольствию мальчика-водоноса.

Землеройка, разместившись в удобном помещении с доступом к воде, прижилась очень хорошо и уничтожала ежедневно по двадцать – двадцать пять крабов, что оказалось чрезвычайно выгодным для ребятишек, каждое утро приносивших их в лагерь в большом количестве.

Гигантская водяная землеройка – одно из наиболее интересных животных, встречающихся в Западной Африке. Это поистине доисторическое существо, чудом сохранившееся до наших дней, – теплокровное, живое, прожорливое ископаемое. *Potomagale velox*, как его называют ученые, впервые был открыт дю Шайю – человеком, рассказы которого об охоте на горилл вызвали в XIX веке столько сомнений у современников. В связи с тем что он имел склонность приукрашивать достоверный фактический материал домыслами богатого воображения, каждое его утверждение или открытие представлялось зоологам сомнительным. Однако в отношении *Potomagale* он, очевидно, ограничился лишь повторением того, что ему рассказывали местные жители. Благодаря этому он наделил зверя в своем изложении такими привычками и вкусами, которые совершенно не соответствуют действительности.

Единственным родственником *Potomagale* является маленькое, похожее на мышь существо – *Geogale*, живущее на Мадагаскаре. Так как ископаемые формы *Potomagale* до сих пор не обнаружены, то нельзя пока определить, к какому времени относится его появление на Земле. Известно лишь, что он имеет древнюю историю и что много тысячелетий назад, в период, который геологи называют меловым, на Земле жил зверь с труднопроизносимым названием *Palaeoryctes*. Это первое известное в истории насекомоядное и следует считать предком нынешних *Potomagale*. Большое сходство имеют и их зубы, только у *Potomagale* они значительно крупнее. Таким образом, родословная гигантской водяной землеройки восходит к тому периоду, когда на нашей планете еще не было людей. У землеройки есть еще одна особенность, которая резко отличает ее от других насекомоядных и подчеркивает ее «аристократическую» уникальность: у нее нет ключицы.

Меня начала тревожить новая проблема: чем кормить землеройку во время длительного путешествия в Англию? Я, конечно, могу захватить большое количество живых крабов, но

запас этот постепенно иссякнет, а в Англии, насколько мне известно, пресноводные крабы не водятся. Единственный выход – заранее приучить землеройку к другой пище, но при этой мысли у меня опускались руки. Я припомнил, что камерунцы ловят пресноводных креветок, сушат их на солнце и продают на базарах в качестве превосходного добавления к земляным орехам, блюдам из пальмового масла и другим яствам. Я решил испробовать сушеных креветок в качестве заменителя крабов и направил одного из слуг на ближайший базар, поручив ему приобрести несколько фунтов этого товара. Маленькие сухие, как бисквиты, кусочки креветок я смешал с сырым яйцом и мелкими кусками разваренного мяса. Затем я выпотрошил двух крабов и заполнил их отвратительной смесью. Закончив все приготовления, я подошел к клетке и бросил в нее маленького живого краба, с которым землеройка быстро расправилась. После этого я кинул в клетку фаршированного краба. Подскочив к нему, зверек начал жадно грызть его. После нескольких укусов землеройка перестала есть, подозрительно обнюхала краба (в этот момент я затаил дыхание) и с минуту разглядывала его. Затем, к моей радости, она снова набросилась на краба и съела его без остатка.

Постепенно приучал я землеройку к этой новой пище, делая ее основным продуктом питания и лишь приправляя четырьмя-пятью живыми крабами. Я уже готовился продемонстрировать землеройку Джону в Бакебе, репетировал хвастливый рассказ о том, как легко содержать гигантскую водяную землеройку, – и вдруг мой драгоценный пленник скончался. В одну из ночей он находился в превосходном настроении и состоянии, а на следующее утро я нашел его мертвым. Помещая тело зверька в бутылку с формалином, я с горечью подумал, что упустил единственный в своей жизни шанс привезти живьем в Англию это уникальное и очаровательное существо.

Один из неписаных законов охоты гласит, что, как бы трудно ни было поймать первый экземпляр редкого вида животных, следующие представители этого вида попадают значительно чаще и достаются охотнику значительно легче. Поэтому я был обрадован, но не очень удивлен, когда спустя некоторое время в лагерь пришел молодой парень, принесший сплетенную из прутьев корзину для ловли рыбы, на дне которой свернулась красивая молодая водяная землеройка. Это была самка не старше нескольких месяцев от роду, длина ее вместе с хвостом составляла двенадцать дюймов против двух футов умершего самца. Я был воодушевлен такой удачей и надеялся, что молодой зверек гораздо быстрее привыкнет к неволе и с новой диетой, чем его взрослый предшественник. Мои расчеты оправдались, через двадцать четыре часа землеройка уже ела приготовленную по моему рецепту пищу, громко фыркала в бассейне и разрешала мне почесывать у нее за ухом – вольность, которую самец никогда не допускал. В течение месяца она благополучно жила в клетке, хорошо питалась и быстро росла. Я был убежден, что привезу в Англию первую живую водяную землеройку. Однако, словно предостерегая меня от излишнего оптимизма и стремясь доказать, что ловить зверей отнюдь не так просто, как это иногда кажется, судьба сыграла со мной злую шутку. Однажды утром, подойдя к клетке, я обнаружил, что землеройка мертва. Смерть наступила, очевидно, по таким же загадочным и непонятным причинам, как и у самца. Накануне ночью она была оживленна и весела, как обычно, во время последнего кормления ела много и с аппетитом.

Гигантская водяная землеройка была крупнейшим достижением наших ночных охот. Потеряв надежду на поимку ангвантибо (я решил, что такого зверя вообще не существует), я хотел еще раз попытаться счастья с землеройкой. После смерти второй землеройки охотники, воодушевленные назначенной мною ценой, рыскали по всем речкам и ручьям в поисках третьего экземпляра. Никто из них, однако, не добился успеха, и после двух недель интенсивных ночных поисков, в ходе которых я сам страшно устал, я решил забыть о землеройках и ангвантибо, прекратил ночные вылазки и полностью занялся лагерем. Непрерывно увеличивавшаяся коллекция животных доставляла мне все больше хлопот.

Глава VI

Охотники и звери

Для оборудования нашего лагеря в густых зарослях на окраине леса была расчищена прямоугольная площадка. Футы в пятидесяти от лагеря протекала маленькая речушка, проложившая себе русло в красноземе. Моя палатка сверху была еще прикрыта слоем банановых листьев. Рядом с ней находилось довольно большое по размерам помещение – зверинец. Построен он был очень просто: циновки из банановых листьев закрывали сколоченный из тонких жердей каркас, и все это было стянуто и перевязано длинными гибкими лианами. Напротив моей палатки в небольшом шалашике размещалась кухня, а немного дальше, за высокими густыми кустами, стояла хижина для слуг.

Потребовалось много времени и сил, чтобы лагерь был построен в соответствии с моими планами и вкусами. В период строительства три бригады одновременно соорудили три различных помещения, и на площадке царили невообразимые шум и суматоха. Участок был по колено завален свернутыми лианами, циновками из пальмовых листьев, ящиками с консервами, проволочными силками, сетями, клетками и другими предметами. Строители размахивали своими мачете с такой быстротой и беззаботностью, что мне оставалось только удивляться, как они не зарубили друг друга во время работы. В этот шум вплетались и пронзительные женские голоса. В лагерь приходило много женщин самого разного возраста: и сморщенные старухи с плоскими грудями, коротко остриженными седыми волосами и с дымящимися черными трубками во рту, и пышные молодые женщины с лоснящимися телами и звонкими, задорными голосами. Одни приносили мужьям еду, другие показывали мне глиняные бутылки с лягушками, жуками, крабами и рыбками, которых они выловили в реке или около нее и надеялись теперь выгодно продать.

– Маса! Маса! – кричали они, размахивая бутылками. – Вы купите этих крабов? Вам нужны такие животные?

Вначале, когда у меня еще не было клеток и помещений для зверей, я вынужден был отказываться от подобных покупок. При этом я опасался, что местные жители утратят интерес к моей затее и перестанут доставлять мне животных и пищу для них. Но мои опасения быстро рассеялись; некоторые женщины приходили ко мне по три-четыре раза в день с одним и тем же товаром, рассчитывая очевидно, что я изменю свое решение.

После завершения основных работ по устройству лагеря мы приступили к строительству клеток для животных. С этой целью я пригласил в лагерь человека, работавшего ранее плотником; он принес с собой целую кучу разбитых ящиков и приступил к работе. Строил он быстро и добротнo, не обращая ни малейшего внимания на царившие в лагере шум и суматоху. Вскоре у меня появился запас клеток, и я получил наконец возможность размещать пойманных зверей. По окрестным деревням разнеслась весть, что маса начал покупать животных. Очень скоро тонкая струйка продавцов перешла сначала в широкий ручей, а затем и в бурный стремительный поток, угрожавший захлестнуть меня и Плотника. В отдельные дни мы работали до двух-трех часов ночи при свете фонарей, лихорадочно сколачивая клетки, а в это время около нас на земле лежали мешки и сумки, колыхавшиеся и дергавшиеся при каждом движении заключенных в них пленников.

Ловцы животных делились на три категории: дети, женщины и охотники. Дети приносили различных пауков, больших коричневых пальмовых долгоносиков, хамелеонов разных видов, очаровательных серебристых и коричневых лесных птичек. У женщин я покупал речных и сухопутных крабов, лягушек, жаб, ужей, изредка черепах и птенцов различных птиц, а также больших усатых рыб из заросших тиной заводей. Наиболее интересных пленников приносили мне охотники. Я покупал у них мангустов, африканских дикобразов, белок и других

редких обитателей лесной чащи. Дети охотно брали в обмен за свои товары большие блестящие западноафриканские монеты с отверстием в центре. Женщины просили рассчитываться с ними шиллингами и часть оплаты принимали не деньгами, а солью. Охотники требовали только наличные деньги, при этом они очень не любили бумажные ассигнации и предпочитали вместо одной бумажки набрать фунта на два мелких монет по одному пенни. В лагере появлялись и маленькие карапузы, лишь недавно начавшие ходить, и старики и старухи, едваковыляющие при помощи палок. Каждый из них обязательно приносил с собой какое-либо живое существо в сумке, корзинке, бутылке или банке. Многие появлялись в лагере совершенно голыми, завернув пленника в набедренную повязку. Каждая коробка и корзинка использовалась в качестве клетки, каждая банка из-под керосина тщательно промывалась и вскоре наполнялась лягушками или змеями. Повсюду висели бамбуковые клетки с птицами, к каждому столбику или пню были привязаны обезьяны и мангусты. Комплектование моей коллекции шло полным ходом.

Однажды рано утром, когда я брился, около палатки появился высокий мрачный человек с мешком из пальмовых листьев на спине. Сбросив мешок к моим ногам, он молча уставился на меня. Я позвал Пайоса, следившего в это время за приготовлением завтрака в кухне.

– Что принес этот человек? – спросил я его.

Пайос задал мой вопрос прищельцу.

– Речной зверь, – последовал лаконичный ответ.

– Какой речной зверь? Посмотри, что у него в мешке, а я пока закончу бриться.

Пайос подошел к мешку, осторожно развязал его и заглянул внутрь.

– Крокодил, сэр, только мне кажется, что он мертв.

– Он не двигается?

– Нет, сэр, он совершенно неподвижен, – ответил Пайос и вытряхнул из мешка крокодила длиной в четыре с половиной фута.

Шлепнувшись на землю, крокодил остался лежать с закрытыми глазами.

– Он мертв, сэр, – повторил Пайос и повернулся к охотнику. – Зачем ты принес мертвого зверя? Ты думаешь, маса такой глупый, что будет платить тебе за мертвого зверя?

– Речной зверь не мертв, – ответил охотник.

– Не мертв? – гневно переспросил Пайос. – Смотри!

Он схватил мешок и ударил им крокодила. Тот открыл глаза и мгновенно вернулся к жизни. Проскользнув в ногах у помощника, отпрыгнувшего с диким криком в сторону, крокодил проскочил мимо тщетно пытавшегося его задержать охотника и начал удирать по направлению к кухне. Втроем бросились мы вдогонку. Преследуемый нами крокодил, не имея времени свернуть в сторону, врезался в стену кухни (в качестве стены служила циновка из банановых листьев). В тот момент, когда мы вбежали в кухню, крокодил исчезал в противоположной ее стене. Легко представить изумление, которое вызвало у поваров появление неожиданного гостя. В кухне возник полнейший беспорядок. Помощник повара уронил на пол сковороду с завтраком. Повар, сидевший на банке из-под керосина, свалился в корзину с яйцами и свежими мягкими фруктами. Пытаясь встать на ноги, он опрокинул кастрюлю с холодным пудингом. Крокодил тем временем устремился к лесу, к его чешуе прилипли пепел и куски пудинга. Сняв на бегу свой халат, я прыгнул и накрыл им голову крокодила. Обмотав ему морду халатом, я лишил крокодила возможности раскрывать челюсти и кусаться. Успел я вовремя, так как до густых зарослей кустарников на краю лагеря ему оставалось пробежать всего несколько ярдов. Сидя в пыли и крепко вцепившись в крокодила, я торговался с охотником. В конце концов мы с ним договорились о цене, и крокодил был помещен в небольшой бассейн, специально устроенный для этих пресмыкающихся. Крокодил не отпускал моего халата, значительная часть которого находилась уже у него в пасти. В этом вопросе мне пришлось ему уступить. Когда позднее я достал халат из бассейна, он уже был не пригоден к носке. Спустя несколько недель мне снова

принесли крокодила, с которым произошла аналогичная история: вырвавшись из наших рук, он напугал поваров и опять оставил меня без завтрака. После этого случая пойманных крокодилов мы стали распаковывать непосредственно около бассейна и обязательно в присутствии трех слуг, готовых в любой момент предотвратить все попытки к бегству.

Вскоре после этого произошло событие несколько иного сорта. Однажды я допоздна сооружал клетку и лег спать около двенадцати часов ночи. Час спустя я проснулся от диких криков, доносившихся со стороны деревни. Я отчетливо слышал пронзительные восклицания, визг, хлопанье ладоней и громкие оживленные разговоры. Считая, что жители деревни отмечают какой-нибудь местный праздник, я попытался снова заснуть. Однако шум не только не утихал, но, наоборот, становился все громче. Среди деревьев замелькали огоньки, и я заметил приближавшуюся к лагерю толпу людей. Я вскочил и быстро оделся, пытаюсь сообразить, что могло побудить жителей деревни беспокоить меня в середине ночи. Толпа, в которой оказались почти все жители деревни, хлынула в лагерь. В центре беснующейся, жестикулирующей массы людей четыре человека несли на плечах огромную плетеную корзину, напоминавшую своими очертаниями гигантский банан. Они поставили корзину к моим ногам, и внезапно, словно по команде, наступила полная тишина. Вперед выступил высокий некрасивый мужчина в лохмотьях мундира цвета хаки. Почтительно поздоровавшись и приняв горделивую позу, он начал речь:

– Маса, я принес вам хорошего зверя. Я принес вам лучшего зверя, который водится в этой стране. Я хороший охотник, мне неведом страх, я пошел в лес и увидел этого зверя. Это очень сильный зверь, маса, но он не сильнее меня. Я очень сильный человек, у меня много силы, я...

Мне надоела эта напыщенная хвастливая болтовня, я устал и хотел быстрее увидеть зверя, купить его и снова лечь спать.

– Слушай, друг мой, – прервал я оратора. – Я вижу, что ты хороший охотник и сильный человек. Но прежде всего я хочу знать, какого зверя ты поймал.

– Хорошо, сэр, – сконфуженно ответил охотник и подвинул корзину к свету, чтобы я мог разглядеть ее содержимое.

– Большая, большая змея, сэр, – объяснил он, – это боа.

В корзине, заполнив ее целиком, находился питон таких размеров, какого мне еще не приходилось видеть. Он был настолько велик, что не умещался в своей клетке; около трех футов хвоста змеи торчало наружу и было крепко притянуто лианами к внешней стороне корзины. Питон смотрел на меня сверкающими черными глазами и громко шипел. Я разглядывал его огромное, свившееся кольцами туловище, глянцевитую, отсвечивающую при свете лампы пеструю кожу.

– Слушай, друг мой, – снова обратился я к владельцу змеи, – я не могу сейчас заниматься этим хорошим зверем. Оставь его здесь и приходи сюда утром. Мы посмотрим змею и договоримся о цене. Согласен?

– Да, сэр, – ответил охотник.

С помощью зрителей мы перенесли тяжелую корзину в помещение для зверей и оставили ее на полу. Я вылил на змею два ведра воды, так как предполагал, что она давно уже страдает от жажды. Затем я разрезал путы, с такой силой стягивавшие хвост змеи, что на ее красивой коже отпечатались глубокие рубцы. В течение нескольких минут я массировал хвост, чтобы восстановить нормальную жизнедеятельность пострадавших участков туловища. После этого я выпроводил из лагеря всех гостей и снова лег спать.

Утром я внимательно осмотрел питона. По моему мнению, он был невредим, хотя длительное пребывание в тесной корзине, изготовленной, вероятно, уже после его поимки, доставило ему немало страданий. После продолжительного торга я купил змею по назначенной мною цене, и передо мной встал вопрос о помещении для нового экспоната. Выбрав самый большой

из имевшихся в лагере ящиков, я дал задание Плотнику срочно сделать из него клетку для питона. К полудню клетка была готова, на дно ее мы подстелили толстый слой сухих банановых листьев, чтобы обеспечить питона мягкой постелью. Затем перед нами встала проблема перевода питона из корзины в клетку. При обычных обстоятельствах, имея нескольких надежных помощников, переносить питона не так уж сложно. Один человек держит голову змеи, другой удерживает ее за хвост, а остальные придерживают в разных местах туловище. Если держать питона вытянутым в длину и не давать ему возможности свернуться в клубок, он становится совершенно беспомощным. Но все несчастье заключалось в том, что у меня не было надежных помощников. Местные жители считают питона ядовитой змеей, которая отравляет своим ядом не только при укусе, но и прикосновением острого кончика хвоста. Тщетно пытался я уговорить их схватиться за туловище змеи, соглашаясь взять на себя голову питона; мне объясняли, что каждый из них может погибнуть от соприкосновения с хвостом питона. У меня не было никакого желания, выпустив змею из корзины, остаться с ней один на один, без всякой поддержки разбежавшихся помощников. После продолжительных дебатов я рассвирепел окончательно.

– Слушайте, – обратился я ко всем присутствующим, – если через полчаса змея не будет в клетке, никто из вас не получит жалованья.

Сказав это, я прорезал крышку корзины, обхватил шею питона и начал медленно вытаскивать змею наружу. По мере появления туловища змеи дрожащие черные руки, пара за парой, подхватывали его на некотором расстоянии друг от друга. Держа в одной руке голову питона, я дождался появления из корзины хвоста и схватил его другой рукой. Теперь питон был растянут по кругу: в моих руках были хвост и голова, а несколько перепуганных слуг осторожно удерживали его извивавшееся тело. Введя хвост в клетку, мы стали медленно, фут за футом, вталкивать туда туловище змеи. В заключение я рывком втолкнул туда голову змеи, захлопнул клетку и облегченно вздохнул. Мои соратники были восхищены собственным мужеством и темпераментно объясняли друг другу, какие трудности пришлось им преодолеть. Я послал слугу в деревню, поручив ему купить цыпленка, так как, по моим предположениям, питон уже должен был проголодаться. За ночь птица была съедена целиком, и я решил, что пленник чувствует себя хорошо. А затем произошла одна из тех неожиданностей, которые так часто осложняют нашу работу: на хвосте змеи, по-видимому в результате длительного наложения тугих жгутов, развилась гангрена. Эта болезнь, возникающая у животных, если их слишком крепко связывать, опасна и в странах прохладного климата; в тропиках же гангрена развивается и распространяется со страшной быстротой. В течение десяти дней положение питона сделалось безнадежным: он сохранял хороший аппетит, но загнивание хвоста распространялось все дальше, несмотря на применение обеззараживающих средств. Я вынужден был убить питона. Длина его составляла восемнадцать с половиной футов. При вскрытии оказалось, что это самка, внутри мы обнаружили несколько недоразвитых яиц. Питона такой величины я больше не видел, те экземпляры, которые мне приносили в дальнейшем, были значительно меньших размеров.

Общее мнение о работе звероловов сводится к тому, что охотнику нужно только поймать зверя и посадить его в клетку и на этом работа заканчивается. В действительности же только после этого и начинается настоящая работа. С какими бы трудностями ни была сопряжена поимка зверя, содержание его в неволе, связанное с поисками подходящей пищи, наблюдением за тем, как животное ест, не болеет ли оно, не занозило ли себе лапу в деревянной клетке, не тесно ли ему, достается ли значительно тяжелее. К этому прибавляются ежедневные чистки клеток и кормление зверей, заботы о том, чтобы животные не находились на солнце слишком много или, наоборот, слишком мало. Некоторые звери, попадая в неволю, совершенно отказываются от пищи, и приходится иногда часами изобретать всякие лакомства, чтобы соблазнить их на еду. Часто охотнику это удается, и зверь привыкает к определенному роду пищи. Но бывают и такие случаи, когда животное упорно отказывается от всякой пищи, и тогда остается

единственный выход – отпустить его обратно в лес. В отдельных случаях, к счастью чрезвычайно редких, мне не удавалось ни накормить животное, ни отпустить его. Так получалось с пойманными молодыми животными, лишь незадолго до поимки появившимися на свет. Наиболее мучительными для меня были случаи с молодыми дукерами, доставившими мне много тяжелых переживаний.

Дукеры – антилопы, встречающиеся только в Африке. Своими размерами они напоминают крупного фокстерьера, некоторые экземпляры достигают роста сенбернара, окраска их – от голубовато-серой до ярко-рыжей. В окрестностях Эшоби чаще попадались рыжие дукеры. Я попал в Эшоби вскоре после периода течки у дукеров; убив антилопу, охотники обычно находили около нее маленького детеныша. В таких случаях малютку, как правило, приносили ко мне. Попутно хочу отметить, что в Камеруне тогда не было никаких законов об охране животных и охотники имели право убивать самок вместе с детенышами. Для охотника это даже счастливый случай, так как он имел возможность убить детеныша, не расходуя при этом лишний заряд. Судя по количеству приносимого мне молодняка, истребление антилоп проводилось в больших размерах, и, хотя в настоящее время дукеры еще довольно широко распространены в Африке, есть основания опасаться, что в недалеком будущем их совершенно истребят.

Когда мне принесли первого детеныша дукера, я купил его, построил отдельную клетку и от души радовался такому ценному пополнению моей коллекции животных. Но очень скоро я понял, что иметь дело с дукером гораздо труднее, чем с представителями любой разновидности ранее встречавшихся мне оленей и антилоп. В первый день детеныш был очень возбужден и отказывался от всякой пищи. На следующий день он решил, что я не намерен его обижать, и начал ходить за мной, как собачонка, доверчиво глядя на меня большими темными влажными глазами. Но от пищи он по-прежнему отказывался. Я прибегал ко всевозможным ухищрениям, чтобы обмануть его и заставить пить молоко. Купив шкуру взрослого дукера, я разложил ее на стуле и, когда детеныш принялся ее обнюхивать, подsunул к нему из-под шкуры бутылку с соской. Детеныш сделал несколько маленьких глотков и отошел в сторону. Я давал ему горячее, теплое, холодное, сладкое, кислое, горькое молоко – и все безрезультатно. Накинув шнурок на шею дукера, я пошел с ним в ближайший лес, так как детеныш был уже в таком возрасте, когда можно переходить на прикорм. Я надеялся, что малыш наткнется на растения или листья, которые он станет есть. Но единственным его занятием во время прогулки было рытье ямок в листьях, изредка он облизывал землю. Я видел, как день за днем антилопа становилась все слабее, и решил принять крайние меры: повалив дукера на землю, мы силой влили ему в рот немного жидкости. Детеныш в это время так перепугался, что при его слабом состоянии наша затея принесла больше вреда, чем пользы. Тогда я поручил повару купить в ближайшем городе дойную козу. Козы почти не разводятся в лесных районах, и повар вернулся только через три дня; к этому времени дукер умер. Повар привел с собой самую уродливую и глупую козу из всех представителей этого рода. Она оказалась для нас совершенно бесполезной. За три месяца пребывания в лагере она дала не более двух чашек молока. При виде детеныша дукера она наклоняла голову и пыталась его боднуть. Трем человекам приходилось удерживать козу, пока детеныш сосал молоко. В конце концов ее отправили на кухню, и она составила основу нашего меню на ближайшие несколько дней.

Мне продолжали приносить детенышей дукера, они по-прежнему отказывались от пищи, слабели и погибали. Иногда в лагере находилось одновременно до шести красивых маленьких антилоп; они растерянно бродили по отгороженному для них участку и временами грустно и протяжно блеяли, напоминая маленьких ягнят. Каждый раз, когда в лагерь приводили нового дукера, я клялся, что не буду его покупать; но когда он прижимался влажным носом к моей ладони и смотрел на меня большими темными глазами, я не выдерживал. Я начинал надеяться, что именно этот детеныш будет вести себя иначе, чем остальные, будет нормально пить и есть. Я покупал его, и оказывалось, что он ведет себя точно так же, как все другие. При виде шести

маленьких дукеров, с жалобным, голодным блеянием бродивших по лагерю и отказывавшихся принимать какую-либо пищу, настроение мое резко падало; в конце концов я отказался от покупок детенышей этих антилоп. Я знал, что обрекаю их этим на немедленное съедение, но это была, по крайней мере, быстрая смерть, а не мучительное и медленное угасание. Я никогда не забуду, какую долгую, утомительную борьбу мне приходилось вести с этими маленькими существами. Часами водил я их на поводке по лесу, предоставляя им выбор всевозможных листьев и трав. Часами пытался я поить их из бутылок, но лишь редкие капли жидкости попадали в горло животных. Я вставал в три часа утра и, полусонный, заново повторял все свои попытки; дукеры при этом прыгали и брыкались, разрывая мой халат острыми копытцами. Ноги их слабели, шерсть темнела, большие глаза западали в глазницах и мутнели. Все эти впечатления больше, чем что-либо другое, убеждали меня в том, что работа зверолова не так легка, как это принято думать.

В период моих мучений с маленькими дукерами я нанял ночного сторожа. В Камеруне я впервые столкнулся с представителями этой профессии, доставившими мне в дальнейшем немало хлопот. Ночного сторожа я нанял по двум мотивам: во-первых, ночью нужно было разводить огонь, кипятить воду для ночного кормления (точнее, попыток кормления) дукеров, а затем будить меня для выполнения этой процедуры; во-вторых, что значительно важнее, необходимо было постоянно следить за возможностью появления около лагеря отрядов странствующих муравьев,двигающихся совершенно бесшумно и с большой скоростью. Человек, не видевший собственными глазами движения крупных колонн муравьев, вряд ли сумеет представить себе численность, быстроту и свирепость насекомых, составляющих эти отряды.

Ширина движущейся колонны муравьев редко превышает два дюйма, но длина ее достигает двух-трех миль. По бокам движутся воины – крупные муравьи длиной до полудюйма, с большими головами и развитыми изогнутыми челюстями. В середине путешествуют рабочие муравьи; по размерам они значительно меньше воинов, но укусы их также очень неприятны. Эти колонны муравьев движутся по лесу, уничтожая все на своем пути; достигнув места, где пища имеется в достаточном количестве, колонна рассыпается, и земля вскоре превращается в сплошной черный движущийся ковер. Если такая колонна наткнулась бы на мой зверинец, все экспонаты были бы заживо съедены в течение нескольких минут.

Первым моим сторожем был высокий стройный юноша в маленькой набедренной повязке, вооруженный огромным копьем. Он приходил в лагерь с заходом солнца и уходил на рассвете. Приступил он к работе в твердой уверенности, что главная его задача ночью – хорошо выспаться у костра возле кухни. Мне пришлось разбудить его в первую же ночь; застав сторожа спящим, я разрядил ружье над самым его ухом, что произвело на него должное впечатление. В дальнейшем он спал лишь тогда, когда был уверен, что я слишком устал днем и ночью вставать не собираюсь. В первые дни он относился к своим обязанностям довольно пренебрежительно; днем его использовали в деревне в качестве продавца вина, и он считал своим долгом основательно дегустировать то вино, которым снабжал покупателей. Зачастую он приходил в лагерь, качаясь из стороны в сторону, садился к костру и начинал дремать. Способ, которым я разбудил его в первую ночь, действовал безотказно и в дальнейшем. Но я никак не мог заставить его понять, насколько опасны для нас муравьи. Сторож почти не смотрел по сторонам, и только массированное нападение большого отряда муравьев могло бы привлечь его внимание. Но однажды ночью он получил такой урок, который навсегда излечил его от легкомысленного отношения к возможности появления муравьев.

Каждые две недели на главной улице деревни устраивались танцы. Это считалось крупным общественным событием; жители деревни надевали свои лучшие платья и проводили всю ночь на улице, раскачиваясь и притопывая под заунывные, дрожащие звуки флейты и торжественный стук барабанов при тусклом свете маленького фонарика. Я получил приглашение на один такой праздник и направился в деревню в пижаме и халате, со стулом, столом и самым

ярким из имевшихся у меня фонарей. Появление фонаря танцующие встретили восторженными возгласами, так как яркое освещение позволяло им выполнять более сложные и изощренные па. После этого случая, если я сам не приходил на танцы, то всегда отсылал в деревню фонарь, и жители приветствовали его появление радостными криками, аплодисментами и возгласами: «Спасибо, маса, спасибо!» – которые слышны были даже в лагере.

Однажды вечером мне сообщили, что в поселке в мою честь организуется специальный танцевальный праздник и меня вместе с фонарем приглашают принять участие в торжестве. Я выразил свою признательность и ответил, что, если лично и не сумею присутствовать на празднике, меня будет представлять мой фонарь. Но случилось так, что в этот вечер я рано закончил свои дела и решил пойти в деревню. Покидая лагерь, я приказал сторожу немедленно вызывать меня в случае каких-либо неожиданных происшествий. Захватив с собой фонарь, стул и стол, я отправился на торжество. Танцы на этот раз оказались продолжительными и интересными. Через некоторое время я решил возвратиться в лагерь, так как на следующее утро мне нужно было рано вставать. Фонарь я, как обычно, оставил в деревне. У входа в лагерь при слабом свете дежурного фонаря я увидел, что сторож делает какие-то странные пируэты. Он прыгал, хлестал себя прутом и громко ругался на родном языке; иногда он свирепо колотил по земле пучком веток.

– Что случилось? – закричал я.

– Муравьи, сэр, много муравьев.

Подбежав к нему, я увидел, что сторож был весь облеплен муравьями, сплошная масса муравьев переливалась на земле под его ногами. Из кустов непрерывным потоком лились новые отряды муравьев. Насекомые расползлись уже по большому участку, передние их ряды находились всего в нескольких футах от помещений для зверей. Нельзя было терять ни секунды. Я позвал на помощь всех находившихся в лагере слуг. Когда они подбежали, я был уже с ног до головы покрыт муравьями. Пришлось срочно раздеться. Обнаженные, мы приготовились к бою. Джорджа я послал за хворостом и сухими листьями, Пайоса – за керосином, сторожу и Даниелю приказал немедленно принести из кухни головешку. Они помчались выполнять поручения.

Взяв несколько прутьев с листьями, я напал на ближайшую к стене зверинца группу муравьев, изо всех сил стегая прутьями по земле; свободной рукой я в это время пытался стряхнуть облепивших меня муравьев. Джордж притащил большую охапку сухих веток и листьев, и мы кинули ее на самое большое скопление муравьев. Смочили хворост керосином и подожгли его с разных сторон. Затем, схватив банку с керосином, я побежал вдоль стены зверинца, разливая по пути керосин. Даниель бежал следом за мной, макал хворост в керосин и зажигал его. Отгородив животных огненным барьером от муравьиного войска, я почувствовал некоторое облегчение. Но теперь, однако, требовалось внимательно следить за огнем, так как искры могли поджечь сухую крышу здания. Вся оборонительная операция была проведена нами в предельные сроки: еще немного – и ничто не могло бы спасти заключенных в клетки животных. Поручив Пайосу и Джорджу следить за полосой огня вокруг зверинца, я занялся своей палаткой. Она кишела муравьями, зеленые стенки ее превратились в колышущееся черное покрывало. Три ящика с высушенными шкурами были набиты муравьями, и шкуры пришли в полную негодность. Кровать, весь мой гардероб, патронташи, силки, сети, коробка с медикаментами – все это тщательно обследовалось тысячами муравьев. В течение трех часов очищали мы от них мою палатку; лишь на рассвете угроза дальнейшего вторжения муравьев была полностью предотвращена. Голые, грязные, усталые, собрались мы на площадке около кухни, продолжая снимать друг с друга последних муравьев.

Моя беседа со сторожем состоялась после того, как я умылся, оделся и более или менее пришел в себя. Она была довольно продолжительной и протекала очень бурно. В заключение беседы я приказал двум слугам связать сторожа и сообщил ему, что намерен сдать его мест-

ным властям для привлечения к суду за невыполнение служебного долга, попытку убить меня, попытку уничтожить мою коллекцию, сон на посту и за множество других грехов. Я объяснил, что начальство очень серьезно отнесется к совершенным им преступлениям и что двухлетнее тюремное заключение он может считать наилучшим для себя исходом. Побелев от страха, сторож умолял меня о прощении. С видом человека, оказывающего огромную услугу, я согласился предоставить сторожу последнюю возможность исправиться. Но при этом предупредил его, что, если муравьи еще раз появятся в ста ярдах от лагеря и он не поднимет своевременно тревогу, я поступлю с ним очень сурово. Я даже мрачно намекнул на возможность пожизненного заключения. Угроза подействовала: после описанного случая сторож нес службу образцово и появлявшиеся в дальнейшем отряды муравьев своевременно обнаруживались и обезвреживались.

Долго внушал я сторожу, что он лично отвечает за каждое сбежавшее ночью животное. Дважды животные находили выломанное звено решетки или разорванный участок проволочной сетки и исчезали в лесу; сторож в это время мирно дремал на банке из-под керосина, склонившись головой к древку копья. В обоих случаях я ограничивался выговором, так как убежавшие животные особой ценности не представляли и их можно было легко заменить. Но я решил при первом же подходящем случае дать сторожу небольшой урок. Однажды вечером охотник принес в лагерь молодого панголина. Я купил его и на ночь поместил в пустой ящик, плотно прикрыв сверху множеством различных предметов. Зная, как сильны у этих зверей передние лапы, я предупредил сторожа, чтобы он внимательно следил за ящиком с панголином.

С первых же дней создания лагеря я взял за правило перед сном совершать обход зверинца, проверяя состояние всех клеток и всех замков и запоров. Заглянув в ящик, куда мы поместили панголина, я нашел его пустым. Каким образом он исчез, я так и не понял – все наваленные на крышку предметы остались на месте. Но я уже привык к подобным таинственным исчезновениям и не стал терять время на решение этой загадки. Подозвав сторожа, я показал ему пустой ящик:

– Сторож, этот зверь убежал.

– Да, я его не вижу, сэр, – пробормотал сторож.

– Я знаю, что ты его не можешь видеть, потому что ты плохо выполняешь свои обязанности. Этот зверь передвигается медленно, он сейчас где-нибудь здесь в кустах. Возьми свой фонарь и ищи его. Если ты его не найдешь, я удержу из твоего жалованья пять шиллингов.

Сторож забрал фонарь и копьё и отправился на поиски. Я слышал, как он в течение часа бродил по кустам, тяжело вздыхал и, чтобы поднять себе настроение, громко разговаривал сам с собой. Я уже засыпал, когда раздался его торжествующий крик:

– Я нашел его здесь, я нашел его здесь в кустах!

– Хорошо, принеси его быстрее.

Вскоре он появился, держа панголина за хвост и сияя от удовольствия. Я отнес панголина к ящику, отметив про себя, что панголин как будто значительно вырос. Открыв ящик, я стал перестилать на дне его сухие банановые листья; неожиданно моя рука наткнулась на что-то круглое, твердое и теплое. Свернувшись под банановыми листьями, в ящике лежал панголин. Оказалось, что сторож поймал совершенно другого представителя этой породы. Я закрыл в ящике обоих панголинов и вернулся в палатку. По установленным правилам я должен был заплатить сторожу за пойманного им зверя. Но признаваться в своей ошибке я не хотел, так как это испортило бы впечатление от преподанного урока. Поэтому я решил промолчать и успокоил свою совесть, крупно переплатив ему впоследствии за принесенных лягушек. Через несколько дней аналогичная история случилась со сбежавшим огромным пауком. На этот раз паук действительно сбежал, и сторож, разыскивая его в кустах, нашел другого громадного паука гораздо более редкой разновидности. Посадив пойманного паука на конец палки

и направляясь к коллекции коробок с насекомыми, сторож чуть не раздавил ползавшего по земле в самом центре нашего лагеря первого паука.

Огромные пальмовые пауки всегда вызывали у меня отвращение. Туловище их величиной с яйцо, длинные ноги легко обхватывают большую тарелку. Обычный цвет этих пауков темно-коричневый, сверху они покрыты густым светло-коричневым мехом. Взгляд их маленьких блестящих глаз казался мне злобно вызывающим. Большинство пауков, если к ним подходят или начинают щекотать прутиком, пытаются убежать, но некоторые из них переходят в нападение. Пауки могут прыгать на расстояние до двух футов, отрываясь при этом от земли на шесть-семь дюймов. Во время прыжка они сжимаются и пытаются вцепиться в противника большими изогнутыми челюстями и обхватить его мохнатыми передними лапами. Я знал, что укус паука ядовит, но полагал, что при всей его болезненности он не представляет опасности для жизни человека.

Однажды ко мне пришел человек с двумя плетеными корзинками в руках; в одной корзинке находилась толстая красивая и смертельно ядовитая гадюка, в другой – отвратительный пальмовый паук. Когда я приобрел содержимое обеих корзинок, мужчина обратился ко мне с просьбой помочь ему и протянул руку, обмотанную грязной тряпкой. На большом пальце была глубокая рана, палец распух и посинел. Осмотрев палец, я промыл его и наложил чистую повязку. Затем я заинтересовался происхождением его раны.

– Зверь меня укусил, – лаконично ответил охотник, кивнув в сторону корзинок.

– Какой зверь? Змея или паук? – испуганно вскрикнул я.

– Нет, сэр, не змея, другой зверь. Мне очень больно, вы не дадите мне какое-нибудь лекарство от укуса, сэр?

Я дал ему две таблетки аспирина, стакан желтого лимонного сока и заверил его, что все кончится благополучно. Он поблагодарил меня и вернулся на следующий день с просьбой снова дать ему лекарство, которое так хорошо помогает ему. Я предложил еще два порошка аспирина, но охотник от них отказался. Нет, он хочет не это лекарство, а другое, желтое, так как именно оно и помогло ему так быстро выздороветь.

Через несколько дней после этого случая мне вновь пришлось столкнуться со своеобразной логикой местных жителей. Маленький мальчуган принес мне черепаху, в панцире которой было пробито большое отверстие. Такой экземпляр меня не устраивал, и я вернул черепаху владельцу, объяснив ему причину моего отказа. Через полчаса другой юнец принес ту же самую черепаху. Решив, что первый продавец по малолетству не понял моих объяснений, я снова рассказал, по каким причинам эта черепаха мне не нужна. Вскоре эту же черепаху принес в лагерь новый продавец. В течение всего дня множество людей разных возрастов, от карапузов до глухих стариков, предлагали мне купить эту искалеченную черепаху. Я не выдержал и спросил последнего продавца, зачем мне приносят черепаху, которую я уже несколько раз отказывался покупать, объясняя каждому приходившему, почему она мне не нужна.

– Быть может, если маса не купит черепаху у меня, он купит ее у другого, – ответил временный владелец черепахи.

– Друг мой, скажи всем, что я не куплю эту черепаху.

– Да, сэр, – улыбнулся мой собеседник, – маса ее не купит.

Больше я этой черепахи не видел.

Другой характерной чертой мышления охотников было твердое убеждение, что, как бы ни был искалечен и изуродован принесенный ими зверь, меня можно уговорить купить его, без конца повторяя, что зверь этот совершенно здоров и будет жить еще много лет. В особенности это относилось к птицам. В первое время ребяташки, ватагами бродившие по зарослям, подрезая лианы и собирая появлявшуюся в надрезах белую жидкость, используемую для изготовления клея, считали, что мне нужны любые птицы в любом состоянии. Главное, чтобы птица еще дышала, а на отсутствие большинства перьев или на перелом одной или обеих ног

продавцы не обращали ни малейшего внимания. Потребовалось много времени и разговоров, прежде чем ребята поняли, каковы мои требования. Окончательно убедил их случай с карликовым коростелем.

Однажды утром, осматривая принесенных мне ребяташками искалеченных птиц, я читал им лекцию о бережном обращении с пойманными экземплярами. Пока я изливал свой гнев и раздражение птицеловам, в лагерь вошла крохотная шестилетняя девочка с небольшим, хитро сплетенным гнездом из сухой травы и листьев в руке.

Она подошла, молча осмотрела меня оценивающим взглядом и протянула гнездо.

– Что это? – спросил я.

– Птицы, сэр, – пискнула она в ответ.

Я взял из ее рук гнездо и заглянул внутрь, ожидая увидеть еще нескольких изувеченных птиц. В гнезде притаились три красивые маленькие пташки, без всяких ссадин и переломов, с нетронутым оперением. У них были тоненькие ножки и длинные хрупкие пальцы, которые давно уже были бы переломаны мальчишками-птицеловами. Ни одно перышко у птичек не пострадало, а мальчики первым делом вырывали у пойманных птиц перья, чтобы лишить их возможности улететь. Принесенные девочкой птицы находились в прекрасном состоянии. Я решил использовать представившуюся мне возможность. Вытащив из гнезда одного карликового коростеля, я показал его собравшимся мальчишкам.

– Смотрите, – обратился я к ним, – девочка лучше вас ловит птиц. У этой птицы нет ни одной раны, ноги ее не порезаны веревками. Эту птицу я куплю, так как она будет жить. Почему же женщина лучше вас, мужчин, умеет ловить птиц? Вы увидите теперь, сколько я заплачу за хороших птиц.

Повернувшись к девочке, я спросил ее, сколько она просит за птиц. Девочка запросила по два шиллинга за птицу.

– Слышите? – снова обратился я к мальчишкам. – Девочка просит за эту птицу два шиллинга. Это хорошая цена. Девочка увидела птичку, поймала ее очень осторожно, не ушибла ее, не связала ей ноги веревками. Так как она ловит птиц лучше вас всех, я даю ей по пять шиллингов за каждую птицу.

Из толпы ребяташек послышались удивленные и завистливые восклицания. Девочка, ничего не понимая в моей назидательной речи, удивилась, что я дал ей значительно больше запрошенной суммы, схватила деньги, прижала руки к груди и со всей быстротой, на какую только были способны ее толстые маленькие ножки, побежала из лагеря, опасаясь, очевидно, что я могу передумать. Оживленная, жестикулирующая толпа детей последовала за ней.

С того дня птицы, за редкими исключениями, стали поступать ко мне в лагерь в хорошем состоянии. Маленькие жители деревни начали получать заработанные деньги, а мои клетки стали заполняться пойманными интересными экспонатами.

Ребята применяли два способа ловли птиц. Оба были достаточно хороши, но лучшим я считал способ с применением клея. Надрезав кору одной из разновидностей растущих в лесу лиан, ребята добывают густой белый сок. Этот сок смешивают с соком удивительного красного плода, по вкусу почти ничем не отличающегося от лимона, и полученную смесь кипятят в течение двух часов на медленном огне. Застывая, смесь превращается в упругую клейкую массу. После этого птицеловы вырезают из листьев пальмовых деревьев длинные тонкие волоски и покрывают их полученной пастой. В лесу, в тех местах, где водится много птиц, ребята веерообразно втыкают эти полоски в песок около небольших водоемов. По каким-то малопонятным причинам птицы, прилетающие пить воду, садятся обычно не на песок, а на эти похожие на ветки полоски. Ножки птицы приклеиваются к пасте, пытаясь вырваться, она бьется крыльями и приклеивается перьями к находящимся рядом полоскам.

Через несколько часов этот птичий клей засыхает на перьях, и птицы легко счищают его клювом. Кроме сетей, я не знаю другого такого простого и безболезненного способа ловли птиц.

Второй способ связан с применением интересной и довольно хитроумной ловушки. Гибкая палка стягивается бечевкой, наподобие лука. Небольшой прут оттягивает тетиву примерно около середины палки. К одному из концов прута прикрепляется приманка, на прут накидывается скользящая растянутая петля, соединенная с основной бечевкой. Это приспособление устанавливается или подвешивается в лесу.

Когда птица, привлеченная приманкой, садится на прут, он выскакивает из распорок, палка расправляется, бечевка удлиняется и стягивает петлю вокруг ног птицы. Этот способ довольно эффективен, но допускает многочисленные случаи увечий птиц. Если петля стягивается слишком туго, она может раздробить птице ноги. Во многих случаях птица повисает вниз головой, и попытки вернуться в нормальное положение также обычно приводят к переломам ног. Из двух описанных способов я предпочитал первый и скоро стал покупать только птиц, пойманных при помощи птичьего клея. Этим способом были пойманы и доставлены мне самые различные представители мира пернатых: алые и черные малимбусы с бледно-голубыми, как у зяблика, клювиками; каменки с белыми полосками около глаз и с ярко-голубыми, как у сойки, пятнами на крыльях; лесные малиновки, очень похожие по размерам и окраске на английских малиновок, только коричневые спинки у камерунских несколько темнее, грудь их более яркого оранжево-красного цвета, а на щеках, у основания клювиков, находятся два небольших белых пятнышка. В моих клетках появились голуби – изящные серые и желтовато-коричневые птицы с переливающимися ярко-зелеными перьями на крыльях, представители других видов голубей, блестящие карликовые зимородки, голубые зимородки и другие представители многочисленных видов птиц, обитающих в тропических лесах Камеруна.

Глава VII

Дрилы, танцы и барабаны

Обеспечить всех насекомоядных птиц достаточным количеством пищи было серьезной проблемой, которую мне все же удалось решить. Собрав человек двадцать ребятишек, я снабдил их бутылками и отправил ловить кузнечиков. Платил сдельно, по результатам работы. Обычная моя цена – одно пенни за тридцать насекомых. Другую группу ребят я посылал в лес искать муравьиные гнезда. Такие гнезда, похожие по форме на крупные грибы, часто встречались в темных густых уголках лесной чащи. Если расколоть такое гнездо, слепленное из твердой коричневой глины, обнажается лабиринт крохотных туннелей и отверстий, в которых мечутся тысячи маленьких муравьев и лежит множество мягких белых яиц. Эти яички служат любимой пищей для птиц. В лагере всегда был большой запас муравьиных гнезд: в течение дня непрерывным потоком приходили ребятишки с этими грибоподобными глиняными сооружениями на головах. Цепочка движущихся по извилистой лесной тропинке детей с большими грибами на курчавых головках, их громкий смех и веселая, оживленная переключка производили необычное впечатление и немного напоминали мне шествия сказочных гномов.

В поисках муравьиных гнезд юные охотники иногда находили в лесу и других представителей животного мира, которых они с торжествующими криками приносили мне. Чаще всего им попадались хамелеоны, которых местные жители считают смертельно ядовитыми; ребята со страхом несли этих пресмыкающихся на конце длинной палки и отчаянно вскрикивали, когда хамелеон совершал какое-либо движение, пытаясь к ним приблизиться. Наиболее распространенной разновидностью были вислошие хамелеоны длиной около восьми дюймов, обычно с ярко-зеленой окраской. Представители этой разновидности хамелеонов отличались воинственным характером: попав в плен, они меняли окраску на грязно-серую, со зловещими коричне-

выми пятнами. Раскачиваясь из стороны в сторону, они громко шипели, широко раскрывая рот, и при благоприятной возможности наносили короткий острый укус, который, однако, не вызывал кровотечения. Когда этих хамелеонов несли на палке, они шипели, раскачивались, бешено вращали большими выпуклыми глазами, стремясь рассмотреть все вокруг, и крепко обхватывали палку своими изогнутыми лапами.

Маленькие искатели муравейников однажды принесли мне рогатого хамелеона – существо настолько фантастическое, что я не сразу поверил своим глазам. По величине он несколько меньше вислошеего хамелеона, на голове у него нет того большого шлема с блестящей голубой кожей, который есть у последнего, окраска его скромнее и равномернее. Но морду этого хамелеона описать почти невозможно. От носа растут два заостренных искривленных рога длиной по полдюйма. Они похожи на приподнятые хоботы игрушечных слоников. Между двумя рогами от самого кончика носа растет еще один рог. Он длиннее остальных и совершенно прямой. Из-за этого рогового заслона удивительно осмысленным взглядом смотрели большие выпуклые глаза. Хамелеон был окрашен в приятный перламутрово-серый цвет с крупными коричневыми пятнами. Рассердившись, хамелеон менял окраску на темную, почти черную, с ржаво-красными пятнами, напоминающими отпечатки больших пальцев рук. Я предположил, что рога служат хамелеонам в качестве оборонительного средства. Когда у меня нашлось время, я проделал с хамелеонами этого вида несколько опытов. Прежде всего я начал дразнить хамелеона, но, хотя он и пытался, разозлившись, укусить меня, он вопреки моим предположениям совершенно не применял рога для борьбы. Решив, что хамелеон недостаточно рассержен, я положил его на землю и стал щекотать веткой. Хамелеон шипел, менял цвет, пытался схватить ветку, но при всех своих движениях не нанес ни одного удара рогами. Тогда я предположил, что хамелеон использует рога лишь для схваток со своими соплеменниками. Когда у меня появился второй экземпляр рогатого хамелеона, я поместил обоих на одной ветке мордами друг к другу на расстоянии примерно трех футов. Хамелеоны страшно удивились неожиданной встрече, и это удивление немедленно отразилось на их окраске. После того как у них восстановился первоначальный цвет, хамелеоны медленно двинулись навстречу друг другу. Я с нетерпением ожидал начала боя. Когда они столкнулись мордами, один из хамелеонов прополз по спине второго с характерным для пресмыкающихся невозмутимым видом. Я снова разместил их в исходном положении, и все повторилось в прежней последовательности. Несмотря на все попытки, я так и не определил, каково назначение этих странных рогов. Ни разу за все время пребывания рогатых хамелеонов в моем лагере я не видел каких-либо действий, при которых эти пресмыкающиеся использовали бы рога.

Я всегда считал, что содержать в неволе хамелеонов очень легкая вещь; но мне пришлось убедиться, что временами они бывают не менее капризны, чем обезьяны или дукеры. В клетках хамелеонам часто не хватает воздуха или света. Один раз я поместил их в сравнительно открытом месте, и они вскоре погибли от солнечного удара. После многочисленных опытов я нашел наиболее надежный способ содержания хамелеонов. Над четырьмя молодыми деревцами на краю лагеря я велел соорудить навес из пальмовых листьев, а под ним поместил хамелеонов, привязав их к веткам сплетенными травяными жгутами. Разместили мы их таким образом, чтобы они не могли подползать друг к другу и запутываться в веревках. Около каждого хамелеона мы положили по куску тухлого мяса, запах которого привлекал сотни мух. Хамелеоны резкими движениями выбрасывали свои шестидюймовые языки и каждый раз захватывали одну или несколько мух. Три раза в день мы поливали хамелеонов водой; эта процедура им не очень нравилась, но без нее они быстро слабели и погибали.

В Камеруне встречается и третья разновидность хамелеонов. Впервые я увидел такого хамелеона при не совсем обычных обстоятельствах. В один из сравнительно свободных дней я решил обследовать несколько крупных муравейников, находившихся на полях и в мелком кустарнике поблизости от деревни. Со мной пошло около двадцати человек, так как только

при большом количестве помощников можно сплошным кольцом закрыть сетями муравейник и своевременно обнаружить попадающих в сети животных. Подойдя к первому муравейнику – массивному бугру из красной глины высотой около двенадцати футов и до тридцати футов по диаметру основания, – мы начали вырубать окружающую муравейник растительность, очищая полосу открытого пространства вокруг него. По кромке этой полосы мы подвесили сети вокруг муравейника, на некотором расстоянии друг от друга расположились мои многочисленные помощники, взволнованные и возбужденные. После того как значительная часть входных отверстий муравейника была законопачена, мы зажгли охапку сухой травы и подбросили ее к одному из отверстий. Дым постепенно распространялся по внутренним переходам и вскоре начал появляться в других отверстиях; по мере того как мы подбрасывали в огонь новые охапки травы, тонкие струйки дыма сменялись густыми клубами. В напряженной тишине все следили за муравейником. Прошло четверть часа, а в муравейнике не видно было никаких признаков жизни. Я уже решил, что муравейник пуст, как вдруг с противоположной от меня стороны круга раздались громкие крики. Обежав муравейник, я застал Элиаса и Плотника в припадке неудержимого смеха. Давясь от хохота, они показывали в сторону большого отверстия, из которого выползал маленький, длиной не более трех дюймов, хамелеон.

– Маса, мы сегодня поймали крупную добычу, – закатывался в восторге Элиас, хлопая себя по пухлым бедрам.

Подняв хамелеона, я положил его на ладонь. Маленький, полуторадюймовый, плотный хвост хамелеона был свернут наподобие пружины, на кончике вздернутого кверху носа находился небольшой рог, придававший хамелеону гордо-пренебрежительное выражение, какое часто можно увидеть у верблюда. На светло-коричневом туловище слегка выделялись ржаво-красные пятна и полосы. Это был мой первый карликовый хамелеон, и я восхищался его размерами, неторопливыми плавными движениями и пренебрежительным выражением на морде. Каким образом это живущее на деревьях пресмыкающееся попало в лабиринт муравейника, понять трудно, но тем не менее оно оказалось там. Позднее, когда я ближе познакомился с хамелеоном, я обнаружил у него много любопытных особенностей. Так, например, я никогда не видел его за едой, но, судя по тому, что он продолжительное время находился в прекрасном состоянии, он должен был все-таки что-то есть. Я не мог заставить его менять окраску, ни раздражая его, ни помещая попеременно в различные условия. Только ночью, закрыв глаза, он приобретал красивый пепельно-серый цвет и очень походил в это время на маленький, упавший с дерева лист. Постепенно у меня появились четыре таких хамелеона. Мне, однако, ни разу не довелось встретить их в естественном состоянии, так как пойманного в муравейнике хамелеона тоже трудно принимать в счет. Каждый раз я спрашивал продавца, где он поймал хамелеона, и каждый раз оказывалось, что хамелеон был пойман на земле, обычно на какой-нибудь проторенной тропе. Все мои попытки хитрыми вопросами опровергнуть эти утверждения не увенчались успехом. Пытаясь узнать, действительно ли эти пресмыкающиеся живут исключительно на деревьях, как это принято считать, я решил проделать опыт с четырьмя имевшимися у меня экземплярами. Их поместили в клетку с многочисленными ветками и с густым ковром сухих листьев и хвороста на полу. Как только хамелеоны обнаружили эту подстилку, они немедленно покинули ветки и переселились на пол, переползая и укрываясь между листьями.

Единственная привычка, сближавшая карликовых хамелеонов с их более крупными сородичами, – это танцы. Это исключительно забавное развлечение, которое хамелеоны изредка доставляют зрителям, можно полностью оценить, лишь увидев его собственными глазами. Находясь на ветке или на земле, хамелеон на минуту совершенно замирает и только медленно вращает глазами. Затем он плавно поднимает в воздух одну переднюю и одну заднюю лапу и начинает ритмично раскачиваться вперед и назад. Сделав шаг и снова застыв на месте, хамелеон поднимает другую пару лап и повторяет все сначала. При этом хамелеон все время вращает своими большими выпуклыми глазами – вверх, вниз, вперед и назад.

Ни местные жители, ни обезьяны из моей коллекции не любили хамелеонов. Для местных жителей они были одинаково бесполезны как в живом, так и в мертвом состоянии, и при виде того, как я возился с хамелеонами и как они меня кусали, зрители стонали и взволнованно щелкали пальцами. Они считали хамелеонов ядовитыми тварями, и никакие мои доводы не могли убедить их в противном. Обезьяны тоже откровенно не любили и боялись хамелеонов, но эти чувства проявлялись у них не так, как по отношению к змеям. Хамелеоны одновременно и привлекали и отталкивали обезьян. Обезьяны, размещавшиеся недалеко от клетки, где находились хамелеоны, внимательно следили за всеми движениями пресмыкающихся. Каждый раз, когда хамелеон выбрасывал язык, пытаясь поймать муху, обезьяны шарахались в сторону и издавали пронзительные крики изумления и восхищения.

К описываемому периоду моя коллекция обезьян состояла из красноухого гвенона, четырех белоносых гвенонов и шести дрилов. Однажды, когда один из хамелеонов издох, я принес его труп к обезьянам. Те почтительно окружили меня и стали с большим интересом разглядыватьдохлого хамелеона. Набравшись смелости, старший из дрилов слегка коснулся лапой хамелеона, отдернул ее и стал быстро вытирать о землю. Гвеноны так и не решились подойти ближе к трупу хамелеона. Дрилы же постепенно расхрабрились, схватили труп и стали пугать им гвенонов, которые разбежались с пронзительными криками. Пришлось прекратить эту игру, так как дрилы начали вести себя неприлично, а гвеноны были уже основательно запуганы и жалобными стонами выражали свои обиды. После этого я проделал новый эксперимент, пустив к обезьянам крупного живого хамелеона. Обезьяны отступали при его приближении, вскрикивали, корчили гримасы, но не казались очень испуганными. Затем я достал большого ужа и тоже подбросил его к обезьянам. Охваченные паническим страхом, они взметнулись к верхушкам своих столбов и отчаянно визжали там до тех пор, пока я не убрал змею.

Дрилы были уличными мальчишками в моей обезьяньей коллекции. Любой предмет, попадавший к ним в лапы, прежде всего проверялся на его съедобность или несъедобность. Если предмет оказывался несъедобным, он использовался некоторое время в качестве игрушки, но вскоре дрилы теряли к нему всякий интерес. Съедобные вещи (а к таковым дрилы относили большинство попадавших к ним предметов) использовались двумя способами. Деликатесы, например кузнечики, отправлялись в рот с максимальной быстротой, дабы никто не успел отнять это лакомство. С менее привлекательными предметами устраивалась длительная игра, в ходе которой дрилы постепенно откусывали кусок за куском до тех пор, пока все не оканчивалось съеденным. Дрилы, довольно угловатые по сравнению с другими обезьянами, обладали, однако, своеобразной привлекательностью. Мне нравилась их развалистая, похожая на собачью походка, привычка, оскаливая два ряда мелких зубов, морщить нос в невообразимой гримасе, которая должна обозначать приветливость, манера двигаться задом, обнажая ярко-розовое седалище. Многое в дрилах нравилось мне, но особенно таяло мое сердце, когда эти маленькие обезьянки, завидев меня, бросались ко мне, обхватывали лапами мои ноги, восторженно вскрикивали и доверчиво заглядывали в глаза.

Приобретенные мною шесть дрилов долгое время командовали другими, более робкими обезьянами. Хрупкие нервные гвеноны всегда уступали развязным дрилам сочных и вкусных кузнечиков и лишь недовольно ворчали и кашляли, наблюдая за трапезой своих обидчиков. Но в один прекрасный день господству дрилов настал конец: в лагере появился крупный, почти взрослый детеныш бабуина. Несмотря на молодость, он был по меньшей мере в три раза больше самого крупного дрила и со времени своего появления в лагере стал признанным начальником обезьяньей колонии. Бабуин был покрыт косматым желтоватым мехом, у него были большие зубы и длинный хвост, несколько напоминавший хвост льва. Казалось, что хвост бабуина внушал дрилам особое почтение; они долго, с глубоким интересом рассматривали его, время от времени оглядываясь и сравнивая его со своими короткими загнутыми хвостиками. Бабуин, которому я дал кличку Джордж, обращался с остальными обезьянами мягко и деликатно, не

разрешая им, однако, никаких вольностей. Изредка он даже позволял гвенонам слизывать со своей шкуры соль, в эти минуты он растягивался во весь рост на земле и лежал с блаженным выражением на морде. В первый день по прибытии Джорджа в лагерь дрилы сделали попытку общими силами отколотить его и утвердить свое господство, но Джордж оказался на высоте положения и вышел из этой схватки победителем. После этого случая дрилы почтительно склонились перед новым владыкой. Начиная преследования гвенонов, дрилы предварительно всегда выясняли, далеко ли находится Джордж, так как у последнего был простой способ прекращения споров – он кидался к месту драки и без разбора наносил сильные укусы всем ее участникам.

Джордж, быстро сделавшись ручным и податливым, стал в лагере общим любимцем и значительную часть времени проводил на кухне. Вскоре, однако, мне пришлось его из кухни убрать, так как он постоянно оказывался виновником всех и всяких недоразумений. Если запаздывал обед, мне говорили, что Джордж опрокинул сковороду. Если что-либо пропадало, находилось по меньшей мере три свидетеля, подтверждавшие, что в последний раз пропавший предмет они видели у Джорджа. Джордж был возвращен в общество обезьян, которыми он и стал руководить с мягкостью и тактом. Эти его качества поражали меня, так как в подавляющем большинстве случаев обезьяны, замечая уважение и страх своих сородичей, становятся отвратительными, наглыми существами. Удивил нас Джордж и другой своей особенностью. Решив, что, как и прочие обезьяны, он боится хамелеонов, я привязал его к столбу довольно длинной цепочкой. Заметив поблизости хамелеона, Джордж добрался до него, что стало возможным благодаря длине цепочки, одним ударом сбил его с ветки и принялся уплетать с видимым удовольствием. Пришлось срочно укорачивать привязь.

Самой очаровательной обезьянкой в моей коллекции был красноухий гвенон величиной с небольшую кошку, с нежной желто-зеленой окраской, с желтыми полосками на щеках, бахромой красновато-коричневых волос под ушами и большим сердцевидным пятном красных волос на морде. Весь он был хрупкий и изящный, худые, костлявые пальцы на лапках напоминали мне пальцы очень старых людей. Ежедневно каждая обезьяна получала свою порцию кузнечиков – любимую пищу обезьян. Когда красноухий гвенон замечал меня, он становился на ноги, издавал пронзительные, тонкие крики, напоминавшие щебетание птиц, и умоляюще протягивал руки с тонкими дрожащими пальцами. Наполнив рот и обе руки кузнечиками, гвенон быстро съедал их, а затем начинал внимательно, с напряженным выражением в светло-коричневых глазах рассматривать свои лапы и землю около себя в надежде обнаружить какого-нибудь затерявшегося кузнечика. Никогда еще я не встречал более милой обезьянки. Даже ее крики, напоминавшие мягкое щебетание птиц, и протяжное воркование, которым она стремилась привлечь к себе внимание, резко отличались от утробного ворчания и громких, пронзительных криков дрил или от металлических, скрипучих голосов белоносых гвенонов. Джордж разделял мои симпатии к красноухому гвенону, а тот, в свою очередь, был очень привязан к бабуину. Выглядывая из-за заросшего шерстью плеча Джорджа, маленький гвенон даже позволял себе корчить гримасы дралам.

В полдень солнце беспощадно обжигает лес и лагерь, в давящей духоте и жаре не слышно даже птичьих голосов. Лишь из прохладных глубин леса доносится слабый, отдаленный звон цикад. Птицы с закрытыми глазами дремлют в своих клетках, крысы перевернулись на спинки и тоже заснули, слегка подергивая лапками во сне. На теплой земле под укрытием из пальмовых листьев вытянулись во весь рост обезьяны, они мирно спят с кротким невинным выражением на маленьких мордочках. Единственным бодрствующим в такие часы обычно бывал тот же красноухий гвенон; он пристраивался к отдыхавшему бабуину, энергично чистил ему мех, время от времени подбадривая себя тонкими мягкими выкриками, и проделывал свою работу с таким же самозабвением, с каким сидит иногда за вязанием пожилая одинокая женщина. Длинными пальцами гвенон разглаживал и расправлял мех бабуина. При этом гвенон не искал

блох, которые вообще редко встречаются у обезьян. Конечно, если во время поисков попадется и блоха, она будет немедленно съедена, но основной целью поисков являются кристаллики соли, появляющиеся в шерсти обезьяны после того, как у нее испаряется пот. Эти кристаллики соли считаются у обезьян первосортным лакомством. Ищущий вознаграждается вкусным лакомством, а тот, у кого ищут соль, испытывает приятное, сладостное ощущение, когда мягкие ласковые пальцы расчесывают и приглаживают его мех. Иногда стороны меняются ролями, тогда гвенон лежит на земле с закрытыми в блаженном экстазе глазами, а Джордж обшаривает его мягкий пушистый мех большими черными неуклюжими пальцами. Временами Джордж увлекается и забывает, что имеет дело не с обезьяной своей комплекции, тогда движения его сильных рук причиняют боль маленькому гвенону. Раздается жалобный тонкий крик, и в ответ слышится глухое, но виноватое бурчание Джорджа.

На ночь обезьян отвязывали от шестов, поили молоком с рыбьим жиром и привязывали в маленькой, специально построенной для обезьян хижине рядом с моей палаткой. Я знал, что чем ближе ко мне находятся обезьяны, тем они в большей безопасности; если бы леопард захотел ночью полакомиться обезьяной, он легко добрался бы до места их дневного пребывания. Каждый вечер обезьян приводили к хижине, поили и вводили в помещение, не обращая внимания на негодующие крики и протесты животных, которые еще не хотели спать. Джордж всегда приходил последним, и, пока в хижине привязывали остальных обезьян, он лихорадочно осматривал все кастрюли, надеясь в какой-нибудь из них найти недопитое молоко. Затем, несмотря на бурные протесты, его также втаскивали в хижину. В один из вечеров Джордж взбунтовался. После того как все улеглись, я поужинал и отправился в деревню на танцы. Джордж, вероятно, заметил меня сквозь одну из трещин в стене хижины и решил, что если я могу провести вечер вне стен лагеря, то он тоже имеет на это право. Осторожно развязав узел, он освободился от привязи и сквозь сплетенную из листьев стену хижины вылез наружу. Пробежав по лагерю, Джордж вышел на тропу; в этот момент его увидел сторож.

Сторож закричал, схватил банан и помчался к Джорджу, пытаясь приманить его обратно в лагерь бананом. Джордж остановился и внимательно посмотрел на бежавшего за ним сторожа. Подпустив его поближе, он неожиданно бросился ему навстречу, укусил его в ногу, повернулся и быстро пошел по тропе по направлению к деревне. Бедный сторож в это время громко кричал, стоя на одной ноге. Достигнув деревни, Джордж удивился, увидев, как много людей собралось вокруг фонаря. К моменту его прихода заиграла музыка и начался излюбленный в Эшоби танец, характеризующийся быстрыми раскачивающимися движениями туловища. Несколько минут Джордж внимательно следил за представлением и решил, очевидно, что эта интересная игра затеяна специально в честь его прихода. С громким радостным криком метнулся он в круг танцующих, несколько человек споткнулись о болтавшуюся за ним цепочку. Джордж начал весело прыгать в середине круга, то и дело толкая кого-либо из окружающих. Затем он задел и опрокинул фонарь, который быстро угас. Ошеломленный внезапно наступившей темнотой и суматохой, вызванной его появлением, Джордж бросился к ближайшему танцору и прижался к его ногам.

Фонарь был снова зажжен, Джордж, получив заслуженное наказание, сел ко мне на колени, где он вел себя вполне прилично. Когда я отворачивался, он украдкой пил из моего стакана, а в остальное время внимательно и серьезно разглядывал танцующих. Танцоры, искоса поглядывая на Джорджа, снова образовали круг. Вскоре я попросил маленький барабан и, спустив Джорджа на землю, поставил перед ним этот инструмент. Джордж внимательно следил за оркестром и теперь знал, что от него требуется. Присев на корточки, он оскалил клыки в восторженной гримасе и начал изо всех сил колотить в барабан. К сожалению, его понятие о ритме отличалось от такового у остальных барабанщиков, и вызванный им беспорядочный грохот снова привел в замешательство ряды танцующих. Вернув барабан законному владельцу, я отправился с Джорджем обратно в лагерь.

Во второй раз Джордж присутствовал на празднестве в деревне по специальному приглашению. За два дня до того, как я должен был покинуть Эшоби и присоединиться к Джону в Бакебе, меня посетил вождь и сообщил, что в честь моего отъезда жители деревни устраивают прощальный вечер с танцами. Меня просят принять участие в торжестве. Кроме того, если я не против, жители хотят увидеть на вечере и играющую на барабане обезьяну. Вождь объяснил мне, что один из его друзей, житель другой деревни, мечтает увидеть праздник с участием музыкальной обезьяны. Я дал за нас двоих обещание прийти на торжество. За полчаса до начала праздника я отправил в деревню два больших фонаря. Мое появление в деревне рядом с торжественно выступавшим Джорджем, которого я на всякий случай придерживал на коротком поводке, было встречено аплодисментами и приветственными возгласами. Я увидел многочисленную толпу жителей деревни всех возрастов, одетых в свои лучшие костюмы; среди прочих здесь находился и мальчуган в привлекательном костюмчике из двух тряпок от старого мешка, на одной из которых большими голубыми буквами выписано было название фирмы; вождь и члены совета надели свои самые яркие праздничные наряды. Элиаса, который был назначен распорядителем праздника, я узнал не сразу: на нем были огромные парусиновые туфли, коричневые, заколотые булавками брюки и яркая зеленая рубашка. На конце длинной цепочки для часов висел большой свисток, который Элиас частенько пускал в ход для наведения порядка. Оркестр состоял из трех барабанов, двух флейт и бубна.

После того как мой стол и стул были установлены на обычном своем месте и я обменялся рукопожатиями и словами приветствия с вождем и членами совета, Элиас вышел на середину улицы и пронзительно засвистел, требуя полной тишины. Обратившись к присутствующим, он напомнил им, по какому торжественному случаю организовано сегодняшнее празднество, и призвал их отметить мой отъезд хорошей пляской.

Речь его вызвала взрыв энтузиазма; немедленно начал образовываться круг. Элиас находился в центре круга; по его сигналу оркестр приступил к своей работе. Прыгая внутри круга танцующих и вихляя всем телом, Элиас непрерывно выкрикивал команды и указания: «Вперед... встречайтесь и кружитесь... поворачивайте вправо... приседайте... все вперед... снова приседайте... вперед...» и так далее. Танцоры прыгали и кружились по его команде, руки, ноги, туловища, глаза – все находилось в непрерывном движении, тени танцующих при неровном свете фонарей скользили и переплетались по земле, создавая странное, фантастическое впечатление. Барабаны грохотали и отбивали сложный ритм, флейты тонкими голосами объединяли эти удары в общую мелодию. Темп танца неуклонно нарастал, лица танцующих блестели при свете фонарей, зубы сверкали, тела корчились и извивались, ноги равномерно стучали по земле. Зрители аплодировали, раскачивались в такт аккомпанементу и одобрительными возгласами встречали каждую попытку молодых танцоров исполнить особенно замысловатый пируэт. Наконец в состоянии полного изнеможения музыканты закончили игру и танец прекратился. Все расселись, и послышался гул многочисленных разговоров.

После трех или четырех танцев Элиас подвел ко мне неприятного юнца по имени Сэмюель. Это был воспитанник школы миссионеров, говоривший по-английски в противно напыщенном стиле, вызывавшем у меня отвращение. Он был единственным жителем поселка, удовлетворительно знавшим английский язык, и ему предназначалась сейчас роль переводчика, ибо, как объяснил мне Элиас, один из членов совета собирался произнести речь. Оратор, находившийся на противоположной стороне улицы, встал, плотнее запахнул свою нарядную бледно-розовую накидку и заговорил громко и быстро на языке баньянги. Сэмюель стоял рядом с ним и внимательно слушал. По окончании каждой фразы он опрометью перебежал улицу, передавал мне ее содержание и возвращался обратно. В начале речи оратор терпеливо ждал возвращения переводчика, но постепенно, увлеченный собственным красноречием, он перестал делать паузы, и бедный Сэмюель лихорадочно метался от него ко мне и обратно. Ночь

была теплая, Сэмюель, очевидно, не привык к таким упражнениям; его белая рубашка вскоре посерела от пота. Речь в переводе Сэмюеля звучала примерно так:

– Жители Эшоби! Вы все знаете, зачем мы сегодня собрались... попрощаться с джентльменом, который так долго был вместе с нами. Никогда еще в истории Эшоби не встречали мы такого человека... деньги текли из его рук так же легко, как воды в руслах ручьев и рек. – (Дело происходило в сухой период, большинство ручьев пересохло и обмелело, так что я не был уверен, следовало ли мне радоваться приведенному сравнению.) – Те, у кого были силы, ловили в лесу животных, за которых они получали хорошие деньги. Женщины и дети приносили кузнечиков и муравьев, получая за них деньги и соль. Мы, старейшины деревни, хотели бы, чтобы господин навсегда поселился у нас, мы дали бы ему землю и построили хороший дом. Но господин должен вернуться в свою страну с животными, которых мы, жители Эшоби, поймали для него. Мы надеемся, что господин расскажет жителям своей страны, как жители Эшоби помогали ему. Если господину снова нужны будут животные, он вернется в Эшоби и останется с нами надолго.

Эта речь была встречена продолжительной овацией. Я поблагодарил всех за любезность и доброту, обещал вернуться при первой же возможности и сказал, что об Эшоби и его жителях я сохраняю самые приятные воспоминания. Это мое утверждение, кстати, было вполне искренним. Свой ответ я произнес на ломаном, максимально упрощенном английском языке и извинился перед слушателями за то, что не в состоянии пока беседовать с ними на родном их языке. Моя речь также была шумно одобрена присутствовавшими, к этому одобрению присоединились и громкие крики Джорджа. Затем снова заиграл оркестр, Джорджу дали барабан, и он начал колотить по нему с большим усердием, к великому изумлению и восторгу присутствовавших на празднике гостей. Было уже очень поздно, когда мы с Джорджем, бесцеремонно зевавшим всю дорогу, вернулись в лагерь. Танцы в деревне продолжались до рассвета.

Вся ночь накануне отъезда ушла на сборы багажа, упаковку животных, подготовку клеток к движению. К пяти часам утра все жители деревни собрались в лагере. Половина из них нанялась ко мне в носильщики, другая половина просто пришла проводить нас. Повара я отправил вперед в Мамфе, чтобы он приготовил там завтрак. В Мамфе нас должен был ожидать грузовик. Постепенно лагерь пустел, наиболее ценных животных я старался поручить самым надежным носильщикам. Женщин, которые несли маты из пальмовых листьев, охотничье снаряжение, кухонную утварь и прочие мелочи, я отправил вперед. За ними тронулись в путь носильщики с животными. Я распределил между пришедшими попрощаться со мной охотниками различные пустые банки и бутылки, имевшие в их глазах большую ценность. Затем, сопровождаемый плотной толпой провожающих, обмениваясь многочисленными рукопожатиями, я вышел к берегу небольшого ручья позади деревни, откуда начиналась лесная тропа.

Новые рукопожатия, сверкающие белые зубы, прощальные возгласы, пожелания новых и скорых встреч. Я перешел ручей и начал догонять носильщиков, голоса которых слышны были уже далеко в чаще леса.

К рассвету длинная цепочка носильщиков вышла из леса к большому, покрытому травой полю. Небо было бледно-голубое, лучи восходящего солнца освещали уже верхушки деревьев. Впереди нас над полем и тропинкой, по которой мы шли, пролетели три птицы-носорога, издавая громкие грустные крики. Элиас обернулся ко мне, по лицу его градом катился пот, на голове у него была большая клетка с летучими мышами.

– Птицы очень сожалеют, сэр, что вы покидаете Эшоби, – сказал он, дружески улыбаясь мне.

Я тоже очень сожалел, что покидал Эшоби.

Часть вторая Бакебе и далее

Глава VIII Змеи и нектарницы

В Бакебе я обнаружил, что Джон поселился в большой хижине, служившей ранее в качестве склада департамента общественных работ. Это было трехстенное сооружение, светлое и просторное, расположенное над деревней на вершине холма. Отсюда открывался величественный вид на бесконечный колыхающийся лесной массив, тянувшийся далеко за пределы Каме-руна. Всевозможные оттенки зеленого цвета создавали своеобразную пеструю мозаику. Кое-где, подобно большим кострам, сверкали густо усыпанные ярко-красными цветками большие деревья. Невозможно даже приблизительно описать все разнообразие растительности в лесу: здесь были тонкие, покрытые бледно-зелеными листьями деревья; рядом росли плотные, похожие на дубы деревья с темно-оливковыми листьями; тут же можно было увидеть стройные красивые деревья, бледно-серебристые стволы которых вытянулись на несколько сот футов и на тонких ветках которых на огромной высоте широко раскинулась густая шапка мерцающих желто-зеленых листьев. К ветвям и коре этих деревьев прилепились темно-зеленые пучки орхидных растений и папоротников. Многочисленные холмы, до самой вершины покрытые плотной растительностью, придают пейзажу необычный и странный вид: одни из этих холмов имеют форму равнобедренного треугольника, другие похожи на прямоугольный кирпич, третьи напоминают своей зубчато-чешуйчатой поверхностью спину старого крокодила. Ранним утром, когда мы смотрели на лес с вершины нашего холма, он был покрыт плотной пеленой белого тумана; с восходом солнца туман медленно рассеивался, поднимаясь к голубому небу выходящими струйками и кольцами. Первые лучи солнца, освещая очистившиеся от тумана верхушки деревьев, создавали полную картину лесного пожара. Вскоре туман оставался лишь у подножий холмов, которые походили в эти минуты на зеленые островки в молочном море.

В Бакебе, как я вскоре определил, было очень много пресмыкающихся. На расстоянии полумили протекала широкая полноводная река, и частенько ребятишки притаскивали нам висящих в сплетенных из травы петлях детенышей крокодила. По прибытии в Бакебе мы устроили специальный пруд для крокодилов, но очень скоро оказалось, что пруд этот необходимо расширить. Каждую неделю я пересчитывал обитателей пруда, так как без таких подсчетов я рисковал по несколько раз покупать одних и тех же пресмыкающихся. Эти подсчеты проходили в бурной обстановке и, как правило, заканчивались перевязкой поврежденных пальцев. Удивительно, что даже малюсенький шестидюймовый крокодил при желании может очень больно кусаться. Слуги относились к еженедельным проверкам без всякого энтузиазма, считая их чрезвычайно опасными, и при первой же возможности старались от них уклониться.

Однажды слуги хуже обычного исполнили свои обязанности, и скорее в виде наказания, чем по необходимости, я послал их пересчитывать крокодилов. Вскоре я услышал громкий крик, за которым последовали удар и всплеск. Около пруда я застал полный хаос. Даниэль, подойдя к одной из решеток у пруда, поскользнулся и упал; не рассчитанная на такую нагрузку решетка опрокинулась, потянув за собой другие по всей этой стороне ограждения. В довершение всего Даниэль с шумом свалился в пруд. Около сорока маленьких крокодилов с перепугу выскочили на берег и устремились в открывшийся проход. Вся площадка заполнилась крокодилами, быстро и проворно разбегавшимися в разные стороны с угрожающе разинутыми мордами. Я позвал на помощь, и со всех сторон ко мне бросились слуги, работавшие на кухне, в

отделении птиц и в других местах. В моменты кризисов, подобных описываемому, все наши помощники независимо от их участка работы обязаны были являться на зов. В арьергарде, лишний раз подтверждая укоренившуюся за англичанами репутацию хладнокровных и невозмутимых людей, обычной своей неторопливой походкой шествовал Джон.

Ко времени его появления на площадке большинство пресмыкающихся уже укрылось в кустарнике. Увидев только одного или двух крокодилов, он, естественно, заинтересовался, чем вызван весь шум и крик.

– Я думал, что у тебя разбежались все крокодилы, – огорченно сказал он, – только поэтому я и пришел сюда.

Словно в ответ, из травы выползли пять крокодилов и закружились вокруг Джона. С минуту Джон задумчиво смотрел на них, не обращая внимания на тревожные крики слуг, затем нагнулся, поднял одного крокодила за хвост и протянул его мне.

– Вот один из них, старина, – сказал он спокойно.

– Не держи его так, Джон, сейчас он повернется...

Но я не успел закончить фразу. Маленькое пресмыкающееся изогнулось и вцепилось челюстями в пальцы Джона. К чести Джона следует сказать, что он не проронил ни звука: стряхнув крокодила на землю, он покинул площадку.

– Полагаю, что я тебе больше не нужен, – проговорил он на прощание, облизывая пальцы. – Я ведь занимаюсь только птицами.

Он вернулся в хижину и навернул себе на палец огромную повязку. Все остальные провели жаркий мучительный час, загоняя крокодилов обратно в пруд и восстанавливая вокруг него решетки.

Этот случай послужил началом целого ряда неприятных эпизодов в жизни Джона, связанных с пресмыкающимися. Он упорно доказывал, что все эти неприятности вызваны моим приездом в Бакебе; до этого Джон вел счастливую, свободную от вторжений пресмыкающихся жизнь. С моим приездом на Джона обрушился мир пресмыкающихся. Джон не боялся змей, но всегда обращался с ними с должной осторожностью и почтением. Будучи в состоянии издалека оценить их красоту, он не желал слишком близкого знакомства с ними. Поэтому то обстоятельство, что пресмыкающиеся в целом и змеи в особенности начали проявлять к Джону повышенный интерес, доставило ему много тяжелых минут.

Однажды днем, когда я собирался совершить обход расставленных накануне силков, появился человек с плетеной рыболовной сеткой, заполненной ужами. Быстро сторговавшись с продавцом, я бросил ужей в пустую банку из-под керосина и прикрыл ее сверху доской, решив заняться ужами после возвращения из леса. Когда вечером я вернулся, оказалось, что плотник использовал доску для оборудования новой клетки, а все ужи исчезли. Решив, что они уползли в лес, я ограничился небольшим внушением плотнику, порекомендовав ему в дальнейшем быть более внимательным. Полчаса спустя, когда Джон приподнял в отделении для птиц большую тяжелую клетку, он обнаружил под ней пять жирных ужей, свернувшихся в клубок. От неожиданности Джон опустил клетку, которая больно ударила его по ноге. Началась лихорадочная погоня, в ходе которой Джону пришлось передвигать большинство клеток с птицами, под которые ужи заползали с большой ловкостью и проворством. Джон не очень радовался этому приключению, но я не мог без смеха слушать его многочисленные, хотя и не совсем связанные, проклятия в адрес пресмыкающихся, а заодно и в мой.

Несколько дней спустя из деревни, запыхавшись, примчался мальчик, сообщивший мне, что на одном из банановых деревьев обнаружена змея. В этот момент в лагере не оказалось ни одного свободного слуги, и я поневоле обратился за помощью к Джону. Неохотно прекратил он свою возню с птицами и спустился со мной по склону холма. Около пятидесяти жителей деревни собралось у бананового дерева позади одной из хижин. С громкими криками они показали нам змею, обвившую большую гроздь бананов возле самой верхушки дерева и мрачно

разглядывавшую собравшихся сверкающими глазками. Джон поинтересовался, ядовита ли эта змея, на что я ответил утвердительно; насколько я мог разглядеть на расстоянии, это была древесная гадюка, укус которой чреват для пострадавшего большими неприятностями. Джон отошел подальше от дерева и собравшейся вокруг него толпы и спросил, каковы мои дальнейшие намерения. Я решил, что проще всего срезать связку бананов, на которой находилась змея.

Вокруг места вероятного падения плодов мы натянули плотную частую сетку. Я попросил Джона вооружиться палкой, встать у внешней стороны сети и в случае необходимости отражать попытки змеи пробраться через нее. Затем я одолжил у одного из зрителей нож мачете и спросил, не возражает ли хозяин дерева, если я срежу гроздь незрелых плодов. Несколько голосов из толпы ответили, что они ничего не имеют против; лишь значительно позднее выяснилось, что хозяин дерева категорически возражал, и мне пришлось умиротворить его несколькими шиллингами. Я подошел к дереву, небрежно помахивая мачете. Толпа все увеличивалась, зрители с нетерпением хотели ознакомиться со способами ловли змей, применяемыми белыми. Для начала всем очень понравилось, что я не достаю до нужной ветки и поэтому не в состоянии срезать гроздь.

– Я срублю все дерево, – обратился я к Джону.

– Хорошо, только сначала разгони эту толпу. Если проклятая гадюка будет иметь большой выбор, она наверняка кого-нибудь укусит.

– Не беспокойся, в случае необходимости камерунцы легко убегут от змей.

Я с размаху ударил по стволу дерева. На взгляд он казался твердым, но в действительности был мягким, сочным, волокнистым и легко поддался удару ножа. После второго же удара, к большому моему изумлению, дерево накренилось и упало на землю. К несчастью, случилось так, что упало оно прямо на то место, где находился Джон. С неожиданным для меня проворством Джон отпрыгнул в сторону и уклонился от прямого соприкосновения со стволом. Гроздь банановых плодов при падении сорвалась с дерева и, упав на землю, подкатилась к ногам Джона. Гадюка сердито зашипела. Как я и предсказывал, толпа мгновенно разбежалась, и Джон остался наедине с рассвирепевшей змеей. Их разделял только кусок непрочной сети. Оказалось, что я неверно определил размеры змеи; она легко проползла через ячейку сети, скользнула у ног остолбеневшего Джона и скрылась в кустах. Искать ее в густых зарослях не было смысла, поэтому я стал освобождать сеть из-под рухнувшего дерева. Джон мрачно следил за мной.

– Я убедился, что меня совершенно не привлекает охота на змей, – заговорил он наконец, – в дальнейшем прошу не рассчитывать больше на мою помощь.

– Но ты им как будто нравишься, – возразил я. – Они просто очарованы тобой. Если к твоим ногам прикрепить сети, мы поймем множество змей, которые будут стремиться к тебе. Ты должен гордиться: не всякий обладает таким магическим влиянием на пресмыкающихся.

– Благодарю, – сухо ответил Джон. – Твое предложение меня не устраивает – сети в ногах будут сковывать мои движения. Я вполне удовлетворен работой с птицами и не намерен расширять репертуар за счет пресмыкающихся.

Повернувшись, он пошел к нашему дому, предоставив мне возможность самому вести разговор с подошедшим хозяином срубленного дерева.

Последний случай произошел три дня спустя. Какой-то разговорчивый охотник принес небольшую корзинку, в которой свернулась толстая красивая гадюка габун. Кожа этой слегка приплюснутой змеи покрыта причудливыми красочными узорами. Купив змею, я показал ее Джону. Пресмыкающееся недавно сменило кожу, новая переливалась и сверкала сейчас своеобразным сочетанием розового, красного, светло-коричневого, серебристого и шоколадного цветов. Джон выразил свое восхищение, но умолял меня надежно запереть змею.

– Она очень ядовита, старина?

– Да, укус ее смертелен.

– Ради бога, спрячь ее в хорошую клетку. Вспомни ужей, не нужно, чтобы повторилась эта история.

– Не беспокойся, у меня для таких змей построена специальная клетка.

И неподвижная гадюка была торжественно водворена в специальную клетку. Все было бы хорошо, если бы не разразилась гроза. Когда началась гроза, я принимал ванну; вспомнив, что клетки со змеями находятся под открытым небом, я приказал слугам немедленно внести их под навес. От влаги дерево коробится, а змее, для того чтобы выбраться из клетки, достаточно самой маленькой трещины. Клетки со змеями внесли в помещение и поставили рядом с клетками обезьян. Успокоившись, я решил принять ванну.

Джон сидел в пижаме за столом и сосредоточенно вырезал из старых консервных банок маленькие лоханки, из которых он собирался поить птиц. Я заканчивал в комнате свой туалет, когда какое-то движение под креслом Джона привлекло мое внимание. Накинув на себя халат, я подошел ближе и увидел на полу в шести дюймах от обутых в комнатные туфли ног Джона габуна. Судя по прочитанным книгам и рассказам бывалых людей, я полагал, что в подобные минуты с жертвами несчастных случаев следует разговаривать исключительно хладнокровно, избегая паники и резких движений. Поэтому, слегка откашлявшись, я мягко, почти нежно произнес:

– Сиди спокойно, старина, у тебя под ногами гадюка габун.

Оказалось, что мне не следовало сразу упоминать гадюку. Мои слова вызвали у Джона мгновенную и сильную реакцию. Он вскочил со стула с огромной быстротой, консервная банка, молоток и ножницы полетели в разные углы комнаты, стол был немедленно опрокинут. Гадюка, удивленная внезапно возникшим переполохом, выползла из-под стула и направилась к клеткам обезьян. Я кинулся за ней, и после нескольких томительно напряженных минут мне удалось накрыть ее сачком для ловли бабочек. Гадюка была немедленно водворена в прежнее помещение. Скоро я обнаружил и виновника происшествия. Клетки змей поместили слишком близко к обезьянам, и одна самка дрила, развлекаясь, просунула руку через решетку и открыла все клетки со змеями, до которых она могла дотянуться. Ближайшей, к сожалению, оказалась клетка гадюки. Джон произнес по моему адресу несколько выразительных и вполне справедливых слов. Я согласился, что, если бы гадюка его укусила, он распростился бы с жизнью: в Камеруне, насколько мне известно, не знают сыворотки от укуса ядовитых змей, ближайший врач находился на расстоянии двадцати пяти миль, и у нас не было никакого транспорта.

– Почему бы тебе не поехать куда-нибудь? – жалобным тоном допытывался Джон. – Уже три недели, как ты приехал в Бакебе из Эшоби, пора снова отправляться в лес за животными.

– Да, – задумчиво поддержал я, – с каким бы удовольствием я отправился в лес, если бы ты согласился взять на себя заботу об оставляемых здесь животных.

– Куда ты хочешь идти?

– На гору Нда-Али.

– Прекрасная идея, – оживился Джон, – ты можешь даже расшибиться на одной из скал, если тебе очень повезет.

Нда-Али была самой высокой горой в окрестностях Бакебе. Она нависала над деревней и над нашим маленьким холмом. Почти с любого места видны были ее окутанные туманами и облаками очертания, на крутых и мрачных гранитных скалах не было даже следов какой-либо растительности. Ежедневно я по нескольку раз с волнением рассматривал вершину горы, и каждый раз Нда-Али представлялась мне в ином виде. Ранним утром она казалась огромным, притаившимся в тумане чудовищем; в полдень – сияла зелеными и желтыми красками леса, скалы ее блестели и сверкали в солнечных лучах; к ночи гора выглядела пурпурной и неопределенно бесформенной, исчезая во мгле с заходом солнца. Иногда она пряталась от нас, закрываясь белыми тучами и пропадая порой на два-три дня. Рассматривая острые скалы, охраняющие лесные дебри на вершине горы, я все больше проникался желанием добраться до этих лесов

и познакомиться с таившимися в них загадками. Учтя стремление Джона как можно быстрее избавиться от меня, я приступил к расспросам среди местных жителей. Я узнал, что гора Нда-Али входит в сферу влияния жителей соседнего поселка Финешанг и, конечно, что в горах обитают злые духи ю-ю. Ни одна мало-мальски уважающая себя гора не могла бы обойтись без злых духов. Дальше мне удалось узнать, что злые духи разрешили жителям Финешанга охотиться и ловить рыбу только на нижних склонах горы и лишь один человек имел право доступа к ее вершине. Этот человек был и единственным жителем поселка, знавшим, какими тропами можно добраться до вершины. Я послал этому фавориту злых духов послание, в котором выразил свое уважение и высказал пожелание вместе с ним на один день подняться на вершину Нда-Али. После этой первой прогулки я намеревался, передав этому человеку командование над группой охотников, птицеловов и слуг, разбить лагерь на заросшей лесами вершине Нда-Али. С плохо скрываемым нетерпением ожидал я ответа на мое послание, взоры мои с тоской обращались в сторону таинственной горы.

Коллекция птиц, собранная Джоном, достигла к тому времени больших размеров и отнимала все его время. Помимо приготовления пищи (крутые яйца, мелко нарубленное вареное мясо, сушеные фрукты и т. д.), Джон по нескольку раз в день обходил все клетки, имея при себе банки, наполненные кузнечиками и личинками ос. С помощью специальных щипчиков он собственными руками кормил каждую птичку; при таком методе кормления он всегда был уверен, что каждый из его пернатых пленников хорошо питается и находится в удовлетворительном состоянии. Терпение и усердие Джона приводили меня в восхищение; благодаря его ласковым заботам птицы чувствовали себя превосходно и весело щебетали в своих легких деревянных клетках. Больше всего Джон огорчался, когда ему приносили изувеченных и умирающих птиц. Он показывал мне красивых, с ярким оперением пташек и говорил сердито:

– Смотри, дружище, какой прекрасный экземпляр стал теперь совершенно бесполезным только потому, что эти дурни не умеют как следует с ними обращаться. Крыло у птицы переломано, она уже никуда не годится. Мне просто плакать хочется, честное слово.

После этого у Джона с охотником происходил примерно следующий разговор:

– Это плохая птица, – говорил Джон, – она ранена и скоро умрет.

– Нет, сэр, – отвечал охотник, – она не ранена, сэр.

– У нее переломано крыло, ты слишком крепко связал ее.

– Нет, она не умрет, сэр. Это хорошая птица, сэр.

– Что делать с этими олухами? – поворачивался ко мне Джон. – Они всегда уверяют меня, что птица не умрет, даже если у нее переломаны все кости.

– Да, они делают все возможное, чтобы переубедить тебя.

– Но это мне так надоело! Я заплатил бы за эту птицу пять шиллингов, если бы она была в хорошем состоянии.

Однажды охотник принес гвинейскую цесарку величиной с крупного цыпленка с серо-голубым, усыпанным белыми пятнами оперением; голова ее была украшена гребнем пушистых черных перьев. Она находилась в тяжелом состоянии, и беглый осмотр убедил Джона в том, что птица доживает последние минуты своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.